

ПОЛЬСКОЙ ВОПРОСЪ.

СОБРАНИЕ РАЗСУЖДЕНІЙ,

ЗАПИСОКЪ И ЗАМѢЧАНІЙ.

М. П. ПОГОДИНА.

№ 15412

1831—1867.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
Biblioteka
ul. Nowy Świat Nr 72
00-330 Warszawa
Tel. 26-68-63, 26-52-31 w. 42

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ.“
ВЪ БРЮСОВСКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ВЪ ДОМѢ СМІРНОВА.
1867.

IN STY 10
HADA I REZACI
IN NORW
Tel 20-4

2696

<http://rcin.org.pl>

ПРЕДИСЛОВІЕ

1863 года.

«Вся Европейская печать кишитъ статьями о Польскомъ вопросѣ. Неужели молчать должны только мы, Русскіе, до которыхъ онъ больше всѣхъ касается? Нѣтъ, Европейцы должны узнать наше мнѣніе, должны принять на свои вѣсы наши доказательства. Вѣсы ихъ, мы знаемъ, кривы, не вѣрны, когда дѣло касается предметовъ, приносящихъ пользу или причиняющихъ вредъ Россіи, которая до сихъ поръ представляется въ ихъ воображеніи какимъ-то грознымъ призракомъ, но все-таки мы должны говорить хоть для немногихъ, способныхъ судить *sine ira et studio*.

Я писалъ о Польшѣ нѣсколько разъ, съ 1830 года, по разнымъ случаямъ, и представилъ осязательныя доказательства расположенія къ Полякамъ, въ самое тяжелое для нихъ время: напимѣръ, въ 1839 году я настаивалъ на покровительствѣ Польскому языку, литературѣ и исторіи; въ 1854 году предлагалъ совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи и возвращеніе политической самобытности въ предѣлахъ Польскаго языка, въ 1856 году желалъ ей полной автономіи.

При такихъ данныхъ я считаю своимъ долгомъ, и вмѣстѣ правомъ подать голосъ и въ новыхъ отношеніяхъ, созданныхъ ужасными событіями 1862 года.

Слѣдя за ихъ ходомъ, и разсматривая ихъ съ прежнимъ безпристрастіемъ и прежнимъ доброжелательствомъ къ Польскому народу, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Польша, *разумно*, не должна и желать отдѣленія отъ Россіи. Россія, *разумно*, не можетъ отдѣлить отъ себя Польшу, еслибъ и хотѣла.

Поляки ничего не могутъ надѣяться отъ Запада по историческимъ, географическимъ и политическимъ причинамъ, по ходу дѣлъ.

Единственная ихъ надежда на улучшение должна относиться къ Россіи, съ которою соединила ихъ судьба и Исторія, а не нынѣшнее правительство.

Западные губерніи, заселенныя Русскимъ племенемъ, на кои Поляки рассчитывали больше всего, составляютъ неразрывную, неотъемлемую часть Россіи, по единодушному сознанию и рѣшенію всего Русскаго народа,—не только правительства, которое въ этомъ случаѣ выражаетъ только общую волю.

Поляки могутъ оставаться тамъ, только какъ Русскіе. Тѣ, которые живо сознаютъ свое Польское происхожденіе, должны удаляться оттуда въ Польшу, такъ называемую, съ выкупными листами, или векселями, кои, въ такомъ случаѣ, выдало бы имъ Русское казначейство.»

Это предисловіе написалъ я въ Мартѣ 1863 года, намѣреваясь тогда выдать свое собраніе, но оно не могло быть напечатано по-цензурнымъ недоразумѣніямъ, о которыхъ послѣ.

Съ тѣхъ поръ утекло еще много воды; много событій разныхъ родовъ, одно другаго важнѣе и значительнѣе, совершилось въ Россіи и Польшѣ.

Въ Россіи наступила новая эра: вслѣдъ за освобожденіемъ 25 мил. крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и надѣленіемъ ихъ землею, вмѣстѣ съ утвержденіемъ земли за казенными, такъ называемыми, крестьянами, и устройствомъ 50-ти

милліоновъ собственниковъ, введено было гласное судопроизводство, получили начало земскія учрежденія, значительно распространена свобода печати, и многія либеральныя учрежденія послѣдовали однѣ за другими.

Онѣ простирались и на Польшу. Въ Польшѣ устроенъ былъ также бытъ крестьянъ, посредствомъ тѣхъ же лицъ, на кои возложено было это великое дѣло въ Россіи; крестьяне Польскіе сдѣлались такими же собственниками, какъ и Русскіе; города освобождены отъ феодальнаго ига; убожища, праздности (и политическихъ козней), лишніе монастыри, ограничены. Наконецъ въ послѣднее время объявлена широкая амністія; тысячи сосланныхъ за участіе въ мятежѣ семействъ возвращены на родину; слѣдствія прекращены, конфискаціи остановлены. Всѣ эти мѣры слѣдовали точно также одна за другою, не смотря на всѣ препятствія и противодѣйствія, физическія и нравственныя.

Какое же дѣйствіе производили либеральныя дѣйствія Русскаго правительства на шляхту, или крайней мѣрѣ на эмиграцію? Никакого,—какъ будто бы ничего и не происходило новаго, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ: Поляки продолжали протестовать, кознодѣйствовать, распускать фальшивыя ассигнаціи, поджигать, и требовать не только границъ 1772 года, но даже Кіева!

При всякомъ случаѣ я подавалъ свой голосъ, призывая враговъ къ миру, согласію, любви, доказывая вмѣстѣ очевидную невозможность успѣть по другому пути.

Въ 1865 году, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Варшавѣ, я написалъ статью, поведя разсужденіе иною дорогою: я старался стать совершенно на мѣсто Поляковъ, смотрѣть ихъ глазами, взять на прокатъ ихъ

желанія, принять безъ разсужденія ихъ средства, стремиться къ ихъ цѣли,—и все-таки я пришелъ къ прежнему неотразимому заключенію о неизбѣжности союза, соединенія, подъ какою бы то ни было формою, Россіи и Польши.

Нынѣ Поляки соединились съ исконными врагами Славянъ, съ Нѣмцами, Мадырами, и даже съ Турками, объявля торжественно, что судьба Турціи и Польши не раздѣльны,—и наконецъ смертоноснымъ выстрѣломъ въ Государя-гостя Франціи, отвѣтили на объявленную амнистію.

Шляхта Польская является совершенно глухою ко всеѣмъ словамъ мира, согласія, родства, и совершенно чуждою не только Славянъ, но даже своего собственнаго народа. Ослѣпленіе непостижимое!

Я давно уже увѣрился въ Западномъ, Кельтическомъ или Романскомъ, ея происхожденіи, но теперь увѣрился еще вотъ въ чемъ: пришлецы въ Польшѣ никогда не соединялись съ туземцами, какъ соединились они у насъ и въ другихъ странахъ, болѣе или менѣе,—такъ, что шляхта и народъ составляютъ тамъ до сихъ поръ два совершенно различныя общества. Иначе не умѣю я объяснить себѣ послѣднихъ явленій.

Habent sua fata nationes. Шляхта нынѣшняя, какъ древніе Евреи, изведенные изъ Египта, должна погибнуть въ сороколѣтнемъ странствіи по пустынѣ Европейской, а новая Польша съ освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую исторію, въ соединеніи съ Россією.

Такъ, кажется, угодно Богу! Къ тому ведутъ событія.

Намѣреніе мое издать свои записки не состоялось и во второй разъ.

Нынѣ принимаюсь за изданіе въ третій разъ, и печатаю все свои статьи о Польскомъ вопросѣ, pro и contra. Онѣ остаются безъ малѣйшей перемѣны. Нѣкоторыя выраженія и обороты принадлежатъ времени и обстоятельствамъ. Прошу за нихъ прощенія, у кого слѣдуетъ, — также какъ и за повторенія, неизбежныя по времени и по мѣсту. Читатели, и преимущественно Поляки, увидятъ здѣсь разныя фазы моей мысли, при постоянномъ, впрочемъ, почтеніи къ Польскимъ достоинствамъ, и горячемъ доброжелательствѣ къ Полякамъ, какъ блистательнѣйшему и даровитѣйшему Славянскому племени, одному изъ первыхъ членовъ всего Славянскаго союза, который составлялъ любимую мечту моей молодости.

Въ этомъ отношеніи статьи—(подъ № 4) о совершенномъ отдѣленіи Польши отъ Россіи, и (подъ № 6) о сообщеніи ей полной автономіи, получаютъ особое значеніе, показывая осязательно, что даже безпристрастный и доброжелательный къ Полякамъ авторъ, имѣвшій нѣкогда подобныя мысли, принужденъ сознаться въ ихъ несостоятельности и невозможности, и убѣдиться на-оборотъ въ необходимости и неизбежности соединенія.

Нѣкоторые цензора совѣтовали мнѣ исключить эти двѣ статьи, какъ несостоятельныя, невозможныя, и вмѣстѣ несогласныя съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, — изъ опасенія, чтобъ враги не стали на нихъ ссылаться.

Я совершенно не раздѣляю этого мнѣнія, и совершенно убѣжденъ, что ссылаться на эти статьи, писанныя впрочемъ въ особыхъ обстоятельствахъ, не можетъ никто, ибо онѣ опровергаются всеми послѣдующими разсужденіями, и вмѣстѣ дѣйствительными событіями: Графъ Велепольскій, напримѣръ,

устроилъ полную автономію, и доказалъ, что она не можетъ принести ничего, кромѣ страшнаго вреда. Эти статьи, напротивъ, повторяю, должны послужить сильнѣйшимъ подкрѣпленіемъ противоположныхъ доказательствъ.

Во всей книгѣ Поляки найдутъ доказательства, что Русскіе всегда были готовы обняться съ ними побратски, и идти дружно по одному пути, еслибъ только они, сознавъ разумно свое положеніе, оборотилися съ Запада на Востокъ, и предали свою судьбу съ довѣренностію доброму и любвеобильному сердцу нашего Государя.

Смѣю думать, что мой сборникъ, въ этомъ историческомъ, такъ сказать, видѣ, прямой и искренній, можетъ принести пользу въ настоящихъ обстоятельствахъ:

- 1) Для Славянъ западныхъ, выступающихъ теперь на сцену, преимущественно Чеховъ, Моравлянъ, Словаковъ * и пр.
- 2) Для умѣренныхъ и благоразумныхъ Поляковъ, сколько ихъ найдется. **
- 3) Для людей безпристрастныхъ между Европейскими читателями. ***
- 4) Для тѣхъ изъ Русскихъ, которые недостаточно уяснили еще себѣ вопросъ.

М. Погодинъ.

1867. Юня 27

(день Полтавской побѣды).

* Недавно найдено сочиненіе Словака Стура, который сходится со мною въ некоторыхъ отношеніяхъ.

** Въ послѣднихъ газетахъ есть извѣстіе о вновь появившихся Польскихъ Славянофилахъ.

*** Помянемъ съ благодарностію Прудона.

Историческія размышленія

ОБЪ ОТНОШЕНІЯ ПольшИ КЪ РОССІИ.

(писано въ 1851 году, и было напечатано въ Телескопѣ).

Мы занимаемся здѣсь наукою, наукою чистою; по существу своему она безпристрастна, безкорыстна, она чуждается всякаго вліянія внѣшняго, великаго и малаго.

(Гизо въ лекціяхъ о французской Исторіи).

Западные писатели не имѣютъ надлежашаго понятія о Славянскихъ народахъ. Находя непреодолимое препятствіе въ языкѣ совершенно инородномъ, не надѣясь, по закоренѣлому предразсудку, узнать что-либо любопытное у мнимыхъ варваровъ, и искупить тяжелые труды богатою добычей, Французы, Англичане и Нѣмцы, (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ изслѣдователей), до сихъ поръ при историческихъ разсужденіяхъ своихъ уклоняются отъ славянской исторіи общими мѣстами, или даже преходятъ ее молчаніемъ, какъ будто забывая, что Славянскіе народы составляютъ почти десятую долю всемірнаго народочисленія, населяютъ почти десятую часть всей земной поверхности, и наконецъ, въ лицѣ Россіи, занимаютъ первое мѣсто въ системѣ государствъ, слѣдовательно имѣютъ всемірное значеніе. Вотъ почему и Гизо—начинающій собой новую эру въ исторической наукѣ, какъ Шлегель, Гердеръ, — въ славныхъ лекціяхъ своихъ объ Европейской Исторіи пропустилъ почти имя Славянъ, не зная,

что Славянская или Восточная Исторія составляетъ такую же половину Европейской Исторіи, какъ Западная, которую онъ почитаетъ цѣлою, полною, не зная, что западной Европейской Исторіи нельзя уразумѣть вполнѣ безъ знакомства съ Восточною или Славянскою, которая представляетъ новыя поучительныя видоизмѣненія всѣхъ западныхъ учреждений: и феодализма, и монархіи, и городовъ, и средняго состоянія, и дворянства, и крестьянъ. (Не говорю уже о восточной церкви въ противоположности съ западною). — Вотъ почему въ краснорѣчивыхъ выходкахъ палатскихъ членовъ во Франціи и Англіи слышатся иногда такія кривыя толкованія, такія грубыя ошибки обо всемъ, касающемся, напримѣръ, до насъ, что поневолѣ краснѣешь за непростительное невѣжество ученыхъ ораторовъ. — Но всего больнѣе бываетъ русскому сердцу, когда сіи заблужденія переносятся къ намъ, приводятъ въ затрудненіе самыхъ защитниковъ нашихъ, находятъ неискусныхъ поборниковъ или легкомысленныхъ послѣдователей.

Нѣтъ, напримѣръ, ни одной мысли, болѣе разпространенной въ политическомъ мірѣ, (повторяемой даже въ нѣкоторыхъ нашихъ официальныхъ учебныхъ книгахъ), какъ мысль о раздѣлѣ Польши со стороны Россіи, — а между тѣмъ справедливо ли это? И въ 1773, и въ 1793, и въ 1795 г. Россія не сдѣлала никакихъ похищеній, какъ обвиняютъ наши враги, не сдѣлала никакихъ завоеваній, какъ говорятъ наши союзники, а только возвратила себѣ тѣ страны, которыя принадлежали ей искони по праву перваго занятія, наравнѣ съ коренными ея владѣніями, по такому праву, по какому Франція владѣетъ Парижемъ, а Австрія Вѣною. Еще болѣе—Россіи принадлежали нѣкогда и другія страны, которыя находятся гораздо далѣе на западъ и югъ, то-есть, Галиція и часть Молдавіи. Пройдите по любой улицѣ во Львовѣ (Лембергѣ) и Галичѣ — вы услышите вездѣ чистое малороссійское нарѣчіе; загляните въ соборы—и вы увидите надгробныя надписи знаменитыхъ Князей Русскихъ; разверните лѣтописи—и вы найдете на всякой страницѣ доказательства, что здѣсь про-

дѣлало одно изъ сильнѣйшихъ княжествъ Русскихъ въ XIII столѣтіи, которое принимало дѣятельное участіе во всѣхъ отечественныхъ происшествіяхъ, думало среди всеобщаго упадка, при славномъ королѣ Даниилѣ, о сверженіи съ Россіи ига Монголовъ, и уже послѣ было отторгнуто Поляками и Венграми.

Да не скажутъ, принимая одно выраженіе Карамзина, что Галицкое княженіе основано на завоеваніи Владимиромъ Святымъ Перемышля и Червеня, въ концѣ X столѣтія, у Польскаго короля Мечислава. И Лелевель говоритъ, что власть Мечислава въ то время не простиралась даже до Кракова, не только на Перемышль и Червень. И Бандтке не произноситъ объ этомъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Нашъ Несторъ, достовѣрнѣйшій свидѣтель, говоритъ только: «Иде Володимерь къ Ляхамъ, и зая грады ихъ, Перемышль, Червень, и ины грады, иже суть и до сего днеподъ Русью.» (По Лавр. сп. въ полномъ собраніи лѣтописей, т. 1, с. 35).

Вѣроятно, что сіи мѣста, внѣ первой Польши, принадлежали такимъ же вольнымъ языческимъ Ляхамъ, какъ, на примѣръ, Радимичи, вошедшіе прежде еще въ составъ Русскаго общества. Или — сіи города сдѣлались нашею собственностію еще во времена Олега, у котораго были въ подданствѣ Дулебы (въ западной Волыни), Тиверцы (по Днѣстру, до моря), и Хорваты (въ горахъ Карпатскихъ), ходившіе съ нимъ на войну.

Волынь же, Подолія, Бѣлоруссія издревле принадлежали къ Русскимъ владѣніямъ; въ самыя первыя времена нашей исторіи здѣсь обитали Славянскія племена, которыя прежде многихъ другихъ, на примѣръ, жившихъ въ Рязанскихъ и Суздальскихъ предѣлахъ, вошли въ составъ Русскаго государства. Еще болѣе — здѣсь было средоточіе, на этой сценѣ происходила, такъ сказать, наша исторія отъ временъ Владимира и до Монголовъ. Я укажу здѣсь только на обще-извѣстныя, обще-принятые положенія, не прибѣгая къ лѣтописнымъ подробностямъ: Коростень (между Овручемъ и Жи-

томиромъ) встрѣчается въ исторіи Ольги; Овручъ (въ сѣверо-восточной час. Вол. губ.) принадлежалъ Ярополку; Полоцкъ, Изяславль, Туровъ (въ Минской губерніи), Владимиръ Волынской, розданы въ удѣлы сыновьямъ Святымъ Владимиромъ, Берестень (Брестъ-Литовскій) находился во владѣніи Святополковомъ; Дорогобужъ (близъ Ровна, въ Волыни), Луцкъ, Пинскъ, Тереховль, Кременецъ, Дубно, Дрогичинъ, Новгородъ-Волынской, Минскъ, Бужскъ, принадлежали разнымъ внукамъ Ярославовымъ. Исключимъ сіи города изъ владѣній Литвы — что у ней останется? Только часть губерніи Виленской и Гродненской. Но и въ сихъ мѣстахъ Литовцы, (племя по своему происхожденію столь же чуждое Польшѣ, какъ и Россіи), съ незапамятныхъ временъ платили дань князьямъ Русскимъ, наравнѣ съ прочими Славянскими и Финскими племенами, вошедшими въ составъ Русскаго государства. Уже въ послѣдствіи, пользуясь временными бѣдствіями Россіи, они покорили себѣ не только вышеозначенные города, составляющіе нынѣ губерніи Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, но, соединясь съ Поляками, простерли свои завоеванія до Московскаго княженія. И теперь большую часть народоселенія составляютъ тамъ Русскіе, а языкъ до позднѣйшихъ временъ былъ даже господствующимъ, гражданскимъ, письменнымъ. Кто же можетъ сказать, что Россія имѣетъ на Литву меньшее право, чѣмъ Англія на Валлисъ, или Франція на Бретань? Не говорю ужъ о правахъ Англіи на Ирландію, или Австріи на Ломбардію *и проч. и проч., съ которыми нечего и сравнивать Россію въ этомъ отношеніи.

Теперь о Польскомъ царствѣ. Европейскіе политики, разсуждая объ немъ, забываютъ, кажется, что со смерти послѣдняго Піаста, въ 14 столѣтіи, на престолѣ Польскомъ послѣдовательно сидѣли и Литовскіе, Седмиградскіе князья, и Французскіе, Шведскіе принцы, и Саксонскіе курфиреты. Почему же кажется имъ страннымъ, что этотъ престолъ занять нынѣ Россійскимъ Императоромъ?—«Прежде дѣло было другое»—возразятъ мнѣ общимъ мѣстомъ—«прежде избранія были вольныя.»—Но бывали ль въ Польшѣ избранія вольныя

въ полномъ смыслѣ этого слова? Когда не дѣйствовали подкупы, чужестранцы, оружіе! И я не знаю, найдется ли во всей Польской Исторіи хотя одно восшествіе на престолъ благороднѣе Александрова—былъ ли избранъ сей Россійскій Императоръ по единогласному желанію Сената и представителей Польскихъ, или по соглашенію съ прочими Государствами, рѣшавшими въ то время судьбу Европы, или какъ побѣдитель, пришедшій вслѣдъ за побѣжденными непріятелями, которые дымились еще кровію родныхъ его дѣтей!...

Да прильпнетъ языкъ къ моей гортани, если я подумаю когда-либо святое науки умысленно представлять въ ложномъ свѣтѣ для частныхъ видовъ, хотя бы это было даже въ пользу моего отечества!... Но вотъ мысли, родившіяся во мнѣ при чтеніи Польской Исторіи, безъ всякаго отношенія къ нынѣшнимъ происшествіямъ.

Въ природѣ нравственной, наравнѣ съ физическою, представляется вездѣ дѣйствіе и противодѣйствіе — какое-то право возмездія, какъ бы въ исполненіе словъ Пророка: творяи милость въ тысячи, и отдайи грѣхи отчи въ нѣдра чадъ ихъ по нихъ. Исторіи всѣхъ государствъ представляютъ очевидныя тому доказательства; но нигдѣ сіе возмездіе не совершалось столь кроткимъ, можно сказать, христіанскимъ образомъ, какъ въ Россіи. Отъ основанія Русскаго государства и до позднѣйшихъ временъ, то-есть, отъ IX-го столѣтія и до XVII-го, посягалъ ли русскій мечъ хотя на одну каплю польской крови? И наоборотъ, изсыкали ли хотя на короткое время, въ продолженіе сихъ столѣтій, рѣки русской крови, пролитой польскою, литовскою саблею въ рукахъ Болеславовъ, Гедиминовъ, Олгердовъ, Витовтовъ, Баторіевъ, Хоткевичей, Лисовскихъ—крови, пролитой изъ самаго сердца Россіи, Москвы? Неужели за тяжелыя страданія Россіи—напримѣръ, въ эпоху католическаго могущества въ Украинѣ, при Василіѣ Дмитріевичѣ, когда Можайскъ и Калуга сдѣлались нашею границею — неужели за судорожныя мученія Россіи при самозванцахъ, Поляки заплатили намъ шестнадцатилѣтнимъ подданствомъ Импе-

раторамъ Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливѣе своихъ предковъ, въ эпоху ихъ величія и славы, когда мы завели имъ училища, обучили войска, устроили финансы, установили суды, возбудили промышленность, облегчили судьбу поселянъ?... Пусть какой-нибудь знатокъ Польской Исторіи, пусть Лелевель, (съ которымъ я имѣлъ случай чрезъ Вѣстникъ Европы состязаться о Рюрикѣ и Новгородѣ, когда онъ печаталъ свои замѣчанія въ Сѣверномъ Архивѣ), отвѣчаетъ на сей вопросъ!... Россія столь счастлива, что почти всегда имѣла на своей сторонѣ справедливость наравнѣ съ силою, и достигла своего могущества— обороняясь: примѣръ единственный, и ни одна Исторія не сравнится чистотою съ нашею въ этомъ отношеніи.

Сравните еще ее съ судьбою прочихъ государствъ Славянскихъ: всѣ онѣ имѣли свои эпохи славы и могущества, и всѣ какъ бы поочереди пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Богемія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Польша. Многіе Славяне потеряли даже языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней славной жизни; въ Помераніи, Мекленбургѣ, Саксоніи и другихъ странахъ Германіи они онѣмечились, въ Моревѣ огречились, въ Венгріи, между Османами, отуречились. Одна Россія устояла противъ всѣхъ ударовъ судьбы. Искушенная собственными долговременными бѣдствіями, какъ будто искупленная смертію однородныхъ государствъ, она возвышаетъ величественную главу свою надъ ихъ могилами, и стремится къ зениту своего могущества, возывая къ новой жизни тѣ, которыя Провидѣніе къ ней присоединило.

— Этотъ зенитъ есть въ Исторіи всякаго государства, и чѣмъ позднѣе онѣ достигаютъ его, тѣмъ долѣе подъ онымъ остаются, сообразно и съ другими предыдущими обстоятельствами. Польша была въ этомъ положеніи въ XVI столѣтіи. Кажется вся сила Европейскаго Востока — подобно ядру необразованной кометы, которое носится по небеснымъ пространствамъ, пока не найдетъ себѣ твердой точки въ системѣ

міра — останавливалась въ Польшѣ при Сигизмундахъ. Ей доставались тогда Богемія, Венгрія, Молдавія, Запорожье, Украина, Россія, Лифляндія, Пруссія, Померанія, Ганза, Швеція. *) Моментъ удивительный, безпримѣрный въ Исторіи! Не многого не доставало, чтобъ она удержала владычество надъ всѣми сими обширными странами, но сего не многого не достало!.. Польша не успѣла, не могла воспользоваться благоприятными обстоятельствами, съ своимъ *liberum veto*; и съ той же минуты, при Сигизмундѣ III, начинается ея поступательное паденіе. Такъ видно должно быть! Прочитавъ внимательно начало и продолженіе Польской Исторіи, предчувствуемъ окончаніе. Сила Европейскаго Востока понеслась въ Швецію. По удивительному сѣбленію обстоятельствъ, самъ Сигизмундъ III проводилъ ее туда. Густавъ Адольфъ, Карлъ X, приготавливали было свое отечество къ ея воспріятію. Карлъ XII владѣлъ уже Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, покоришь почти Данію и Польшу, проникнулъ въ Малороссію — но тамъ на поляхъ Полтавскихъ встрѣтилъ Русскаго гиганта, который вырвалъ изъ крѣпкихъ рукъ его жезлъ самодержавія и завѣщалъ своимъ потомкамъ. У нихъ, передаваемый изъ рукъ въ руки,

*) *Богемія* звала себѣ въ королѣ Владислава Ягайлу, также Казимира IV (1420), наконецъ дѣйствительно избрала и получила сына Казимира Владислава (1471), который избранъ былъ послѣ и *Венгрію* (1491), звавшю наконецъ къ себѣ и Сигизмунда I (1526). Западная *Пруссія*, издревле принадлежавшая, поддалась опять Казимиру IV (1466), а восточная осталась какъ лено за магистромъ Нѣмецкаго Ордена. Первый герцогъ Пруссій Альбрехтъ также призналъ себя данникомъ Польши (1525). Господари *Молдавскіе*, и прежде еще бывшіе подъ вліяніемъ Польши, признали себя данниками Сигизмунда II (1551). Также Фирстенбергъ, магистръ Ордена Ливонскаго (1558), и Кетлеръ (1563) со всѣми его владѣніями. *Ганза* избрала его своимъ покровителемъ. *Малороссія* присоединена была еще Литвою съ прочими ея завоеваніями на Руси. Запорожцы получили твердую форму правленія при Сигизмундѣ I, и укрѣплены Баторіемъ (1578). *Сигизмундъ III* имѣлъ неоспоримое наслѣдственное право на *Шведскій* престолъ (1592), а сына его Владислава IV избрала себѣ въ царѣ *Россія* (1612).

процвѣтаетъ онъ болѣе и болѣе, описываетъ круги обширнѣйшіе....

Неужели всѣ сіи великія явленія происходятъ случайно?

Неужели, скажемъ кстати, безъ цѣли, Россіи одной досталось наслѣдство Восточной Римской Имперіи, между тѣмъ какъ наслѣдство Западной разошлось между многочисленными владѣтелями, всѣми государствами Европейскими? Неужели безъ лихвы даны ей десять талантовъ? Нѣтъ. Новые наставники Исторіи, воспитанники Христіанской Философіи, вопреки глумленія застарѣлыхъ невѣждъ, научатъ насъ видѣть здѣсь дѣйствіе Провидѣнія, которое хочетъ, можетъ быть, руками сего колосса, воздвигнутаго надъ противоположными океанами, разсыпать новыя сѣмена жизни, неизвѣстной въ ветшающихъ государствахъ Европейскихъ. Съ покорностію къ Промыслу будемъ ожидать исполненія верховныхъ его судебъ, будемъ молиться и надѣяться! — Такъ! Россія и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости для собственнаго и общаго блага.

Мнѣ остается теперь сказать нашимъ противникамъ, постороннимъ ораторамъ, которыхъ только я и имѣю въ виду, нѣсколько словъ еще объ одномъ обстоятельстве. «Независимость народовъ священна», восклицають они. — Я согласенъ: но что значитъ независимость, и гдѣ сіи независимые народы? Чѣмъ состояніе Шотландіи, Ирландіи, Ломбардіи, Этруріи, Венгріи, Богеміи, Моравіи, Греціи, Сербіи, Болгаріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, отличается въ этомъ смыслѣ отъ Польши? Всѣ Славяне между собою братья; а Англичанинъ съ Ирландцемъ, а Австріецъ съ Венгромъ, а Французъ съ Корсиканцемъ, а Турокъ съ Кроатомъ, а Прусакъ съ Померанцемъ и Лузакомъ — развѣ только въ сватовствѣ.

Еще болѣе: Государства сплавливаются изъ разныхъ частей; какъ минералы, онѣ нарастають по большей части снаружи. Раздѣлять химически сіи части, желая возвратить имъ независимость — предпріятіе, говоря вообще, суетное, не-

возможное, безумное. Всю Европу надобно будетъ поставить вверхъ дномъ, погрузить въ бездну междоусобій, разъединить гражданскія общества, чтобъ возвратить народамъ, или лучше, уже семействамъ ихъ прежнюю независимость, вмѣстѣ съ варварствомъ. Давно ли независимые жители Прованса и Лангедока называли языкъ своихъ сѣверныхъ единоземцевъ собачьимъ лаемъ — а теперь сии жители, дѣти одного семейства, умножаютъ свое благосостояніе, пользуясь общими выгодами. Пройдите всѣ государства, и вы на всякой десятинѣ встрѣтите однѣ и тѣ же явленія. Одна смѣсь мельче, старше; другая крупнѣе и моложе. Вотъ вся разница. Древнія смѣси были спасительны — этому учить насъ Исторія. Напримѣръ, въ XV вѣкѣ, всѣ государства Европейскія разошлись въ приданья: Марія Бургундская принесла Максимилиану Австрійскому Бургундію, Іоанна, дочь Фердинанда Католика, сыну его Филиппу право на Испанію, Америку и Неаполь, Анна Карлу VIII Бретань, и проч. и проч. Кажется, что можетъ быть не естественнѣе, не согласнѣе съ правомъ, безчестнѣе для народовъ доставаться женихамъ почти въ сундукахъ, вмѣстѣ съ рухлядью: а между тѣмъ сими несообразными дѣйствіями утвердилась въ Европѣ XVI столѣтія спасительная власть монархическая и доручено зданіе феодализма. Такое благодѣтельное дѣйствіе имѣли и другія смѣси: зачѣмъ же мѣшать новымъ, можетъ быть, благодѣльнѣйшимъ для человѣческаго рода?

Наполеонъ на островѣ Св. Елены — а онъ оттуда видѣлъ далеко политическимъ своимъ глазомъ — говоритъ, что всѣ европейцы со временемъ должны раздѣлиться по родамъ и составить государства.....

Нѣтъ! истинная независимость народовъ и людей, тождество воли съ закономъ, царство истины, красоты и добродѣтели, царство Божіе, можетъ быть приобрѣтено только просвѣщеніемъ, просвѣщеніемъ основаннымъ на Евангеліи. А просвѣщенію въ Европѣ никто не мѣшаетъ, или лучше, ни-

кто уже не может мѣшать, даже Махмутъ II. *Naturam furca expellas, tamen usque redibit.* Вотъ что, кажется, должны имѣть въ виду наши противники, разсуждая о нынѣшнихъ дѣлахъ польскихъ.

Не вступая въ преніе о судьбѣ народовъ, не произнося судебнаго приговора ихъ дѣйствіямъ, я, какъ наблюдатель, хотѣлъ только предложить искреннее свое мнѣніе о любопытномъ современномъ вопросѣ, на который иностранцы смотрятъ, какъ мнѣ кажется, не со всѣхъ сторонъ. Можетъ быть, я увлекся чувствомъ народной гордости, любви къ отечеству... я готовъ сознаться въ своихъ ошибкахъ, но — *honny soit qui mal y pense...*

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО,

СОЧИНЕНИЕ БАНДКЕ.

Рецензія.

(писано въ 1831 году и было напечатано въ Телескопѣ).

Вотъ первый опытъ полной исторіи государства Польскаго на нашемъ языкѣ. Предметъ ея важенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ; почему рецензентъ считаетъ нужнымъ прежде сужденія объ ней изложить кратко ея содержаніе, словами автора.

Вѣроятно, Поляки назывались сперва Ляхами (Lechitae), какъ то видно изъ древнихъ лѣтописателей польскихъ и русскихъ *).

Въ VIII, если не въ VI. вѣкѣ, они начали мало по малу отдѣляться отъ прочихъ племенъ славянскихъ и составлять особый народъ. Первые извѣстія объ нихъ наполнены сказками.

Древній лѣтописатель ихъ Мартинъ Галль, зарейнской Нѣмецъ (жившій 1109—1138), Матвѣй Герба Холевы (1166), Кадлубекъ, епископъ краковскій (1204), Богуфаль Познанскій (1253).

Древнѣйшіе города ихъ: Гнѣзно, Познань, Калишь, Краковъ. Первое образованіе гражданскаго общества относится къ половинѣ 9 вѣка, подъ потомствомъ Пяста.

Колыбель государства — Великая Польша (Познань), Мазовія (Варшава), Силезія (Бреславль).

Достоверная исторія начинается съ Мечислава, правнука Пястова.

*) Поляки, судя по языку, принадлежать къ числу западныхъ племенъ Славянскихъ, такъ какъ Русскіе принадлежать къ числу восточныхъ.

Мечиславъ принялъ св. крещеніе въ 965 (около времени Владимірова), отъ сосѣдей Чеховъ, подвѣдомственныхъ Риму. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Мацѣевского, Шафарика, оканчивается, что первыя сѣмена христіанства были посѣяны святымъ Меѳодіемъ, просвѣтителемъ всѣхъ Славянъ. Власть Мечислава простиралась на Великую и Малую Польшу, Силезію, Мазовію и Куявію (страна между Вел. Польшею и Мазовіею)*).

Мечиславъ былъ окруженъ врагами: съ сѣвера Славянскія племена Лутичи и Поморяне, съ запада Нѣмцы, съ юга Чехи и разныя языческія племена, съ востока Русь. Императоръ Генрихъ Птицеловъ, воевавшій съ Славянами по Эльбѣ, оставилъ на сей границѣ маркграфовъ и графовъ для покоренія независимыхъ Славянъ. Мечиславъ, побѣжденный однимъ изъ нихъ (Герономъ), призналъ себя данникомъ имперіи, но только съ той части своихъ владѣній, которыя простирались до праваго берега Варты. Владиміръ святой въ сосѣдствѣ его покорилъ Перемышль и Червень (Чермную Русь, Галицію). Мечиславъ домогался короны королевской отъ папы, но не имѣлъ въ томъ успѣха, по вліянію Нѣмцевъ.

Сынъ Мечислава Болеславъ I, храбрый или великій, почитается истиннымъ основателемъ Польскаго королевства. Императоръ Оттонъ III, въ 1000 году, имѣя нужду въ его помощи противъ дикихъ сѣверныхъ Славянъ, возложилъ на него королевскую корону. Онъ покорилъ, или укрѣпилъ за собою, Хорватію съ Краковымъ и Силезію, потомъ Богемію, Моравію, Лузацію и Миснію, хотя большую часть первыхъ не надолго, въ продолженіи упорныхъ войнъ съ нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ II, съ Поморянами и языческими Прусами, на коихъ наложилъ дань; съ Русью, въ защиту зятя Святополка; съ Венгерцами, кои, говорятъ иные, также были его данниками до Тейсы и Дуная. При немъ учреждено архіепископство Гнѣзненское, къ коему отошли земли, зависѣвшія прежде отъ Магдебургской митрополи. Болеславъ по-

*) Другіе изслѣдователи исключаютъ изъ его владѣній Малую Польшу и большую часть Силезіи, которыя присоединились, говорятъ они, при Болеславѣ.

строилъ нѣсколько монастырей, кои въ то время были пріютами образованія, и первоначальнымъ внутреннимъ гражданскимъ устройствомъ Польша также одолжена ему.

Всѣ завоеванія Болеслава были потеряны и учрежденія ослаблены при слабомъ его преемникѣ Мечиславѣ II (1025—1034), коего вдова съ сыномъ Казиміромъ принуждена была искать спасенія въ бѣгствѣ. — Безъ нихъ мятежи и раздоры возрасли до такой степени, что гражданское общество почти разрушилось, пока наконецъ счастливою партією былъ призванъ Казиміръ I, укрывавшійся дотолѣ въ монастыряхъ. Онъ, при помощи нѣм. императора Генриха III, возстановилъ упавшее зданіе (1034—1058). Болеславъ II слѣдовалъ сначала по стопамъ его, смирилъ Чеховъ, Венгровъ и Пруссовъ, овладѣлъ Кіевомъ, въ помощь Изяславу, и долго остававшійся тамъ, развратился. Въ отсутствіе его безначаліе и безнравственность возрасли до высочайшей степени, онъ принужденъ былъ возвратиться, и сдѣлался мучителемъ своихъ подданныхъ, которые его изгнали. Папа за убіеніе епископа Станислава въ алтарѣ предаль его проклятію. При Владиславѣ I Германѣ, братѣ его, — кровопролитныя междоусобія между сыновьями и слабое правленіе. Онъ не назывался даже королемъ, и папа, не признававшій и прежде сего титула, даровалъ оный Богемскому князю Вротиславу (кор. Богемскій и Польскій). Сынъ его Болеславъ Кривоустый во все время царствованія (1102—1149) велъ непрерывныя войны съ братомъ Збигнѣвомъ, удѣльнымъ княземъ Мазовецкимъ, возбуждавшимъ противъ него всѣхъ непріятелей — Чеховъ, Венгровъ, Русь, императора Нѣмецкаго Генриха V, — въ продолженіи коихъ одержалъ 47 побѣдъ, покорилъ совершенно Померанію, принявшую отъ него св. крещеніе чрезъ Оттона Святаго, епископа Гнѣзненскаго, Пруссію и многія страны за Нижнимъ Одеромъ. Онъ раздѣлил свое государство между четырьмя сыновьями, съ тѣмъ, чтобъ въ мирное время всѣ они были равны, а въ военное повиновались старшему. Но сей, Владиславъ II (1140—1148), хотѣлъ покорить себѣ совершенно братьевъ, однакожъ послѣ неудачной междоусобной войны долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Болеславъ IV, Кудрявый (1149—1173), занявъ его мѣсто и по смерти брата, вспомошествоемаго Нѣм. императоромъ Фридрихомъ I, предоставилъ его сыновьямъ Силезію. При немъ размноженіе дома Пястовъ, сила и богатство частныхъ людей, начали ослаблять монархическія права; чему способствовали также и княжескіе съѣзды, состоявшіе изъ князей, родственниковъ короля и знатнѣйшаго духовенства, которые, присвоивая себѣ право избранія государей, изданія и перемѣны законовъ, произвели наконецъ то, что титулъ короля, дотолѣ нераздѣльный съ властью самодержавною, уничтожился. Болеславъ велъ нѣсколько неудачныхъ войнъ съ братьями и языческими Пруссамъ. Албертъ Медвѣдь, первый маркграфъ Бранденбургскій, Ангальтскаго дома, сдѣлался его сосѣдомъ. Вся Славянская земля между нижнею Эльбою и Одеромъ перешла въ руки Саксонцевъ и Датчанъ, кромѣ тѣхъ частей, кои оставались еще за Поморскими князьями, но и они сдѣлались Нѣмецкими князьями, когда Фридрихъ I, преслѣдуя Саксонскаго князя Генриха Льва, осадилъ Любекъ. Опустошенныя столь частыми войнами земли были заселяемы колоніями Нѣмецкими, Фландрскими и другими. Такимъ образомъ мало по малу Славянскій языкъ исчезъ въ тѣхъ краяхъ совершенно. Непомѣрное корыстолюбіе Мечислава III Стараго (1174—1178), жесткость его правленія, были причиною, что онъ былъ изгнанъ бунтовавшими подданными, и на мѣсто его призванъ Казимиръ II (1178—1194), который едва могъ поддерживать престолъ свой, колеблемый междоусобниками. Усилившееся дворянство угнетало народъ. Король созвалъ въ Ленчицѣ первый законодательный въ Польшѣ сеймъ, на коемъ первенствовало, разумѣется, духовенство по своему образованію. Здѣсь была опредѣлена судебная расправа, права и повинности дворянства. Папа Александръ III утвердилъ уложеніе, и по просьбѣ Казимира узаконилъ наслѣдство престола за его потомствомъ мимо старшихъ линій. Казимиръ воевалъ съ Венграми и поддерживалъ вліяніе на Россію. — Но по кончинѣ его, Мазовію языческіе Прусы разорили въ конецъ, и Конрадъ I, князь Мазовецкій, при-

звалъ въ защиту себѣ братьевъ рыцарей Нѣмецкаго ордена *). Перевѣсъ верховной власти уничтожился, и она, посреди безпрерывныхъ междоусобій, совершенно упала. Впрочемъ феодализма такого, какой господствовалъ въ западной Европѣ, никогда не основывалось въ Польшѣ, какъ и прочихъ земляхъ славянскихъ. Земледѣліе и промышленность улучшались мало по малу, не смотря на препятствія. Рукодѣліями занимались, по большей части, сами дворяне, и только супруги и дочери князей умѣли прясть и ткать одежды для супруговъ своихъ и родителей. Крѣпостнымъ людямъ предоставлены были работы труднѣйшія. Образование обязано своими какими-нибудь успѣхами монашескимъ орденамъ. Изъ школъ того времени вышли первые лѣтописатели. Введеніе орденовъ Доминиканскаго (въ Краковѣ 1222) и Францисканскаго (1237) укрѣпило связь Польши съ ученымъ Римомъ, Парижемъ и цѣлымъ свѣтомъ. — Города начали расширяться, украшаясь зданіями въ итальянскомъ вкусѣ и великолѣпными церквами, кои видимъ въ Бреславлѣ (1145) и Краковѣ (1222).

Въ такомъ состояніи была Польша, какъ Татары, явясь изъ Россіи, прошли ее съ огнемъ и мечемъ, опустошали города и села. Другое разореніе отъ нихъ было въ 1287 году.

И тогда же, пользуясь ослабленіемъ двухъ сосѣднихъ государствъ, усилилась на счетъ ихъ, неизвѣстная дотолѣ, Литва, платившая имъ по временамъ и отчасти подать, — маркграфы бранденбургскіе распространили свои завоеванія за Одеръ къ Востоку и касались Помераніи, которою старались

*) Они составляли духовное воинство, учрежденное (1190) при осадѣ Птолемаиды, сначала для призрѣнія немощныхъ и раненыхъ, а потомъ для защиты странниковъ. (Папа Целестинъ III утвердилъ ихъ существованіе и далъ имъ уставъ мальтійскій, для служенія больнымъ и бѣднымъ, и правила Храмовыхъ рыцарей для службы военной). Императоръ Генрихъ VI и папа Гонорій III обрадовались предложенію Конрада: одинъ помышлялъ о распространеніи мнимаго своего владычества надъ свѣтомъ, другой о духовномъ вліяніи на Славянскія земли; они не только побуждали Германа Зальца (четвертаго магистра рыцарей) къ согласію на сдѣланное ему Конрадомъ предложеніе, но даже преждевременно приняли подъ свое покровительство ордень и будущія пріобрѣтенія его въ Пруссіи.

овладѣть рыцари. Впрочемъ, не смотря на виѣшнія опасности, междоусобія не прерывались до временъ Владислава Локтика, который 3-го за восходилъ на польскій престолъ, наконецъ въ четвертый короновался въ Краковѣ (1319—1333) и приобрѣлъ неоспоримое право перваго короля Польскаго, возстановителя государства и основателя монархіи. — Однакожь Силезія и Мазовія успѣли отложиться отъ него къ Богеміи. Послѣ него избранъ былъ королемъ сынъ его Казимиръ III великій (1333—1370). Сіе избраніе было торжественное, но не произвольное, или, какъ называли спустя потомъ 200 лѣтъ, свободное; ибо, ограничиваясь токмо царствующею линією Пястовъ, имѣло дѣйствіе въ однихъ лишь случаяхъ сомнѣнія, кому изъ князей слѣдовало вступить на тронъ. Заключенъ миръ съ Чехами и властолюбивыми крестоносцами; связь съ Литвою и Венгрією была утверждена, и Людовикъ, король Венгерскій, племянникъ, усыновленъ. Тщеславныя обязательства сего послѣдняго присоединить къ государству отторженные отъ него области, не опредѣлять къ судебнымъ должностямъ постороннихъ людей, не обременять дворянства новыми налогами, дали начало, говорить Бандтке, государственнымъ условіямъ (*pacta conventa*), сему источнику споровъ о престолѣ, которые впоследствии довели было до мнимаго свободнаго избранія, и такъ названной золотой вольности, погубившей Польшу и многія другія государства *). Подкуны и своекорыстіе истребили искренность и прямоту въ Полякахъ, покрайней мѣрѣ въ высшихъ состояніяхъ, и навлекли на государство величайшія бѣдствія. Казимиръ устроилъ порядокъ въ приходахъ и расходахъ, воспретилъ самоуправство, ободрилъ земледѣліе, ремесла, торговлю, издалъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ Статута Казимировскаго (1347), покорилъ Волинь, Мазовію, Чермную Русь и Куявію, учредилъ въ Краковѣ училище высшихъ наукъ, (1347), въ которомъ преподавались всѣ науки, кромѣ богословія, непозволеннаго папою, учредилъ главной судъ въ Краковѣ (1356) по Магдебургскому праву, запретилъ переносить аппеляціи въ Магдебургъ, построилъ множество городовъ и крѣпостей, покровительствовалъ крестьянамъ, умножилъ народонаселеніе,

*) Собственныя слова Бандтке.

привлекши иностранныхъ ремесленниковъ въ пограничныя города. Торговля при немъ процвѣтала въ Краковѣ, который былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, шедшихъ въ Пруссію (1306), въ 1430 былъ въ связи съ Ганзою, торговаль Венгерскимъ виномъ и мѣдью, Русскими мѣхами. Въ 1385 году упоминается о Польскихъ сукнахъ, привезенныхъ для продажи въ Новгородъ. Краковскіе купцы имѣли свои собственные корабли, на коихъ производили торговлю съ Испанією и Англією, и отъ Ганзы отстали поздно, когда увидѣли большую выгоду въ торговлѣ съ Ниренбергомъ и Аугсбургомъ. Вѣржинекъ, купецъ Краковскій и маршалъ Казимировъ, во время бракосочетанія внуки короля съ Нѣм. императоромъ Карломъ IV, принесъ въ даръ государямъ и князьямъ, удостоившимъ его своимъ посѣщеніемъ, 100,000 черв. — Это бракосочетаніе было великолѣпнѣйшее. Въ гостяхъ у Казимира было множество владѣтельныхъ государей. — Длугошъ говоритъ, что Казимиръ засталъ Польшу глиняною и деревянною, а оставилъ кирпичною и каменною. Имъ прекратилась династія Пястовъ. Назначеннаго имъ премника Лудовика (1370—1382) называютъ отцомъ Венгріи и отчимомъ Польши. Онъ, желая упрочить наслѣдство за своими дочерьми, сдѣлалъ народу нѣкоторыя уступки. Послѣ его безпокойнаго царствованія, среди междоусобій, въ которыхъ участвовалъ особенно Сизизмундъ, М. Бранденбургскій, вступила на престолъ Польской меньшая дочь его Гедвига, которая сочеталась по желанію народа въ Краковѣ бракомъ съ Литовскимъ княземъ Ягеллою, въ 1386, принявшимъ христіанскую вѣру, и съ сего времени начинается первое соединеніе иноплеменной Литвы и всѣхъ завоеваній на Руси съ Польшею. — Главными непріятелями Ягеллы были крестоносцы, которые думали гораздо болѣе о свѣтской власти, чѣмъ о распространеніи христіанской религіи, и которымъ было очень непріятно усиленіе двухъ государствъ, не могшихъ успѣшно бороться съ ними порознь. И дѣйствительно въ это царствованіе они были очень ослаблены. Ягелло утвердилъ христіанскую вѣру въ Литвѣ, которая послѣ нѣсколькихъ междоусобій препоручена имъ была Витольду (Витовту), дѣйствовавшему, при помощи короля и отдѣльно, съ такимъ успѣхомъ, противъ кресто-

носцевъ, Монголовъ и Руси. Въ 1392 г. города въ Червонной Руси, отдѣленные было Лудовикомъ Венгерскимъ отъ Польши, вопреки обѣщанію, были возвращены. Между тѣмъ супруга его Гедвига, наслѣдница Польскаго престола, скончалась (1399). — (Она основала Литовскую коллегію въ Прагѣ, и возстановила Краковскую академію, для нея же переведено было Священное Писаніе на польскій языкъ). — И Ягелло боялся было оставаться въ Польшѣ, и хотѣлъ сложить съ себя корону, но вельможи его удержали. Воевавъ при помощи Витольда съ крестоносцами, онъ согласился уступить имъ Жмудскую землю, а Добринскую за 50,000 злотыхъ получить отъ нихъ обратно. Для заплаты сей суммы надлежало собрать чрезвычайную подать. На сей конецъ, назначено созвать частныя сеймы, дабы послѣ того на сеймѣ общемъ опредѣлить сборъ подати. Отсюда получили названіе сеймики, предшествовавшіе сеймамъ. Сіе самое доставило дворянству большее вліяніе на государственныя дѣла, нежели какимъ оно пользовалось прежде: ибо прежніе сеймы и сѣзды составлялись только изъ чиновниковъ и высшаго духовенства.

Городеньскій сеймъ (1413) еще болѣе укрѣпилъ связь Литвы съ Польшею дарованіемъ различныхъ правъ и преимуществъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ только Литовская шляхта латинскаго обряда пользовалась оными и принимала Польскіе гербы и названія. Въ Литвѣ учреждены такія же, какъ и въ Польшѣ должностныя званія, но также съ условіемъ, чтобъ оныя занимаемы были только католиками. Утверждены въ надлежащей степени повинности строенія замковъ, исправленія дорогъ и платежа податей. Положено, чтобы Литва безъ воли короля не избирала себѣ великаго князя, и взаимно, чтобы Поляки, безъ соучастія Литвы, не избирали себѣ королей. Для общихъ сеймовъ назначены города Люблинъ или Парчовъ, или другой какой, смотря по удобности. — Богемцы, не любившіе Сигизмунда, хитраго соперника и врага Ягеллова, звали къ себѣ на престолъ сего послѣдняго; но онъ по совѣту своихъ вельможъ отказался, и за это выговорилъ только Польшѣ отъ Нѣмецкаго императора Силезію и отреченіе отъ рестоносствъ. Въ 1430 г. на сеймѣ въ Едлинѣ, право на-

слѣдованія утверждено за тѣмъ изъ сыновей Ягелла, который болѣе другихъ окажется способнымъ царствовать; но сіе положеніе послѣдовало не прежде, какъ по утвержденіи старыхъ и по дарованіи новыхъ правъ и преимуществъ, какъ-то, что король будетъ опредѣлять къ должностямъ въ повѣтахъ только природныхъ жителей, а отнюдь не особъ княжескихъ фамилій; что шляхта будетъ нести службу за границую не иначе какъ съ платою по пяти гривенъ за коня. Выкупъ плѣнныхъ какъ за границую, такъ и внутри государства, возложенъ на счетъ короля; помѣщичьи крестьяне освобождены отъ платежа хлѣбной и денежной податей, отъ содержанія почтовыхъ станцій и даванія погонщиковъ, и имъ поставлено въ обязанность нести только земскую подать; воины же, мѣщане, хлѣбопашцы, избавлены и отъ сей повинности. Король безъ согласія государственныхъ чиновъ не долженъ бить монеты. Дворянинъ не можетъ быть ни взятъ подъ стражу, ни наказанъ, развѣ бывъ пойманъ на самомъ проступкѣ. Право собственности обезпечено для каждаго, а Куявцы и Добринцы освобождены отъ особой дани на короля. Тѣ же самыя права даны и Червонной Руси. Остальное время его царствованія прошло въ войнахъ съ Литовцами, Русью, Волохами, и опять крестоносцами.

Всѣ послѣдующія избранія, болѣе и болѣе свободныя, сопровождались безчисленными кровопролитными междуусобіями.

Въ мятежное царствованіе сына его Владислава III (1434—1444) примѣчательна по убѣжденію папы война съ Амуратомъ II. — Владиславъ былъ убитъ подъ Варною, но войско его безъ значительной потери отведено было обратно знаменитымъ венгерскимъ Гуніадомъ.

Братъ его Казимиръ IV, литовскій князь, долго не соглашался принять вѣнецъ, опасаясь потерять Литву и не надѣясь утвердить за собою Польшу. — Раздоры сихъ двухъ государствъ отъ взаимныхъ притязаній, напр. за Волинь и Подолію, равно какъ и междуусобія, мятежи, не прерывались, и только ослабленіе и внутреннее нестройство Ордена, Богеміи, Венгріи и Имперіи помѣшало имъ воспользоваться симъ

положеніемъ. Еще болѣе — Прусское дворянство, притѣненное крестоносцами и лишенное съ согласія слабого Фридриха III всѣхъ правъ своихъ и преимуществъ, поддалось Казимиру, и послѣ продолжительной войны Магистръ въ 1466 принужденъ былъ заключить миръ, въ силу котораго Западная Пруссія съ онѣмеченною Помераніею досталась Польшѣ, а восточная осталась за нимъ, какъ данникомъ. — Въ 1458 году умеръ Владиславъ, король Богемскій и Венгерскій, и разныя партіи въ сихъ государствахъ убѣждали Казимира, по супружеству его съ сестрою покойнаго Владислава, объявить притязаніе на его престолъ, хотя другими партіями въ Богеміи избранъ былъ Георгій Подебрадь, а въ Венгріи Матвѣй Корвинъ. Недостатокъ въ деньгахъ (король долженъ былъ войску 270,000 черв.), коими болѣе всего ограничивались всѣ расточительные Ягеллоны, заставилъ короля избрѣсти новые налоги. Положено, чтобъ на сеймъ въ Пиотрковѣ отъ каждой области явились по два депутата для совѣщанія, и съ того времени таковая депутація вошла въ обыкновеніе. — Съ каждаго частнаго сейма посылаемы были депутаты на сеймъ общій, и безъ ихъ согласія король не въ правѣ былъ ничего дѣлать. Прежде сеймъ составляли одни чиновники и епископы. Дворянство только соглашалось на ихъ положенія. Съ 1404 года образовались частныя сеймы, которые однакожь не отправляли депутатовъ на сеймы общіе, но знатнѣйшіе областныя чиновники съѣзжались на сеймы, и приглашались на оныя только въ качествѣ совѣтниковъ. Мало по малу измѣнилось образованіе общихъ сеймовъ, и число депутатовъ каждый разъ увеличивалось, особливо оъ тѣхъ поръ, какъ Русскія области и Литва начали участвовать на сеймахъ.

Усилія Казимира IV увѣнчались успѣхомъ уже тогда, когда соперникъ Георгій Подебрадь умеръ, и Владиславъ, сынъ его, получилъ Богемскую корону, а вскорѣ потомъ по смерти Матвѣя и Венгерскую. Только со стороны Россіи Польша потеряла многія свои завоеванія, и великій Іоаннъ III въ царствованіе Казимира и двухъ слабыхъ его сыновей Іоанна Албрехта (1492—1501) и Александра (1501—1506), занятыхъ внутренними смятеніями, возвратилъ Россіи до семидесяти го-

родовъ, потерянныхъ было ею въ прежнее несчастливое время.

Меньшій ихъ братъ, управлявшій дотолъ Силезію, Сигизмундъ I, котораго Польскіе Историки уподобляютъ Казимиру Великому, устроилъ вновь разстроенное государство. Велѣдствіе измѣны Глинской онъ потерялъ много прежнихъ изъ Литовскихъ завоеваній въ пользу Россіи, и даже Смоленскъ; самая Оршинская побѣда не принесла ему значительной пользы. За то положивъ содержать для охраненія Подоліи 4000 постоянного войска (на 15,000 черв., отдававшихся дотолъ Крымскому Хану, за удержаніе его подданныхъ отъ набѣговъ), а еще болѣе принявъ подъ свое покровительство Запорожскихъ козаковъ, онъ оградилъ надолго Польшу съ юга. И восточная Пруссія, въ качествѣ лены, предоставлена была Албрехту, Магистру Крестоносцевъ, съ условіемъ, чтобъ по пресѣченіи его потомства сія область перешла во власть Польши. Сигизмунду предлагаемы были Шведская и Венгерская короны, отъ которыхъ онъ однакожъ отказался. Онъ имѣлъ столько вліянія на своихъ подданныхъ, что они при жизни его избрали ему въ преемники сына Сигизмунда; но въ послѣдніе годы своего царствованія, потворствуя властолюбивой своей супругѣ Бонѣ, родомъ Итальянкѣ, онъ потерялъ любовь народную. Однакожъ, не смотря на его доблести, дворянство, передъ Волошскимъ походомъ, вмѣсто того, чтобъ итти на сраженіе, занималось хищничествомъ на Руси и спорами съ королемъ и сенатомъ о привиллегіяхъ народныхъ. Это было первое возстаніе дворянства противъ короля и сената.

Съ Сигизмунда I-го начинается золотой вѣкъ Польской словесности и вообще просвѣщенія; явились мужи, которые оказали блестящіе успѣхи во всѣхъ наукахъ, и первое мѣсто между ними занимаетъ Коперникъ. Лютерово ученіе нашло очень многихъ послѣдователей въ разныхъ Польскихъ владѣніяхъ, и правительство слѣдовало правилу терпимости.

При Сигизмундѣ II (1548 — 1572) государь Молдавскій призналъ себя данникомъ Польши; и Фирстенбергъ, Великій магистръ Меченосцевъ, подчинился Сигизмунду, какъ князю

Литовскому; Кетлеръ же, послѣдній магистръ сего орде-на, притѣсняемый Іоанномъ Грознымъ, уступилъ Ливонію ему совершенно, выговоривъ себѣ Курляндію на тѣхъ правахъ, на какихъ Албрехтъ получилъ Пруссію. Ганзеатическіе города избирали его своимъ покровителемъ. Сигизмундъ II пользо-вался великимъ уваженіемъ въ чужихъ краяхъ. Дворянство онъ умѣлъ удерживать въ предѣлахъ надлежащаго повинове-нія. Въ 1569-мъ онъ отказался отъ всякой собственности, и объявлено было соединеніе съ Польшею на вѣчныя времена Пруссіи, Польска, Волыніи, Подоліи и Украйны. Ливонія и Курляндія принадлежали Польшѣ наравнѣ съ Литвою. Мѣ-стомъ общихъ сеймовъ назначена Варшава, а частныя въ Литвѣ прекращены, и обоимъ государствамъ положено имѣть одного государя. Въ 1563 объявлено было свободное вѣро-исповѣданіе во всѣхъ Польскихъ областяхъ, а въ 1566 заве-дена первая Іезуитская коллегія. Смертію Сигизмунда пре-кратилась династія Ягеллоновъ, и начинается избраніе сво-бодное. Мимо многихъ претендентовъ, имѣвшихъ и подку-пившихъ свои партіи, благодаря щедрымъ обѣщаніямъ Фран-цузскаго посла, избранъ былъ Генрихъ Валуа; но едва успѣлъ онъ прибыть въ Польшу, какъ получилъ извѣстіе о смерти брата своего Карла XI, и оставя безпокойныхъ подданныхъ, удалился въ отечество. На его мѣсто избранъ былъ славный Стефанъ Баторій (1576 — 1586), который оружіемъ уже за-ставилъ согласиться остальныхъ несогласныхъ. Онъ кончилъ войну съ ослабѣвшимъ Іоанномъ IV, и утвердилъ за собою Ливонію, равно какъ и Запорожскихъ козаковъ, которымъ далъ правильную форму правленія. Баторій хотѣлъ было уни-чтожить или ограничить избирательное правленіе въ Польшѣ; но смерть воспрепятствовала ему исполнить это намѣреніе. Послѣдующія избранія, совершавшіяся съ оружіемъ въ ру-кахъ, были источникомъ безчисленныхъ бѣдствій. — По на-стоянію вдовствовавшей королевы, обѣщавшей Польшѣ Эсто-нію, избранъ былъ племянникъ ея, Сигизмундъ III, сынъ Швед-скаго короля Іоанна III (1587 — 1632). Воспитанный Іезуи-тами, всю жизнь свою находясь подъ ихъ вліяніемъ, этотъ ко-роль не столько думалъ объ управленіи, какъ о распростра-

нені католической вѣры, и непрерывныя войны, которыя онъ начиналъ съ самыми лестными надеждами и оканчивалъ съ гибельными неудачами, совершенно разстроили государство, потерявшее съ сего времени свой перевѣсъ на сѣверѣ. Первая изъ сихъ войнъ была за наслѣдство Шведскаго престола по смерти отца Сигизмундова; но дядя, Карлъ Зюдермандландскій, покровитель господствовавшей Лютеранской партіи, содѣлалъ всѣ его усилія тщетными, и вступилъ самъ на престолъ подъ именемъ Карла IX. Сынъ его Густавъ Адольфъ отнялъ было и Ливонію, если бы не былъ отозванъ въ Германію для участія въ войнѣ протестантовъ и католиковъ. Вторая — съ Россією, которая началась отъ появленія Дмитрія Самозванца въ Польшѣ, съ надеждою ввести въ Россію католическую вѣру, и кончилась-было, при помощи Жолкевскаго, избраніемъ сына Сигизмундова Владислава, но которую проигралъ Сигизмундъ, неблагоприятствовавшій сыну, хотя вновь избранный государь Михаилъ изъ дому Романовыхъ, для успокоенія Россіи, и уступилъ ему многія Польскія завоеванія и самый Смоленскъ, жители Украйны, выведенныя изъ терпѣнія притѣсненіями за Греческую вѣру, приготовились къ совершенному отпаденію отъ Польши. Только знаменитый Замоискій, сотрудникъ Баторія, защищалъ южныя страны отъ Турокъ и господаря Молдавскаго Михаила (который также замышлялъ было покорить всю Польшу), и потомъ отъ нападений Шведовъ на Ливонію. Внутри мятежи усиливались, и мятежниковъ бывало иногда до 100,000 подъ ружьемъ, а по возвращеніи Сигизмунда изъ подъ Смоленска было даже три, несогласныя между собою, конфедераціи противъ правительства, и король однажды на Сеймѣ принужденъ былъ просить прощенія за свои прежніе поступки и дать обѣщаніе поступать впредь иначе. Въ царствованіе Сигизмунда Варшава сдѣлалась столицею и католическая вѣра господствующею.

Сыну его Владиславу IV (1633 — 1648) при избраніи предложены были уже такія условія, что достоинство королевское сдѣлалось почти пустымъ титуломъ. Ему подтвердительно уступлены были Россією княжества Смоленское и Черниговское, а онъ отрекся отъ Царскаго титула. Съ Швецією также

заключенъ былъ мѣръ, по которому уступлена ей часть Ливоніи. Внутри было спокойнѣе: многія пограничныя мѣста заселены Нѣмецкими ремесленниками, бѣжавшими изъ своего отечества по поводу кровопролитныхъ войнъ за вѣру. Въ 1647 г. были учреждены почты. Латинскій языкъ взялъ преимущество надъ Польскимъ и вліяніе Іезуитовъ, не смотря на препятствія Владислава, распространилось.

При Іоаннѣ Казимирѣ (1649 — 1669) въ первый разъ на Сеймѣ было прознесено извѣстное veto, которое послѣ вошло въ обычай постоянный, и не смотря на усилія благоразумныхъ гражданъ, одинъ подкупной или пристрастный голосъ останавливалъ общія рѣшенія до позднѣйшихъ временъ. Швеція (Карль Густавъ, замышлявшій о сѣверной монархіи), Россія (Царь Алексѣй Михайловичъ, желавшій возвратить потерянное достояніе), Украина (Хмѣльницкій, озлобленный Польшею, вмѣстѣ со всѣми исповѣдниками греческой вѣры), Седмиградская область (властолюбивый Рагоцій) напали на Польшу, и слабый король принужденъ былъ скитаться изъ мѣста въ мѣсто. Бранденбургскій курфиреть всѣхъ счастливѣе воспользовался сими смущеніями, и за отказъ въ помощи Швеціи, приобрѣлъ отъ Польши независимость и политическую самобытность Пруссіи. Русскіе проникли за Вильну, казаки до Люблина. Казаки поддались совершенно Россіи въ 1658. Россіи возвращены Смоленскъ и Черниговъ, и Днѣпръ назначенъ границею; Швеціи сѣверная Ливонія и право Іоанна на Шведскій престолъ. Три милліона народа вышло изъ Польши въ это несчастное время.

Преемникомъ Іоанна Казимира, не смотря на усилія Французской и Австрійской партіи, избранъ былъ князь Михаилъ Вишневецкій (1669 — 1673), сынъ знаменитаго Іереміи, защищавшаго въ предшествовавшія царствованія предѣлы Польши отъ Турокъ, Татаръ и Козаковъ. При немъ внутреннія дѣла шли еще хуже прежняго, и только храбрый Собѣскій удерживалъ Турокъ. Сей полководецъ послѣ избранъ былъ на престолъ *) (1674 — 1696). При немъ примѣчательны

* Соперниками ему были: Донъ Жуанъ, сынъ Испанскаго короля Филиппа IV, Царь Алексѣй Махайловичъ и сынъ его Феодоръ, Сед-

войны съ Турціей: одна, продолженіе войнъ козацкихъ, окончанная миромъ, по которому уступлена Турціи часть Подоли. Другая по союзу съ императоромъ Нѣмецкимъ Леопольдомъ I, которому Турки, соединясь съ недовольными Венгерцами, грозили великою опасностію. Іоаннъ Собѣскій спасъ отъ осады его столицу Вѣну (бывшую впрочемъ тогда въ нѣсколькихъ только десяткахъ миль отъ границы Турецкой). Не смотря на многія доказательства недоброхотства и неблагодарности Австрійской, онъ, обольщенный обѣщаніями, что императоръ поможетъ ему утвердить наслѣдство за своимъ потомствомъ, продолжалъ войну съ Турціей, и для того заключилъ подтвердительный миръ съ Россією (1686), по которому Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлой, Красной, Сѣверскіе города: Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Нѣжинъ, Батуринъ, Кіевъ съ окружностями до рѣки Ирпеня и до Василькова оставлены во владѣніи Россіи, равно какъ и все Запорожье. Впрочемъ война, недружно веденная союзниками, кончилась безуспѣшно. Внутреннее управленіе въ Польшѣ, особенно въ послѣдніе годы царствованія Собѣскаго, покорнаго кознямъ своей жены, уподоблялось времени Сигизмунда III. Конфедерации противъ правительства не прерывались—однѣ дѣйствовавшія въ пользу Французскаго двора, союзнаго Швеціи; другія за Австрійцевъ, и Собѣскій два раза готовъ былъ отречься отъ престола, не только утвердить его за своимъ потомствомъ.

миградскій князь Михаиль Абаффи, Лотарингскій герцогъ Карлъ V, Іоаннъ Вильгельмъ, старшій сынъ герцога Нейбургскаго, герцогъ Моденскій Францискъ II, герцогъ Баварскій Максимилианъ Филиппъ, герцогъ Юрксій Іаковъ, бывший потомъ Англійскимъ королемъ и по изгнаніи изъ Англійи умершій во Франціи претендентомъ; герцогъ Вандомскій Лудовикъ Іосифъ, Савойскій не владѣтельный герцогъ Ома, герцогъ Соассонскій Лудовикъ и герцогъ Нассавскій и Оранжскій Вильгельмъ, который былъ наконецъ королемъ Англійскимъ. Претендовали также, но по разности вѣры, не были включены въ число кандидатовъ, курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ Вельгельмъ съ сыномъ и Датскій королевичъ Георгій. И каждый претендентъ дѣйствовалъ, составляя партію, подкупаль.

Послѣдующее междуцарствіе было самое бурное и кровопролитное. Королева дѣйствовала противъ родныхъ своихъ дѣтей, и послѣ продолжительныхъ междоусобій между партіями, изъ коихъ каждая предлагала своего кандидата, избранъ былъ наконецъ Саксонскій курфюрстъ Августъ II, (1698 — 1733), отличившійся прежде въ войнѣ Турецкой. На личномъ свиданіи съ Петромъ Великимъ (когда сей послѣдній путешествовалъ по Европѣ) заключилъ онъ союзъ, (къ которому пристала и Данія), противъ Швеціи, съ цѣлю покорить Ливонію для Польши, а Ингрію для Россіи. — Но на престолѣ Шведскомъ былъ Карлъ XII. Начавъ войну, онъ принудилъ Датскаго короля къ миру, разбилъ Русскихъ подъ Нарвою (1700), въ нѣсколько лѣтъ прошелъ съ огнемъ и мечемъ всю Саксонію и Польшу, на престолъ которой возвелъ (1705) Станислава Лещинскаго, вмѣсто принужденнаго отречься Августа. Изъ Польши онъ отправился въ Украину, призываемый Мазепою, но подъ Полтавою (1709) онъ потерялъ сраженіе и уступилъ Россіи господство надъ сѣверомъ.

Станиславъ Лещинскій долженъ былъ тогда уступить престолъ опять Августу. Польша въ продолженіе сихъ войнъ была разорена совершенно, и Августъ II, не получая никакой помощи отъ буйныхъ сеймовъ, между кознями иностранцевъ, кои опасались его замысловъ, не могъ принести ей никакой пользы. Но когда онъ умеръ, и претендантомъ на Польскій престолъ явился прежній король Станиславъ Лещинскій (тесть Лудовика XV), вспомооществуемый Франціею, то противники его приняли сторону его сына. Нѣмецкій императоръ Карлъ VI требовалъ только, чтобъ Августъ призналъ прагматическую санкцію, а Россійская императрица Анна, чтобъ уступлена была Курляндія Герцогу Бирону. Такимъ образомъ при помощи союзныхъ войскъ избранъ былъ Августъ III (1736—1763), а Франція съ Испаніею объявила за это войну Австріи, кончившуюся миромъ, по которому императоръ уступилъ Станиславу Лещинскому Лотарингію въ пожизненное владѣніе, а Испанскому инфанту королевство Обѣихъ Сицилій. — Царствованіе Августа III было еще несчастнѣе предыдущаго, и Польша кромѣ внутреннихъ меж-

доусобій между дворянами была театромъ и чуждыхъ войнъ. Король очень невыгодно помогаль Фридриху Великому противъ Маріи Терезіи, а потомъ Маріи Терезіи противъ Фридриха, и оставилъ оба государства свои Польшу и Саксонію въ самомъ несчастномъ положеніи.

Послѣдующія происшествія въ Исторіи Бандтке представлены въ самомъ краткомъ перечнѣ, впрочемъ внимательный и знающій читатель, обозрѣвъ весь ходъ Польской Исторіи, закоренѣлое неустройство внутренняго организма, самъ можетъ сдѣлать математическое заключеніе, что такое государство, безъ посторонней чужой помощи, не могло сохранить свою политическую самобытность, что и дѣйствительно случилось. Великодушному посредничеству Императора Россійскаго Александра Польша въ 1814 одолжена возвращеніемъ къ политической жизни и такимъ благоденствіемъ, котораго давно она не имѣла при самыхъ знаменитыхъ своихъ государяхъ, по собственному признанію многихъ благоразумныхъ гражданъ.

Рецензентъ, изложивъ подробное содержаніе разсматриваемой книги, приступаетъ теперь къ сужденію объ оной.

Бандтке, какъ видно изъ предложеннаго извлеченія, принадлежитъ къ старой школѣ историковъ, которые въ исторіи обращали главное вниманіе на внѣшнія сношенія, то-есть, на войны, миры, приобрѣтенія и потери, и которые почти совершенно упускали изъ виду послѣдовательность умственнаго личнаго образованія, промышленности, нравственности, религіозныхъ понятій, — или упоминали объ нихъ только мимоходомъ. Въ лабиринтѣ собственныхъ именъ и мелкихъ происшествій онъ забываетъ человѣка, а видитъ только гражданина, или, еще менѣе, только война. Между политическими учрежденіями онъ часто не отбѣняетъ тѣхъ, кои составляютъ отличительный характеръ въ повѣствуемой имъ исторіи, и потому начала ихъ (самая важная часть для общаго историка) не представлены имъ ясно и подробно, не выведены изъ предшествовавшихъ коренныхъ причинъ, не срав-

нены съ подобными учрежденіями въ другихъ государствахъ. Такъ напримѣръ, видны ли въ его исторіи ясно отношенія удѣльныхъ князей между собою, происхожденіе дворянства, крѣпостнаго крестьянства, причины преимущества дворянства надъ удѣльными князьями, уменьшеніе числа удѣльныхъ князей, учрежденія нѣкоторыхъ значительныхъ чиновъ, напр. Короннаго Гетмана, Примаса, время узаконенія Сеймовъ, и проч.? Прочія происшествія, должно отдать справедливость автору, изложены обстоятельно, точно, по большей части безпристрастно, такъ что, читая его сочиненіе, всякой получить достаточное понятіе о наружной, такъ сказать, исторіи Польши и объ отношеніяхъ, какія это государство имѣло къ своимъ сосѣдямъ, и вообще къ Европѣ. Замѣтимъ только, что собственныя имена разныхъ областей, напримѣръ: Помераніи, Пруссіи, Силезіи, перемѣнявшихъ свои предѣлы, безъ ближайшаго обозначенія городами, приводятъ иногда въ замѣшательство читателя.

Жаль, что переводчикъ не сообщилъ библиографическаго извѣстія объ изданіяхъ подлинника, и біографическаго о самомъ авторѣ, и о томъ приѣмѣ, какой сдѣланъ его сочиненію въ отечествѣ. Мы желали бы видѣть при этой книгѣ и карту Польши въ разные періоды, съ означеніемъ лѣтъ, когда какое изъ ея владѣній было завоевано или потеряно. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ, эта книга есть классическая для всякаго занимающагося исторіею, и переводчикъ заслуживаетъ полную благодарность отъ публики, которая до сихъ поръ не имѣла почти ничего на русскомъ языкѣ о Польшѣ.

Читая эту исторію, нельзя не согласиться, какъ мало еще исторія русская и польская провѣрены одна другою: Бандтке, напримѣръ, описываетъ два похода Болеслава Смѣлаго въ Россію при кievскомъ Изяславѣ, тотъ и другой съ большими подробностями, а у насъ извѣстенъ только одинъ. Надлежало бы разобрать древнія свидѣтельства, утвердить или отвергнуть ихъ, или хотя оставить подъ сомнѣніемъ, но только въ обѣихъ исторіяхъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ

МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

О ПУТЕШЕСТВІИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ СТРАНАМЪ.

1839.

...Поляки самое живое, впечатлительное племя, и не оскорбля ихъ самолюбія, еще болѣе лаская оно, можно дѣлать съ ними что угодно. Къ самымъ дѣйствительнымъ мѣрамъ примирить ихъ съ нами, ибо они все еще ненавидятъ насъ, есть покровительство ихъ языку, литературѣ, исторіи (я говорю о царствѣ Польскомъ), и на оборотъ ничто столько не питаетъ злобы, какъ мѣры противоположныя. Языку Польскому въ учебныхъ заведеніяхъ царства надо учить наравнѣ съ Русскимъ. Если мы будемъ учить ему недостаточно, то Поляки будутъ доучиваться ему дома гораздо съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ, какъ то бываетъ со всякимъ запрещеннымъ предметомъ, и мы не только не достигнемъ своей цѣли, но еще болѣе отдалимся отъ нея и сверхъ того будемъ вооружать тайныхъ враговъ. Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь языкъ есть мысль физически не возможная; языка у народа уничтожить также нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ. Языкъ есть такой же природный, неотъемлемый органъ, какъ и прочіе, только драгоценнѣйшій для человѣка, потому что тѣсно связанъ съ его разумною душою. Тѣмъ болѣе должно сказать это объ языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подають въ этомъ случаѣ убѣдительный примѣръ: чего достигли они, уничтожая систематически въ теченіе вѣковъ славянскія нарѣчія? увеличили ихъ силу, со-

дѣйствовали ихъ развитію, приготовили своими плотинами такіе водопады, которые готовятся теперь поглотить ихъ самихъ. Нѣкоторыя Славянскія племена забыли свой языкъ, это правда, но гдѣ это случилось? По краймя, гдѣ чуждое племя подавляло ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенствѣ. Съ другой стороны Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могущественъ, и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всемя Славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ, и самъ по себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, рано или поздно, сдѣлается общимъ литературнымъ Славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было нарѣчіе церковное, а въ западной Европѣ Латинское. Все нарѣчія должны прежде принести ему дань своими словами, оборотами, формами, и слѣдовательно не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобъ полнѣе стала Волга. Но нужно водворять, какъ то уже и дѣлается, ученіе Русскаго языка—это другое дѣло. Всякій Полякъ долженъ знать по-русски. Весьма важно было бы сочиненіе сравнительной грамматики Польской и Русской. Въ этомъ же случаѣ сравнительный словарь Польскій и Русскій, надъ которымъ трудится знаменитый Линде, есть не только великое дѣло литературное, но и политическое. Академія, сколько смѣю судить, поступила не основательно, отказавшись, по причинамъ школьнымъ, отъ этого словаря. Если вашему высокопревосходительству угодно будетъ сдѣлать ей предложеніе, чтобъ она поручила мнѣ издать для образца четыре буквы, отданныя мнѣ г. Линде, то я съ удовольствіемъ принялъ бы на себя сей трудъ. Г-ну же Линде необходимо дать средства оканчивать свое исполинское предпріятіе, для котораго матеріалы у него большею частію собраны. Средства эти состоятъ въ денежномъ ежегодномъ пособіи на наемъ помощниковъ, которые приводили бы въ алфавитный порядокъ его выписки, дѣлали по его отмѣткамъ новыя, словомъ, исправляли черновую, механическую работу, которая отягощаетъ 80-лѣтняго старца и лишаетъ его времени драгоцѣннаго, нужнаго на совершеніе огромнаго зданія.

Линдёмъ должно спѣшить воспользоваться, ибо ему остается жить не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ. Второе пособіе состоитъ въ посылкѣ ему Русскихъ книгъ, коихъ въ Варшавѣ великій недостатокъ.

Полезно было бы послать нѣсколько студентовъ Русскихъ учиться славянской филологіи подъ руководствомъ знаменитаго патріарха.

Я говорилъ объ языкѣ Теперь обращаю къ исторіи. Польской исторіи не преподають въ училищахъ особо, а вмѣстѣ съ Всеобщей. Напрасно! Польская исторія, безпристрастная, правдивая, подробная, есть самая вѣрная союзница Россіи, которая можетъ принести намъ пользы болѣе нѣсколькихъ крѣпостей. Ничто не можетъ примирить такъ новое поколѣніе Поляковъ (о старыхъ говорить нечего: вспомнимъ, что и Моисей привелъ къ землѣ обѣтованной только тѣхъ Евреевъ, которые родилися уже на дорогѣ), ничто, говорю, не можетъ такъ примирить новое поколѣніе Поляковъ съ настоящимъ порядкомъ вещей, убѣдить въ необходимости соединенія Польши съ Россіей, какъ основательное изученіе Польской исторіи. Другое дѣло — исторія Польская злоупотребленная, исторія, направленная умышленно къ незаконной цѣли. О! такую исторію должно преслѣдовать, какъ злостный обманъ, какъ оскорбленіе науки, какъ святотатство. По симъ причинамъ необходимо написать вновь Польскую исторію для училищъ, какъ то вы изволили сдѣлать съ Русскою, т. е. задавъ тему Польскимъ ученымъ, съ значительнымъ вознагражденіемъ.

Польша пала не отъ политики сосѣдей, а первоначально отъ своего безначалія, отъ формъ правленія. Зданіе должно было рухнуть, ибо опоры были негодныя, — вотъ содержаніе Польской исторіи до кончины послѣдняго короля, вотъ что должно показать Полякамъ ясно и основательно.

Нужно-ли было заботиться сосѣдямъ, чтобъ зданіе не задавило, не повредило ихъ своимъ паденіемъ? Разумѣется нужно, и преимущественно Россіи, по причинамъ геогра-

фическимъ, историческимъ, политическимъ, — вотъ содержаніе исторіи послѣдующей.

На которую сторону должно было упасть зданіе? На ту, къ которой оно склонялось прежде. Не лучше-ли бы было упасть ему на другую? Хуже, еслибъ даже было и можно. Хуже къ Австрійцамъ, Пруссакамъ, какъ соглашаются сами Поляки, и какъ говорить ихъ пословица: доколѣ свіать стоитъ свіатомъ, не можетъ Полякъ быть Нѣмцу братомъ. При паденіи зданія можно ли распорядиться такъ, чтобъ камни падая улеглись на землѣ въ порядкѣ, не ушибя того и другаго, иногда праваго наравнѣ съ виноватымъ? Нельзя, точно какъ нельзя не произойти притомъ и обидамъ, распрямъ, мщеніямъ, — вотъ окончаніе отдѣльной Польской исторіи. Прибавимъ только, что Россіи изъ упавшаго зданія достались только свои собственные древніе матеріалы.

Должно ли и можетъ ли упавшее зданіе выстроено быть по прежнему плану? Никакъ не должно, ибо недостатки прежняго плана доказаны всего разительнѣе паденіемъ зданія,—вотъ апологія новаго правленія. Сравненіе состоянія Польши, дворянъ, купцевъ и преимущественно крестьянъ, при послѣднемъ королѣ, подъ Саксонскимъ управленіемъ, при императорѣ Александрѣ, нынѣ, доставить результаты могущественные въ пользу Россіи.

И такъ введеніе Польской исторіи необходимо во всѣхъ отношеніяхъ, сначала по Бандтке, даже можно по прежнему Лелевелю, если меня не обманываетъ память, — впредь до сочиненія новаго руководства. Къ сомнительнымъ мѣстамъ можно присоединить примѣчанія. Главное дѣло—строгий надзоръ за учителями, которые должны неукоснительно слѣдовать данному направленію и не смѣть произнести ни одного двусмысленнаго слова.

Вмѣстѣ съ Польскою и Русскою исторіей должно преподавать исторію прочихъ Славянскихъ государствъ и показывать, какъ искони раздоръ и несогласіе губили и подвергали жестокому игу иноплеменниковъ, подъ которымъ нигдѣ и никогда Славяне не были счастливы.

Введеніе исторіи избавить насъ отъ упрековъ, которые безпрестанно слышатся по этому поводу между иностранцами.

О литературѣ. Теперь въ Польшѣ ея почти не существуетъ она вся между эмигрантами и въ Позенѣ, — третій предметъ обвиненія для Русскаго правительства. Необходимо должно оказать покровительство оставшимся литераторамъ въ Варшавѣ, тѣмъ болѣе, что предметы ихъ занятій слишкомъ невинны, и не могутъ причинить вреда ни въ какомъ отношеніи. Я говорю о Линде, о словарѣ котораго упомянуто выше; о Кухарскомъ, который путешествовалъ нѣсколько лѣтъ на иждивеніи правительства по Словянскимъ странамъ, и собралъ, вѣроятно, много матеріаловъ; о Крыжановскомъ, который занимается изслѣдованіями о жизни и системѣ Коперника, и приготовилъ большое сочиненіе объ этомъ астрономѣ; о Мацѣевскомъ, который, кажется, искренно приверженъ Россіи, судя по его сочиненіямъ и разговорамъ. Всѣ ихъ труды должны быть изданы съ вознагражденіемъ авторовъ.

Наконецъ осуждаютъ Русское правительство даже самые Славяне, приверженные къ намъ, за то, что въ Польшѣ нѣтъ университета. Такъ, говорятъ они, пять милл. лишены средствъ для высшаго образованія, которое составляетъ общую цѣль человѣчества. Не смѣю сказать ни слова объ этомъ обвиненіи, ибо основаніе университета въ Польшѣ соединено съ политическими обстоятельствами, и этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ основательно не ученымъ, который стоитъ внизу и видитъ его съ одной стороны, но мужемъ государственнымъ, который смотритъ на него сверху и видитъ со всѣхъ сторонъ, въ соединеніи съ прочими вопросами государственными. Я скажу здѣсь только, почему для прекращенія кликовъ, можетъ быть и неосновательныхъ, не назвать университетомъ тѣхъ двухъ-лѣтнихъ дополнительныхъ курсовъ, которые вводятся, какъ я слышалъ, при Варшавскихъ гимназіяхъ? Языки древніе, нарѣчія Славянскія съ ихъ литературами, науки естественныя, математическія, медицинскія, Русское право, Римское право, — такіе предметы

могутъ быть преподаваемы безопасно кѣмъ бы то ни было. Другіе предметы могутъ быть оставлены на сколько угодно лѣтъ—за неимѣніемъ преподавателей.

Курсы могутъ быть ограничены двумя, или тремя, или четырьмя годами, приемы и выпуски строги или снисходительны, смотря по особеннымъ видамъ правительства.

Можетъ быть, опасно соединеніе многихъ молодыхъ людей вмѣстѣ,—пусть факультеты и даже лекціи раздѣлятся по разнымъ домамъ.

Я передаю вѣрно вашему в-п—ву обвиненія, сколько мнѣ случилось то слышать въ Польшѣ и другихъ Европейскихъ странахъ. Многія изъ нихъ совершенно неосновательны, и происходятъ отъ невѣжества, отъ незнанія обстоятельствъ. Россія всегда хочетъ только быть справедливою, и нисколько не заботится о томъ, чтобъ вмѣстѣ и казаться справедливою, считаетъ для себя какъ будто низкимъ не только объясненіе, но даже описаніе своего образа дѣйствій. Такая благородная гордость не выгодна въ отношеніи къ составленію общаго мнѣнія.

Покровительство языку, литературѣ, исторіи, и вообще просвѣщенію въ Польшѣ, покровительство, впрочемъ, въ предѣлахъ благоразумія и осторожности, безъ ущерба Русскому началу, можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на прочія Славянскія племена, которыя смотрятъ на Польшу, какъ на образецъ Русскаго управленія. Оно весьма важно для будущихъ возможныхъ отношеній Россіи къ Славянскому міру. Нѣмцы, указывая Славянамъ на Польшу при нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется въ свое невѣрное стекло, говорятъ имъ: лучше ли Полякамъ у Русскихъ, чѣмъ вамъ у насъ? Впрочемъ, Славяне обвиняютъ вообще Поляковъ въ легкомысліи, накликавшемъ и накликающемъ на себя бѣды, многія Русскія мѣры приписываютъ коварнымъ совѣтамъ Австрійцевъ, а болѣе всего считаютъ оныя временнымъ послѣдствіемъ безпрестанно открываемыхъ польскихъ заговоровъ, и увѣрены, что, при исправленіи Поляковъ, Русское управленіе приметъ другой характеръ.

Вотъ мой отчетъ о Польшѣ. Мнѣ кажется, я опоздалъ съ нимъ. Вы сами были въ Варшавѣ послѣ меня, и безъ всякаго сомнѣнія увидѣли все яснѣе, дальше, вѣрнѣе. Я почелъ бы себѣ великою честію, если бы въ какихъ-нибудь мысляхъ мнѣ удалось сойтись съ вашимъ в-п—омъ.

Не могу не сказать еще двухъ словъ о Краковѣ, куда къ ректору университета, г. Матакевичу, вы изволили давать мнѣ рекомендательное письмо.

Жители находятся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и невинные терпятъ наравнѣ съ виноватыми, подавшими поводъ къ разнымъ тяжелымъ для города мѣрамъ. Ничего не желаютъ они столько, какъ имѣть одного Государя, вмѣсто трехъ покровителей. Котораго?—Разумѣется они не смѣютъ выговорить. Ректоръ показавъ мнѣ университетъ, библіотеку и всѣ заведенія, и общалъ, на мой вопросъ, написать мнѣ частное письмо о состояніи университета, нуждахъ и желаніяхъ, дабы я могъ при случаѣ представить оное вамъ, но до сихъ поръ не исполнилъ своего обѣщанія. Библіотекаря, г. Мучковскому, котораго сочиненія вамъ доставлены, можно поручить изданіе какихъ-нибудь драгоценныхъ рукописей Краковской библіотеки. Краковскіе журналы падаютъ....

III.

ПИСЬМО О ПОЛЬШѢ.*

1851.

(Въ началѣ Крымской войны).

.....

Если долженъ существовать Славянскій союзъ, то мы должны отказаться отъ Польши, которую даже физически нельзя исключить изъ этого союза? А для чего желать намъ держать ее при себѣ? Это болѣзнь на нашемъ тѣлѣ. Это одна изъ причинъ, или по крайней мѣрѣ, предлоговъ Европейской ненависти къ Россіи. Какую существенную пользу она приноситъ и сколько вреда, — кромѣ заботъ, хлопотъ, непрерывныхъ опасеній и неудовольствій! Ни одинъ русскій человекъ не желалъ никогда этого пріобрѣтенія, ни одинъ русскій государь не искалъ его, а Польша пала вслѣдствіе историческихъ причинъ, о которыхъ писалъ я еще лѣтъ двадцать пять назадъ, бросая перчатку самому Лелевелю; враги Россіи подбродохотали намъ эту несчастную страну въ знакъ благодарности за услуги, оказанныя Россіей Европѣ освобожденіемъ отъ ига Наполеонова, а мудрые наши дипломаты, не имѣвшіе, какъ бы по уставу, понятія о Русской исторіи, приняли ее, позабывъ про Галицію, чисто русскую землю, населенную русскимъ племенемъ, говорящую русскимъ язы-

* Эта записка, какъ и другая, V, оказалась чистою мечтою, что осязательно утвердила Исторія въ наше время. Онѣ остаются доказательствомъ Русскаго безпристрастія, дружелюбія и готовности ко всякимъ жертвамъ, кои Поляками безпристрастно были отвергаемы. См. послѣднія письма.

комъ и исповѣдующую русскую вѣру. Россія должна была терпѣть при себѣ Польшу, какъ необходимое зло, а если теперь открывается удобный, прекрасный случай, благоприятная минута, обратить это зло въ добро, стереть съ себя пятно, наложенное временемъ, обстоятельствами, а больше всего самими Поляками, то чего желать лучше? Не прочтѣе ли, не полезнѣе ли намъ быть во главѣ двадцати дружескихъ государствъ, нежели питать у своей груди одно враждебное? Обмѣнъ кажется выгодный!

Объявите независимость Польши, и вострепещеть Австрія, Пруссія и вся Германія, хотя онѣ ратуютъ и теперь въ пользу ея, пока она связана съ Россіей, и кричать противъ властолюбія Россіи. Лордъ Дудлей Стуртъ прикуситъ свой языкъ; легіонъ противнаго общественнаго мнѣнія разсыплется; клеветники лишатся послѣдней своей опоры, и мы привлечемъ на свою сторону весь правый и лѣвый центръ Европы. Турецкія войска лишатся всѣхъ своихъ волонтеровъ, которые могутъ стать въ наши ряды за Славянское дѣло; страшная диверсія произойдетъ въ нашу пользу.

Славяне, видя наше безкорыстіе, удостовѣрятся въ чистотѣ нашихъ намѣреній, отбросятъ всѣ западные навѣты, освободятся отъ всѣхъ подозрѣній и сомнѣній, и предадутся Россіи окончательно, безусловно, отъ всей души, на жизнь и смерть.

Но можетъ ли Польша существовать особо?

Разсматривая внимательно, хладнокровно, и безпристрастно *Исторію* Польши, чувствуешь, что она особо существовать не можетъ, и что послѣдняя катастрофа ея была необходимымъ заключеніемъ всѣхъ предъидущихъ событій. (Этотъ тезисъ предлагалъ и доказывалъ я очень давно въ одной изъ своихъ статей.)

Обозрѣвая область собственной Польши, ея *Географію*, приходишь къ тому же заключенію, которое въ этомъ отношеніи еще сильнѣе и крѣпче историческаго: это есть страна дополнительная, пограничная, и отнюдь не самобытная.

Но въ Польскомъ сердцѣ преобладаетъ чувство независимости, отдѣльности, самобытности, которое никакими ударами уничтожено быть не могло, которое сохраняетъ свою

живость и свѣжесть, не смотря ни на какія болѣзни и несчастія, готово на всякія жертвы, труды и мученія, и не хочетъ понимать никакихъ, самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ разсудка.

Это чувство даетъ Полякамъ право на уваженіе всякаго безпристрастнаго человѣка и друга добра, человѣческаго и гражданскаго, и заставляетъ забывать или извинять ихъ племенные пороки, столько несогласные съ русскою натурою, ихъ выходки, странности, вины и даже преступленія.

Дорого отечество для всякаго благороднаго существа, не погрязшаго въ ежедневной злобѣ, и чѣмъ исторія его несчастіе, даже виновіе, тѣмъ оно дороже, тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ любовь и состраданіе.

Пусть существуетъ Польша! Прекрасный, святой, братскій даръ, достойный добраго и легкаго сердца Русскаго, которое не помнитъ зла, свободу дадимъ мы Полякамъ за ихъ къ намъ слѣпую ненависть: наслаждайся они ею, какъ хотятъ, до тѣхъ поръ, пока не пожелаютъ сами тѣснѣйшаго союза съ нами.

Я имѣю противъ себя великій авторитетъ — Карамзина, котораго голосъ уважаю больше всѣхъ. Въ знаменитой своей запискѣ 1818 года, Императору Александру, онъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и силою чувства вооружался противъ возстановленія Польши, которое имѣлъ въ виду великодушный Государь Русскій.

Я долженъ замѣтить, въ избѣжаніе недоразумѣній, что Карамзинъ, трепеща за цѣлость Россіи, имѣлъ въ виду не такое возстановленіе Польши, которое здѣсь предполагается, а возстановленіе съ Литвою, Волынью, Подоліей и Бѣлоруссіей, то есть чистыми исконными Русскими областями, какъ думалъ-было въ то время И. Александръ, — впрочемъ не извѣстно на какихъ основаніяхъ.

Карамзинъ нашелся въ необходимости опровергать это намѣреніе, по частямъ, стараясь доказать только, что Государь, хоть и самодержавный, не имѣетъ права на раздробленіе Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускалъ принадлежность Галиціи Австріи, и считалъ эту архи-Русскую область законною

собственностію Австріи! Онъ только боялся новой войны со стороны Австріи, которая незахочетъ, де, разстаться съ такимъ владѣніемъ добровольно: «Можете ли вы, творецъ священнаго союза», восклицаетъ торжественно Карамзинъ, обращаясь къ Императору Александру, «объявить ей (за Галицію) войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости?»

Литва, Волынь, говоритъ Карамзинъ, могутъ желать королевства Польскаго.

Мы должны замѣтить, что не народъ желалъ, а помѣщики, которые относятся къ народу, какъ единица къ тысячѣ.

Читая эту горячую записку, и судя по ней о намѣреніяхъ Александровыхъ, удивляешься, какъ самымъ простымъ, естественнымъ, яснымъ понятіямъ трудно бываетъ пробиться сквозь стѣну общихъ мѣствъ, и бороться съ силою предубѣжденій, и сколько времени проходить прежде, чѣмъ они сдѣлаются общимъ достояніемъ. *

Въ какихъ же предѣлахъ должна быть восстановлена Польша?

Отвѣтъ самый простой, ясный, вѣрный и справедливый: въ предѣлахъ Польскаго языка. Гдѣ говорятъ по-польски, тамъ и Польша, точно такъ, какъ тамъ Россія, гдѣ говорятъ по-русски.

Позень—о, это Польша, возьмите его.

Западная часть Галиціи — тамъ говорятъ по-польски, она ваша.

Силезія—разберите, въ какихъ частяхъ ея осталось Польское начало, и вы имѣете полное право возвратить ее себѣ.

Но въ восточной части Галиціи говорятъ по-русски, это—Россія, такая же какъ Черниговъ, Житомиръ, Полтава.

* Въ первоначальной редакціи этого письма я выразился, виюсь, слишкомъ рѣзко, и въ нѣкоторомъ отношеніи несправедливо, не уяснивъ себѣ положенія Карамзина, который, видя рѣшимость И. Александра, думалъ только о спасеніи западныхъ губерній Русскихъ, и не могъ помянуть о Галиціи, а, напротивъ употребилъ ее какъ угрозу со стороны Австріи для отвращенія И. Александра отъ сего намѣренія. Я же писалъ свое письмо, имѣя въ виду, на ту пору, необходимость присоединенія Галиціи къ составу Русской Имперіи, въ замѣну отчужденія то-есть восстановленія Польши.

Въ Галиціи, точно какъ на Волыни, въ Подоліи, Бѣлоруссіи, помѣщики польскіе. Скупите ихъ имѣнія, чтобъ исполнить требованія справедливости до послѣдней іоты, промѣняйте ихъ на русскія имѣнія въ Польшѣ, чтобы не осталось русскаго духа въ Польшѣ, точно какъ польскаго въ Россіи, пока эти два племени не поймутъ, что имъ полезнѣе соединиться опять, и составить одно цѣлое. Мы это понимаемъ, но для Поляковъ нуженъ еще опытъ. Впрочемъ, при основаніи Славянскаго союза, и при покровительствѣ Россіи, съ взаимной помощію всѣхъ Славянскихъ племенъ, Польша, какъ и прочія государства, можетъ существовать особо. Это есть единственная форма ея будущаго бытія. Наша граница есть Нѣманъ и Бугъ, кои въ стратегическомъ даже отношеніи выгоднѣе для насъ, кажется, чѣмъ теперешняя западная граница царства Польскаго, къ Пруссіи.

Россія отдѣлится тогда отъ Европы цѣлою стѣною союзныхъ съ нею государствъ Славянскихъ, и можетъ дѣлать у себя дома, что угодно, пользуясь силами всего союза.

Важнѣйшее по тому времени возраженіе Карамзина, какъ противъ возстановленія Александровскаго, такъ и противъ того, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, состояло въ томъ, что Поляки не удовлетворятся первыми уступками, хоть и предполагалъ ихъ притязанія слишкомъ далеко.

Точно — польскій характеръ (съ кельтической или романской по моему мнѣнію лигатурою) можетъ даже и теперь служить сильнѣйшимъ возраженіемъ противъ моего положенія. Полякъ никогда до сихъ поръ ничѣмъ не былъ доволенъ. Приобрѣтъ одинъ шагъ, онъ тотчасъ заносилъ ногу на другой, — и пожалуй пойдетъ до Смоленска и Кіева, какъ опасался Карамзинъ.

Но неужели же Поляки не стали умнѣе?

Неужели долговременные, многочисленные, тяжкія опыты не научили ихъ нисколько благоразумію, умѣренности и даже справедливости, или хоть только исторіи. Неужели они не удостовѣрились, что на Англичанъ и Французовъ надежда имъ самая плохая, ибо въ самыя благоприятныя минуты,

даже минуты увлеченія, во время имперіи, точно какъ и во время красной республики, Французы очень мало думали объ нихъ за всё ихъ труды и подвиги, а Англичане смотрятъ всегда какъ на зажигательныя ракеты для Россіи. Дружбу Нѣмцевъ, Австрійцевъ и Прусаковъ, надѣюсь не нужно, мнѣ имъ доказывать. Долоѣ святъ стоитъ святомъ, дотолѣ не можетъ Нѣмецъ быть Поляку братомъ. Что восклицали Нѣмецкіе радикалы и демагоги въ церкви св. Павла, въ минуту своихъ политическихъ оргій? Позень — это Германія! Довольно одного этого воспоминанія. Польскіе помѣщики, коварно истребленные въ Галичѣ, въ 1847 году, посредствомъ русскихъ своихъ крестьянъ, избавляютъ меня также отъ обязанности распространяться объ австрійской съ Поляками дружбѣ. Слѣдовательно, единственная надежда Поляковъ должна относиться только къ великодушію брата Александрова, императора Николая, и къ помощи славянскихъ вмѣстѣ съ Россією племень, которыя могутъ помочь имъ, чтобъ получить свое, но не имѣютъ права посягать для ихъ прихотей ни на какую чужую національную собственность, одинаково для всѣхъ священную.

Но развѣ Бѣлоруссія, Волинь, Подоля есть Польша? Это было временное Польское завоеваніе, и если мы захотимъ отказаться отъ новаго своего завоеванія, то-есть отъ самой Польши, то развѣ можетъ кто-нибудь, съ здравымъ человѣческимъ смысломъ спрашивать у насъ въ придачу часть Россіи, съ Русскими жителями, съ Русскимъ языкомъ, съ Русскою вѣрою?

Какъ бы я былъ радъ поговорить объ этомъ близкомъ къ Славянскому сердцу вопросѣ съ Лелевелемъ, Мицкевичемъ, — и даже княземъ Чарторижскимъ, котораго грустно видѣть, до 90 лѣтъ, въ несчастномъ ослѣпленіи, обращеннаго все на западъ вмѣсто востока, гдѣ только можетъ возсіяť Полякамъ звѣзда спасенія.

Несчастный старикъ толковалъ еще недавно, судя по газетамъ, на одномъ Лондонскомъ банкетѣ о необходимости возстановить Польшу, безъ чего дѣло противъ Россіи не можетъ

кончиться успѣшно. Потери Австріи и Пруссіи, сказалъ онъ, вознаграждаются въ этомъ случаѣ сугубо.

Я долженъ замѣтить, что эта мысль можетъ быть нынѣ пущена въ ходъ, можетъ найти многихъ приверженцевъ, можетъ получить даже ободреніе и освященіе со стороны Англии и Франціи. Если для Турціи явилось столько европейскихъ волонтеровъ, то для Польши кольми паче. Въ наше время.... можно предполагать все, и должно быть готову на все. Тогда, тогда... угрозить Россіи новая рана, новый ударъ!

А если мы предупредимъ его, и обратимъ его въ свою пользу, какое торжество для насъ и какой ударъ для враговъ! Теперь мы можемъ привлечь Поляковъ на свою сторону, теперь они обрадуются неожиданному счастью, теперь они станутъ въ наши ряды, благодарные и готовые на службу, противъ общихъ враговъ, враговъ Россіи и всего славянскаго союза, а послѣ — о, это будетъ уже совсѣмъ другое дѣло. Надо ковать желѣзо пока горячо. Что нынѣ за насъ, и можетъ быть употреблено въ нашу пользу, то завтра можетъ оборотиться противъ насъ.

Я увѣренъ, что Карамзинъ, прочитавъ мои доводы, и рассмотрѣвъ внимательно новыя обстоятельства Европейскія и Русскія, о коихъ онъ и вообразить не могъ — такъ онъ странны и удивительны, — согласился бы теперь со мною, то-есть, относительно царства Польскаго за Нѣманомъ и Бугомъ. А что касается до западныхъ губерній, входившихъ нѣкогда въ составъ Рѣчи посполитой, то объ нихъ, разумѣется, какъ тогда, такъ и теперь, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть и разговора: это есть истая Россія, которую Карамзинъ охранялъ въ 1819 году горячо, къ вѣчной славѣ своего имени.

IV.

ПОСЛАНИЕ КЪ ПОЛЯКАМЪ.

1854.

Старый служитель исторіи, имѣвшій честь, тридцать лѣтъ тому назадъ, состязаться съ Лелевелемъ, близкій къ Мицкевичу, въ продолженіи четырехлѣтняго пребыванія его въ Москвѣ, душою Русскій и Славянинъ, рѣшаюсь я, любезные братья, въ нынѣшнихъ, важныхъ, трудныхъ, и можетъ быть, спасительныхъ для всѣхъ Славянъ вообще, и для васъ въ особенности, обстоятельствахъ, обратиться къ вамъ искреннее свое слово.

Горячее желаніе добра всемъ Славянамъ, сердечное участіе въ ихъ горестной судьбѣ, и вмѣстѣ почтеніе къ вашей постоянной, пламенной любви къ отечеству, безпристрастіе, производимое наукою, и вмѣстѣ русская, наследственная преданность престолу, внушили мнѣ мысли, кои счелъ я священнымъ долгомъ сообщить вамъ.

Примите ихъ съ тѣми чувствами, съ какими предлагаю ихъ вамъ я, взвѣсьте тщательно все доказательства и возраженія, обсудите ихъ внимательно и хладнокровно, на сколько, по крайней мѣрѣ, способна къ хладнокровію славянская наша природа, при разсужденіи о такомъ близкомъ къ нашему сердцу вопросу.

Не стану теперь я обращаться къ исторіи. Довольно одного настоящаго времени для вразумленія. Когда въ особенности намъ нужно примириться, на что смущать сердце печальными воспоминаніями, болѣе или менѣе тягостными? На что разрывать священныя для насъ могилы и искать тамъ виновниковъ? Вины были, разумѣется, на обѣихъ сторонахъ, точно какъ обѣ стороны находились попеременно въ счастливыхъ и несчастливыхъ обстоятельствахъ; было время, когда Владиславъ IV избирался на всероссійскій престолъ, а нынѣ Николай I занимаетъ польскій престолъ. Вы завоевали у насъ прежде всю страну почти до Москвы — мы

возвратили ваше завоеваніе и пошли далѣе. Явленія обыкновенныя въ исторіи всѣхъ смежныхъ государствъ!

Въ прежнее положеніе ни намъ, ни вамъ, придти нельзя, какъ нельзя никому воротить вчерашняго дня. Опустимъ же завѣсу на все прошедшее, и разсмотримъ настоящія ваши обстоятельства.

Вы раздѣлены, вы страдаете, — и не можете возстать безъ чужой помощи. Гдѣ же искать помощи? Обратимся къ западу.

На западѣ является намъ прежде всѣхъ Франція. Вы трудились для нея много, много пролили вы благородной крови ей на пользу, въ Италіи и Египтѣ, въ Германіи, на островѣ Сен-Доминго и холодныхъ пустыняхъ Сѣвера. Сколько лѣтъ продолжается ваша безпримѣрная ей служба? Уже подъ семдесятъ. Три ваши поколѣнія смѣнились подъ Французскимъ знаменемъ. Чѣмъ же Франція выразила вамъ свою признательность за чудеса вашей храбрости въ продолженіи войнъ революціи? Что получили вы за всѣ ваши несчетныя жертвы?

Ничего.

А чѣмъ наградила васъ Наполеонъ, повелитель всей Европы, который однимъ движеніемъ руки переставлялъ, воздвигалъ и разрушалъ всѣ престолы? Что сказалъ онъ въ вашу пользу, на высотѣ своего могущества, въ Тильзитѣ, Erfurtѣ, Дрезденѣ, Вильнѣ, Москвѣ, за всѣ ваши удивительныя подвиги въ переднихъ рядахъ его армій на всѣхъ славныхъ сраженіяхъ?

Опять ничего.

Но это былъ деспотъ, эгоистъ. Преемники его, Лудовикъ XVIII и Карлъ X, находились въ особыхъ обстоятельствахъ, — а что сдѣлалъ для васъ Лудовикъ Филиппъ?

У Лудовика Филиппа были связаны руки, ну, а красная республика, 24-го февраля, у которой развязаны были руки и свободны движенія, чѣмъ красная республика исправила несправедливости первой республики, Наполеона, Бурбоновъ и Луи Филиппа?

Ни красная республика съ временнымъ своимъ правительствомъ, ни конституціонная республика съ диктаторомъ Каваньякомъ и президентомъ Бонапартомъ, не ступили ни одного шагу въ пользу Польши, — вы не получили опять ничего.

Но это все прошло,—теперь, теперь, что дѣлается для Поляковъ? Обстоятельства, кажется, имъ благоприятствуютъ, вся Европа вооружается противъ Россіи, Франція идетъ впередъ и влечетъ за собою прочихъ—теперь, кажется, полезно даже для нея возстановить Поляковъ. *

Нѣтъ, Франція забыла о Полякахъ. Она заговорила объ нихъ очень двусмысленно при первомъ склоненіи Австріи и Пруссіи на ея сторону, а теперь, когда союзъ нѣмецкій утверждается, Лудовикъ Наполеонъ не хочетъ и думать объ васъ, какъ будто бы вы никогда не существовали. Напрасно принцъ Наполеонъ спорить объ васъ съ г. Сент-Арно, это просто комедія, коей никто повѣрить не можетъ.

Ясно ли, что вамъ нечего ожидать отъ Франціи. Тридцать правительствъ, всякой формы,—десять государей и правлений, разнаго духа и рода, въ тысячѣ различныхъ и противоположныхъ обстоятельствахъ, совершенно не сходные между собою по своей натурѣ, сходились всѣ только въ томъ, чтобы жертвовать вами, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, своимъ временнымъ и даже мнимымъ выгодамъ.

А Французы имѣютъ еще доброе сердце, теплую кровь, способны къ увлеченіямъ, и готовы на жертвы—что же можете вы ожидать отъ холодныхъ, своекорыстныхъ, расчетливыхъ Англичанъ, къ которымъ теперь по порядку должны перейти мы? Для Англичанъ вы презрѣнныя орудія, зажигательныя ракеты, которыми по временамъ можно пользоваться для исполненія своихъ видовъ, вчера противъ Австріи, въ пользу Венгріи, нынѣ за Австрію противъ Россіи. Прочтите послѣдніе разборы Шефильдской Рѣчи Кошута въ газетахъ всѣхъ партій, министерскихъ, оппозиціонныхъ и нейтральныхъ. Какихъ бранныхъ, поносныхъ прозвищъ не даютъ они вамъ, называя наконецъ анонимною націей. Больно вчужѣ слышать объ этихъ гнусныхъ выходкахъ. Лордъ Редклифъ всемогущъ въ Константинополѣ и не можетъ только содѣйствовать учрежденію Польскаго легіона, который можетъ быть непріятенъ Австрійцамъ. Съ какимъ униженіемъ пожертвованы вы Англіей при первой перемѣнѣ обстоятельствъ.

* Точно такую же комедію играли Французы съ Поляками послѣ, въ 1862 году, побуждая ихъ къ возстанію.

Если отъ Французовъ и Англичанъ нельзя надѣяться вамъ никакой помощи, какъ это теперь осязательно для насъ видно, то объ Австрійцахъ и Прусакахъ и доказывать, кажется, не нужно. Но я скажу нѣсколько словъ вообще о Нѣмцахъ, — не о нѣмецкихъ правительствахъ, которыя, положимъ, имѣють свои расчеты, а о народъ, въ минуту его увлеченія и восторга. Что говорили Нѣмцы — богословы, философы, историки, критики, всѣ либералы, въ церкви Св. Павла, когда они говорили, что хотѣли, и совѣтовались, безъ всякаго опасенія, о новомъ распредѣленіи границъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, на основаніи справедливости и права? Они объявили Позень частію Германіи, храня въ то же время благородное молчаніе объ Альзасѣ и Лотарингіи. Довольно этой черты, чего можно ожидать отъ Нѣмцевъ, и ваша древняя пословица доколѣ свіать стоитъ свіатомъ, дотолѣ не можетъ Нѣмецъ быть Поляку братомъ, не потеряла, видно, своей истины.

Я напомнилъ о дѣйствіяхъ Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, порознь, въ отношеніи къ вамъ, посмотрите теперь на всѣхъ ихъ вмѣстѣ, обратите вниманіе на Европейскую печать впродолженіи нынѣшняго года. Ни въ однѣхъ газетахъ, ни Французскихъ, ни Англійскихъ, ни Нѣмецкихъ, о Польшѣ не упомянуто, кажется, ни разу, ни по какому случаю, какъ будто она исчезла съ лица земли, и пропала изъ чело-вѣческой памяти. Неужели вы не замѣчаете этого, — какая кровавая обида можетъ быть оскорбительнѣе для народнаго самолюбія! Вотъ они каковы—западные ваши друзья!

Несчастные братья! Всѣ васъ оставили, и даже Турція не принимаетъ вашихъ услугъ иначе, какъ если вы надѣнете чалму, отречетесь Христа, поклонитесь Магомету, и перемените свое польское имя.

Съ какою же цѣлю пойдете вы на этотъ позоръ, и вмѣстѣ подвергнете себя всѣмъ лишеніямъ? Съ какою цѣлю вы пойдете на вѣрную смерть?

Причинить вредъ Россіи?

Нѣтъ—Россіи вреда большаго не причините ни вы, ни соединенные враги. Россія останется Россіей, какъ бы не-

счастливо ни кончился нынѣшній походъ, ни даже будущій. Нѣсколько ранъ, которыя скоро заживуть, нѣсколько потерь, которыя скоро вознаградятся, нѣсколько народа, который скоро народится, не могутъ перемѣнить надолго внѣшнихъ отношеній государства, занимающаго цѣлую часть свѣта, считающаго почти семьдесятъ милліоновъ жителей, и богатую всѣми естественными произведеніями. Даже этого несчастнаго утѣшенія—сдѣлать зло, вы имѣть не будете.

Однимъ словомъ, вы хотите расточать благородную свою кровь опять напрасно, вы хотите умирать даромъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вы идете на смерть для вѣроломныхъ покровителей и въ пользу государства, искони вамъ враждебнаго, варварскаго, мертвеннаго, противъ единоплеменниковъ, поднявшихъ оружіе за всѣхъ Славянъ, и идете безъ малѣйшей положительной надежды для себя, измѣняя вѣрѣ, исторіи, крови. Можно ли собрать болѣе вопіющихъ противорѣчій воедино?

Никто вамъ даже ничего не обѣщаетъ, и обѣщать не можетъ, по ходу дѣла, по союзу Австріи и Пруссіи съ Англіей и Франціей. Западъ нынѣ, какъ прежде, приноситъ Польшу въ жертву своимъ выгодамъ: на Западъ вы должны, по всѣмъ законамъ логики, по всѣмъ правиламъ здраваго смысла, покинуть теперь всякую надежду.

На Востокъ, на Востокъ можетъ только загорѣться для васъ звѣзда спасенія!

О еслибъ вы, несчастные, но любезные братья, по первому звуку этой бранной трубы, которая такъ живо отозвалась во всякомъ Славянскомъ сердцѣ, о еслибъ вы, со всѣхъ сторонъ, гдѣ плачете, сидя на рѣкахъ Вавилонскихъ, ввсегда помянути вамъ вашего Сіона, обратились къ Русскому Царю, родному брату и избраннику великодушнаго вашего Александра, попросили его забыть прошедшее, провозгласили общимъ Славянскимъ отцемъ, предложили родственныя услуги для общаго Славянскаго дѣла, для освобожденія Славянъ отъ чуждаго ига, неужели вы думаете, чтобъ его благородное сердце не тронулось такими благородными чувствованіями? Неужели вы думаете, чтобъ онъ не нашель средства, какъ бы

ни оборотились обстоятельства, въ нашу пользу, или во вредъ, возблагодарить васъ достойно за прекрасный порывъ?

Или вамъ кажется такое движеніе унижительнымъ? Неужели благороднѣе служить Туркамъ противъ Россіи, чѣмъ идти съ Русскими за Славянъ, которые нынѣ все за Россію и съ Россіей, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, молитвами и желаніями. Гласъ народа гласъ Божій.

Вы жалуетесь на Русскаго царя, но скажите, положи руку на сердце, не подавали ли вы сами повода ко всеѣмъ его мѣрамъ? Безчисленные заговоры, которыхъ былъ онъ цѣлю, безпрерывныя измѣны, которыми искусно умѣли пользоваться общіе враги, опредѣлили образъ его дѣйствій, къ собственному его прискорбію. А настоящіе ваши поступки въ Турціи....

Перестанемъ говорить объ этомъ, оставимъ все разсужденія, — я не обращаюсь ни къ вашему чувству, ни къ христіанской религіи, ни къ исторіи, ни къ понятіямъ о долгѣ и нравственности. Я обращаюсь къ простому здравому смыслу: все васъ оставили и предали, ни отъ кого ничего получить вы не можете, а у насъ получить вы можете много, можетъ быть, все, такъ идите къ намъ, — а братскія объятія готовы, что бы ни случилось.

Говорю, становясь на ваше мѣсто, на мѣсто Поляка и Славянина. Не скрою отъ васъ, что, стоя на своемъ мѣстѣ, какъ Русскій, я почитаю полезнымъ для Россіи возстановленіе Польши *. Разсудите же сами, сколько есть возможности въ этомъ вождеденномъ для васъ событіи, если, идя отъ двухъ противоположныхъ сторонъ, приходишь къ одному заключенію. Но для этого вамъ нужно преобразоваться и избрать другой образъ дѣйствій. Прошедшее, умершее, пусть покоится въ своей могилѣ. Оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Нашъ Богъ есть Богъ живыхъ. Помолимся Ему, чтобъ онъ послалъ намъ всеѣмъ любовь, а гдѣ любовь, тамъ свобода и жизнь. Путемъ ненависти и злобы можно придти только къ смерти. Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ все Славяне, и — миръ нашимъ врагамъ!

* Разумѣется, въ предѣлахъ Польскаго языка.

ЗАПИСКА О ПОЛЬШѢ.

1856.

Судьба Европы въ настоящую минуту виситъ на одномъ волоскѣ: на жизни Лудовика Бонапарта. Упавъ онъ подъ меткимъ выстрѣломъ, умретъ онъ отъ изнуренія силъ, горячкою, апоплексическимъ ударомъ, — что все очень возможно, — и завтра вспыхнетъ такой пожаръ во Франціи, что небу будетъ жарко. Огонь разольется тотчасъ по Италиі, изъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства охватитъ всѣ Австрійскія владѣнія, а изъ Венгріи недалеко перекинутся головешкамъ въ сосѣднюю Польшу, въ знакъ благодарности, и... и конца его въ Россіи не видать!

Должноли намъ, по закону благоразумія, быть готовымъ на такой случай, или нѣтъ?

Предполагаю другой случай: Бонапартъ проживетъ долго, такъ какъ живетъ теперь: можемъ ли мы быть спокойны по крайней мѣрѣ, въ продолженіе его жизни?

А кто проникнулъ въ его душу, и кто знаетъ, что таится на днѣ ея и даже подъ поверхностію?

Что если Парижскій миръ есть только временное перемиріе слѣдствіе усталости, возникшаго въ Европѣ неудовольствія, недостаточности заготовленныхъ средствъ? Что если предъ нашими глазами кончилось только первое дѣйствіе трагедіи, и что если занавѣсъ скоро опять поднимется?

Англія, снявъ съ себя личину, обнаружась передъ Россіей, въ которой видитъ себѣ врага естественнаго и грознаго, ни могла не застраховаться крѣпко-накрѣпко. Мудрено ей оставить насъ въ покоѣ съ раздраженнымъ народнымъ самолюбіемъ,

съ законною жаждою мести, и съ такими легкими ранами, которыя заживуть скоро подь чуть-чуть порядочнымъ пластыремъ! Стоило ли труда ей, равно какъ и Франціи, потратить столько миллиардовъ, и погубить столько тысячъ лучшаго народа, для Парижскаго мира? Игра не стоила свѣчь! Ну какъ Франція и Англія, отдохнувъ и собравшись съ свѣжими силами, грянуть на насъ снова, и уже опытные, обожгшіяся на молокъ, обдумаютъ свое нападеніе пошире и повѣрнѣ Крымскаго, — чтобы добить насъ въ-досталь, чтобы не допустить до отмщенія, чтобы заговорить навѣки ту бѣду, которая иначе не дастъ имъ спать спокойно никогда!

Можетъ это случиться, или нѣтъ? Должно ли намъ быть готовыми и на этотъ второй случай?

Что же значать нынѣшнія несогласія Англіи и Франціи въ Константинополь и Неаполь?

Это кукольная комедія въ родѣ прежнихъ, для поддержанія безопасности, къ которой такъ склонна русская натура. Если бы Бонапартъ не былъ съ Англичанами заодно, то его слова было бь достаточно, чтобы пресѣчь все ихъ каверзы.

Но предположимъ третій случай — Парижскій миръ искрененъ: Наполеонъ достигнулъ своей цѣли, показалъ силу Франціи и доставилъ ей первое мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, унижилъ и утратилъ Англію, и не имѣетъ нужды въ большемъ пораженіи Россіи. Онъ прекратилъ войну съ нею окончательно, и принимаетъ теперь отъ души графа Киселева.

Но Тильзитскій миръ былъ также искрененъ: Наполеонъ I обнимался съ Александромъ въ Тильзитѣ также отъ души, и однакожь послѣ этихъ дружескихъ объятій года черезъ три-четыре Наполеонъ I переправился черезъ Нѣманъ съ тысячею пушекъ и полумилліономъ войска, собраннаго со всѣхъ европейскихъ народовъ.

Обстоятельства, скажутъ, увлекли Наполеона I. Другіе обстоятельства, еще гораздо легче, могутъ увлечь, даже противъ воли, его племянника, Наполеона III, сангвиника, авантюриста съ италянскою, французскою и голландскою кровью, имѣющаго Бога знаетъ какія и съ кѣмъ обязательства, какіе *antécédens*,

Онъ не можетъ поручиться за себя ни на одинъ день, и еще меньше можетъ поручиться за него кто-нибудь другой: какія могутъ у него возводиться желанія при благопріятныхъ обстоятельствахъ, куда и какъ бросить его судьба въ обстоятельствахъ противныхъ!

Во всѣхъ трехъ возможныхъ для Россіи случаяхъ, то-есть погибнетъ ли Бонапартъ и загорится Европа, таится ли заговоръ Англійи и Франціи противъ Россіи, или возникнетъ гдѣ-нибудь европейская война, вслѣдствіе новыхъ столкновеній, Польша сдѣлается нашею пяткою, открытою вражескимъ, ядомъ напѣннымъ, стрѣламъ, пяткою, чрезъ которую, уязвленную, антоновъ огонь можетъ разлиться по всему организму: на Польшу слѣдовательно необходимо обратить намъ великое вниманіе.

Но оставимъ мрачныя предчувствія и предположимъ четвертую возможность: Бонапартъ проживетъ долго и благополучно, заговора противъ Россіи не существуетъ; дружество между Англійей и Франціей ослабѣло, — однимъ словомъ, Европа остается на долго *in statu quo*. Посмотримъ въ какомъ же положеніи находится теперь Россія?

Россія находится политически въ самомъ унижительномъ и позорномъ положеніи, въ какомъ она со времени Петра Великаго не находилась никогда. Она упала съ высоты своего величія, и очутилась вдругъ среди державъ второкласныхъ и третьекласныхъ, и не смѣетъ говорить тамъ, гдѣ Англія и Франція, даже Австрія рѣшаютъ дѣла, лично до нея касающіяся, не только постороннія. Въ Константинополѣ имени ея не слышно, какъ будто бы и не было ея на бѣломъ свѣтѣ, не только въ сосѣдствѣ; въ Константинополѣ, отъ котораго мы, по общему сознанію, были въ двухъ дняхъ пути, гдѣ никакого шага не ступалось безъ нашего соизволенія, гдѣ наше слово было закономъ со временъ Екатерины.

Грецію, находящуюся по трактатамъ подъ нашимъ покровительствомъ, занимаютъ Французы и Англичане, и не позволяютъ Грекамъ выражать даже свое къ намъ сочувствіе. Мы не можемъ пособить своимъ единовѣрцамъ ни въ чемъ, допустивъ, впрочемъ, и прежде ихъ разореніе, изъ-за самага

пустаго предлога, несправедливаго иска какого-то португальскаго жида дона Пачифико.

Молдавію и Валахію, страны, облитыя русскою кровью, избавленныя отъ турецкаго ига, почти принадлежавшія намъ, занимають Австрійцы, вплоть до нашихъ границъ, судятъ и рядятъ, и производять разные опыты, вмѣстѣ съ Англіей и Франціей, не заботясь нисколько о нашемъ согласіи и даже мѣнѣи.

Отъ Славянскаго Дуная, намъ роднаго, мы отброшены. Чужіе военные корабли плавають около нашихъ обезоруженныхъ береговъ. Черное море, безъ флота и крѣпостей, принадлежитъ не намъ, и границы наши вездѣ открыты. Мы не смѣемъ принимать мѣрь для нашей защиты, ни строить кораблей, ни сооружать крѣпостей.

Въ палатахъ слышатся безпрестранно угрозы, въ газетахъ читаются ругательства; въ публикѣ разносятся всякія клѣветы. Враги наши, Англичане и Австрійцы, не считаютъ уже нужнымъ сдерживаться, скрывать свои чувствованія, какъ прежде, и выражаютъ ихъ безъ всякихъ околичностей.

Неужели можно говорить такъ съ первостепенною державою, которая считаетъ у себя слишкомъ шестьдесятъ милліоновъ жителей и занимаетъ пространство больше всей Европы? Неужели можно поступать такъ съ Россіей Петра, Екатерины, Александра, которая считала до сихъ поръ полторааста лѣтъ своей исторіи однѣми побѣдами и торжествами?

И всѣ эти оскорбленія, всѣ эти кровныя обиды, мы должны переносить терпѣливо, скрывать малѣйшее неудовольствіе, глотать новыя слезы, и принимать на себя веселый видъ, когда на сердцѣ у всякаго Русскаго скребутъ кошки.

Единственная надежда наша на Лудовика Бонапарта, и его слово, его взглядъ, его улыбка, составляютъ наше счастье, внушаютъ бодрость, или нагоняютъ печаль.

Господи! До чего мы дожили! Стыдъ, срамъ и поношеніе!

Покойный Государь писалъ къ императору Французовъ о томъ чувствѣ, которое должно было стѣснить сердце всякаго Русскаго, при извѣстіи о появленіи иностранныхъ кораблей на Черномъ морѣ: что же должны мы чувствовать теперь,

подвергаясь ежеминутно такимъ наругательствамъ, и, если есть въ насъ хоть искра гражданскаго стыда, можемъ ли мы успокоиться до тѣхъ поръ, пока не возвратимъ себѣ мѣста въ Европѣ, принадлежащаго намъ по праву, завѣщаннаго и исторіей и природой.

Что же намъ дѣлать?

Не затѣять ли новую войну?

Съ кѣмъ же, за что, гдѣ? Съ Турціей нельзя, съ Франціей далеко, съ Англіей негдѣ, съ Пруссіей не за что. Развѣ съ Австріей? Но, начавъ съ нею теперь войну, мы все-таки поднимемъ на себя опять всю Европу, и рано или поздно, на насъ опрокинется всѣ. Общественное мнѣніе, которое только-что успокоилось нѣсколько, и готово сблизиться съ нами, возстанетъ опять противъ насъ, какъ нарушителей дорогаго, любезнаго и нужнаго для всѣхъ спокойствія, какъ зачинщиковъ войны, для всѣхъ ненавистной, тягостной, пагубной.

Впрочемъ, нечего себя обманывать, мы не готовы ни для какой войны: запасы наши истощены, финансы разстроены, всѣ средства поражены; послѣднія событія показали въ ясномъ и вмѣстѣ ужасномъ свѣтѣ наши недостатки. Намъ надо еще учить офицеровъ, готовить лекарей, устраивать дороги, (а основаніе ихъ на десять лѣтъ въ чужомъ распоряженіи), запасать оружіе, преобразовать комиссаріатское и провіантское управленія, въ коихъ злоупотребленія дошли до чудовищныхъ размѣровъ, какъ оказывается по слѣдствіямъ, хуже консисторій и инженернаго вѣдомства, прежде столь знаменитыхъ въ этомъ отношеніи, — и мало ли что надо сдѣлать! Въ десять лѣтъ усиленнаго труда, напряженной дѣятельности, едва ли успѣешь много! Исправленія и улучшенія, правда, начинаются у насъ, но слишкомъ тихо, безъ соразмѣрности съ волюющими потребностями и грозящими опасностями. Такіе медленные успѣхи не позволяютъ намъ еще долго подумать о какой бы то ни было наступательной войнѣ. Такимъ шагомъ не догонимъ мы Европы, которой приготовленія съ изобрѣтеніями не останавливаются. Мы едва приступаемъ къ желѣзнымъ дорогамъ, а она, того и гляди,

изобрѣтетъ воздухоплаваніе, или новый *credit mobilier*, позамысловатѣе послѣдняго.

На войну, слѣдовательно, надежда намъ плохая! Какія же есть другія средства выйти изъ нашего постыднаго положенія?

Дипломатія?

Дипломатія можетъ дѣйствовать успѣшно, когда ей есть на что опереться. Враги узнали теперь коротко все слабья стороны нашего управленія, разстройство государственной машины, личный составъ правительства, невозможность поддерживать слово дѣломъ, слѣдовательно искусство дипломатіи самой умной не можетъ принести намъ много пользы, и нотами, самыми ловкими, могущества сочинить нельзя, нельзя поправить репутаціи.

Средство, сильнѣйшее, дѣйствительнѣйшее средство выйти намъ изъ настоящаго нашего положенія должна, по моему мнѣнію, доставить Польша.

Польша была для Россіи самою уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сдѣлаться крѣпкою ея рукою.

Польша отдаляла отъ насъ весь славянскій міръ: Польша должна привлечь его къ намъ.

Польшею мы поссорились съ лучшею европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться съ нею.

Какъ же достигнуть такой блистательной цѣли?

Очень просто. Дайте ей особое, собственное управленіе. Оставаясь въ нераздѣльномъ владѣніи съ имперіей Россійскою, подъ скипетромъ одного съ нею Государя, съ его намѣстникомъ, пусть управляется Польша сама собою, какъ ей угодно, соотвѣтственно съ ея исторіей, религіей, народнымъ характеромъ, настоящими обстоятельствами.

Объявится это рѣшеніе во всемілостивѣйшемъ манифестѣ, — и Лудовикъ Бонапартъ тотчасъ понизитъ голосъ, Англичане прикусятъ языкъ, Австрійцы получатъ смертельный ударъ въ грудь, вся честная, благородная часть европейскаго населенія, съ общественнымъ мнѣніемъ, обратится совершенно на нашу сторону, — и первое мѣсто между Государями Европейскими займетъ попрежнему Императоръ Всероссійскій и Царь Польскій!

Поляки, понявшіе теперь послѣ семидесятилѣтнихъ несчастныхъ опытовъ, и тяжелыхъ страданій, обманутыхъ семьдесятъ разъ вѣроломнымъ образомъ сладкихъ надеждъ, что отъ запада ожидать имъ нечего, Поляки примутъ съ восторгомъ неожиданную милость, выше которой они ничего желать и вообразить себѣ не могутъ, бросятся все, даже самыя отчаянныя радикалы, съ восторгомъ въ наши распростертыя къ нимъ объятія, и рады будутъ до послѣдней капли крови защищать эту драгоценную для нихъ свободу, — и никакой врагъ не посмѣетъ приблизиться къ нашимъ западнымъ границамъ. *

Сосѣдніе Поляки, Австрійскіе и Прусскіе, сдѣлаются самими вѣрными нашими друзьями и доброжелателями, мимо которыхъ ни Австрія, ни Пруссія не посмѣютъ сдѣлать шагу, принужденныя употреблять еще лишнія силы для того, чтобы удерживать ихъ за собою. И не удержатъ, потому что мысль о герелѣ естественно возникнетъ между ними, и при первыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ они сольются съ своимъ любезнымъ отечествомъ, то-есть Галиція и Познань увеличатъ силу Польши и Россіи.

Все прочіе Славяне и другія племена, угнетаемыя въ Австріи, какъ-то Чехи, Кроаты, Сербы, Венгерцы, живя рядомъ съ счастливою, самоуправляющеюся Польшею, захотятъ себѣ, разумѣется, такого же простора. Турецкіе Славяне отъ нихъ не отстанутъ, — и вотъ насъ сто миліоновъ. Милости просимъ поборотся.

Все это будетъ происходить въ теченіи времени, тихо, постепенно, безъ всякаго кровопролитія, безъ всякихъ трудовъ, издержекъ, опасностей, жертвованій, безъ всякихъ понудительныхъ и возбуждательныхъ со стороны Россіи мѣръ, происковъ, козней, однимъ словомъ — само собою, по естественному порядку вещей.

А отчего же, скажутъ, Славянскія племена не поднялись въ продолженіи послѣдней войны?

Оттого, что не знали ничего вѣрно и ясно о нашихъ

* Управление Маринза Веленольскаго, уви, доказало неосновательность этой надежды. Впрочемъ — къ нему, можетъ быть, привѣялось общее европейское издеченіе этого времени: слишкомъ поздно!

намѣреніяхъ, сомнѣвались въ нашемъ постоянствѣ, отвращались самими нашими агентами, опасались навлечь на себя новыя притѣсненія, и, наконецъ, оттого, что не любили нашего грубаго самоуправства, не хотѣли мѣнять одно иго на другое, и попасть изъ огня да въ полымя.

Когда же Польша получитъ собственное управленіе, и Россія, не касаясь ея внутреннихъ, любезныхъ національныхъ интересовъ, будетъ только ограждать ее отъ внѣшнихъ опасностей, и содѣйствовать своими безчисленными многообразными средствами къ ея преспѣванію, то чего же будетъ лучше желать Австрійскимъ и Турецкимъ Славянамъ? Они наши, то-есть члены будущаго великаго восточнаго союза.

Но оставимъ эти болѣе или менѣе далекія событія, и возвратимся къ настоящему времени: что въ первую минуту по предоставленіи Польши самой себѣ произойдетъ для Россіи?

Въ первую минуту, Россія, огражденная дружественной, одну судьбу съ нею раздѣляющей, Польшей, становится уже безопасною отъ всякихъ западныхъ нападеній, и вспомоствуемая усердно пятью милліонами преданнаго, восторженнаго племени, съ собственными безконечными силами, которыми получить возможность располагать безъ всякаго опасенія и развлеченія, сдѣлается опять страшною западу, вмѣсто того, что теперь страшень ей западъ.

Въ этомъ положеніи, не обнажая меча, не только возвращаетъ она себѣ, но и увеличиваетъ сторицейъ прежнее значеніе въ Европѣ, не боится ни смерти Лудовика Бонапарта, никакихъ его выходокъ, ни заговора Англій и Франціи, никакихъ европейскихъ случайностей.

Какъ историкъ, осмѣлюсь сказать въ заключеніе, что предоставленіе Польши самой себѣ, согласное съ Европейскими и Русскими ожиданіями дѣлъ милости и кротости отъ царствующаго нынѣ Государя, есть вмѣстѣ искупленіе великаго Европейскаго грѣха (не нашего), которое не можетъ остаться безъ великаго вознагражденія. Блажени миротворцы, сказалъ Спаситель, а погасить ненависть и возбудить любовь въ сердцахъ многочисленныхъ племенъ,—о, это такое святое дѣло, которому и ангели на небеси возрадуются.

Разсмотримъ теперь вопросъ съ другой стороны, болѣе прозаической.

Предоставляя управленіе Польши самой себѣ, не теряетъ ли чего-нибудь Россія?

Ровно ничего — она теряетъ только ненависть Польши, которая связывала ее во всѣхъ дѣйствіяхъ, и получаетъ любовь, а съ любовью, и искренней всегда помощью, приобретаетъ новую силу, безъ малѣйшаго для себя ущерба.

А доходы? Изъ доходовъ царства Польскаго, Россія, хоть это можемъ мы сказать съ гордостью, не пользовалась до сихъ поръ никогда ни однимъ грошемъ: такъ и впередъ доходы царства Польскаго будутъ обращаться на удовлетвореніе его нуждъ, по собственному благоусмотрѣнію.

Россія будетъ имѣть еще выгоду отъ такого правительственнаго раздѣленія, ибо часть ея долга съ 1815 года, должна, по расчету народонаселенія, отпасть на Польшу, какъ употребленная на удовлетвореніе общихъ нуждъ безопасности и проч.

Чиновники Русскіе должны будутъ покинуть царство, — но вѣроятно столько же чиновниковъ Польскихъ или еще болѣе, служить въ Россіи, и они могутъ обмѣняться мѣстами, или, во избѣжаніе затрудненій, тѣ и другіе могутъ до срока, до емеритуры, оставаться на своихъ мѣстахъ, съ постановленіемъ, чтобы впредь всѣ мѣста, какъ тамъ, такъ и здѣсь, замѣщались туземными чиновниками.

Перейдемъ теперь къ возраженіямъ: Поляки, по своему характеру, не будутъ довольствоваться своею свободою, а пожелаютъ прежнихъ границъ.

Это возраженіе старое. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ оно сказано впервые. Оно не имѣетъ теперь смысла: если мы добровольно отказываемся теперь отъ новыхъ своихъ завоеваній, коими владѣемъ, то, разумѣется, Поляки не могутъ спрашивать у насъ старыхъ своихъ завоеваній, кои давно потеряны ими. Гдѣ говорятъ по-польски, тамъ Польша, гдѣ говорятъ по-русски, тамъ Россія. Какое правило раздѣла можетъ быть правильнѣе, справедливѣе, вѣрнѣе? Въ Бѣлоруссіи, на Волыни, въ Подоліи, въ большей части такъ-

называемой Литвы, только помѣщики — Поляки, потомки завоевателей, или лучше, находниковъ, 14 и 15 столѣтій, а вся земля есть чисто Русская, народъ говоритъ по-русски, исповѣдуетъ русскую вѣру. Кто же со здравымъ смысломъ можетъ потребовать отторженія этихъ исконныхъ русскихъ областей отъ нашего состава государственнаго и присоединенія къ новому составу царства Польскаго. Мы, Русскіе, отказываемся отъ всякихъ правъ завоеванія, выходимъ, такъ сказать, изъ царства Польскаго, нами приобрѣтеннаго, точно также должны бы даже выйти Поляки изъ западныхъ нашихъ губерній. Но мы и этого не потребуемъ къ вяще доказательство нашего великодушія и снисходительности: оставайтесь, если согласны жить подъ нашими законами; идите куда угодно, если не хотите, продавъ ваши имѣнія*. Всего бы лучше удовлетворить польскихъ помѣщиковъ западныхъ губерній свободными землями въ царствѣ Польскомъ, если выкупить, въ теченіи времени, ихъ имѣнія. Впрочемъ, если Россія и Польша образуютъ одно союзное цѣлое, то не все ли равно жить Поляку въ предѣлахъ Русской имперіи, или Русскому въ предѣлахъ царства Польскаго, по доброй разумѣется, волѣ.

Все это такъ ясно, просто и естественно, что ни на минуту, кажется, нельзя остановиться на рѣшеніи. Прежняя система, веденная впродолженіе двадцати пяти лѣтъ, какія имѣла слѣдствія? Поляки ненавидятъ внутренне русское правительство, какъ ненавидѣли сначала, повинуются нехотя, со злобою въ сердцѣ, и желаютъ переменъ во что бы то ни стало, — да и нельзя иначе! Теперь вездѣ наступилъ періодъ сознанія. Мы должны безпрестанно бояться за Польшу, и изъ-за нея даже за себя. Съ новою же системою мы избавляемся и отъ бремени и отъ страха, и приобрѣтаемъ явныхъ друзей вмѣсто скрытыхъ и открытыхъ враговъ. Чего же лучше и желаннѣе? Самъ Паскевичъ, какъ я слышалъ, возьмѣлъ эту мысль въ послѣднее время своей жизни.

* Это была моя мечта. Послѣднія прощевствія ясно доказали, что Поляки не могутъ разстаться съ мыслию о владѣніи западно-русскими губерніями, и тѣмъ рѣшаютъ судьбу свою. *Поздн. приимг.*

Третье возраженіе: не будетъ ли примѣръ Польши заразителенъ для Россіи, и не захочетъ ли она современемъ такихъ учрежденій, какія изберетъ себѣ Польша?

Это возраженіе могутъ дѣлать только люди близорукіе и незнакомые съ исторіею, съ характеромъ народовъ. Россія испоконъ-вѣка жила рядомъ съ Польшею, и между тѣмъ въ Польшѣ господствовало *liberum veto*, а Россія кланялась безпрекословно Ивану Васильевичу Грозному. Польша до сихъ поръ неизвѣстнѣе у насъ, чѣмъ Китай: у насъ другой характеръ, другая кровь, другая исторія, другія обязательства. Если придти въ Россію такъ-называемой заразы, то она придетъ не посредствомъ польскаго языка, у насъ къ сожалѣнію совершенно неизвѣстнаго, а посредствомъ французскаго, котораго остановить никакимъ уже образомъ нельзя; посредствомъ западныхъ примѣровъ, которые приплываютъ и прикатываются къ намъ со всякою почтою, а также ни коимъ образомъ закрыты отъ насъ быть не могутъ. О средствахъ неизбѣжной заразы говорить здѣсь не мѣсто.

Предварительныя мѣры, оглашаемыя въ какой заблагодарасудится формѣ:

Приглашеніе всѣхъ эмигрантовъ въ отечество безъ всякихъ ограниченій, съ паспортами миссій, немедленно выдаваться имѣющими.

Возвращеніе всѣхъ Поляковъ, сосланныхъ за политическія такъ-называемыя преступленія, безъ исключенія.*

Приготовленія проектовъ для университета въ Варшавѣ, или пяти факультетовъ въ пяти городахъ, что кажется полезнѣе для ученой жизни и для возвышенія городовъ, слишкомъ униженныхъ столицею.

Приготовленіе проектовъ для устоятва желѣзныхъ дорогъ въ Россію, Познань и на Сѣверь.

Возвращеніе книгъ изъ И. Петербургской бібліотеки, кромѣ нужныхъ преимущественно для Россіи, въ замѣну которыхъ должны быть доставлены изъ нашихъ бібліотекъ книги, нужныя для Польши, по взаимному соглашенію, также русскія книги.

* Они-то начали послѣднее возстаніе. Поздн. приимпаніе.

Разрѣшеніе свободы книгопечатанія.

Планы формированія войска.

О размѣщеніи чиновниковъ.

Разсчеты о государственномъ долгѣ.

О поземельныхъ мѣнахъ.

Предложеніе римско-католическому духовенству обратиться къ папѣ или своему синоду о допущеніи брака по древнимъ примѣрамъ.

Учрежденіе сеймиковъ и сеймовъ въ томъ видѣ, въ какомъ застало ихъ первое дѣленіе.

На этихъ сеймахъ, по возвращеніи всѣхъ эмигрантовъ, Поляки должны будутъ учредить избираемый ими образъ правленія во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ, и представить на утвержденіе царское.

Приведеніе въ исполненіе всѣхъ сихъ мѣръ потребуетъ не менѣе двадцати пяти лѣтъ, а въ двадцать пять лѣтъ много воды утечетъ и притечетъ!

Необходимость царскаго утвержденія оставить всегда Государю свободу дѣйствія по усмотрѣнію, еслибы случилось что-либо противное его благимъ намѣреніямъ и вредное для Россіи, а 60 милліоновъ всегда сладятъ съ четырьмя.

Историкъ Русскій, другъ отечества и человѣчества, Карамзинъ, заклиналъ покойнаго Императора Александра I отказать отъ мысли о возстановленіи Польши, опасаясь за Россію.

Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ. Обстоятельства перемѣнились. Наступилъ новый вѣкъ съ новыми мыслями, видами и требованіями. То же чувство любви къ отечеству и человѣчеству побуждаетъ и меня, служителя той же исторіи, умолять Государя Императора о возстановленіи несчастной Польши въ предѣлахъ ея роднаго языка, отнюдь не въ предѣлахъ 1772 года, на которые возставалъ Карамзинъ, отнюдь не съ нашими западными губерніями — на пользу и славу Россіи.

Новое воззрѣніе не разнится отъ Карамзинскаго, время примиряетъ и соединяетъ ихъ воедино.

1856

24-го ноября.

* Возраженіи и опроверженіе этой мысли, см. ниже с. 99, 112 и проч.

ПОЛЬША И РОССИЯ.

1859.

Европа наканунѣ великихъ потрясеній и великихъ переворотовъ. До чуткаго уха уже доносятся глухіе раскаты грома. Въ ожиданіи неминуемой грозы Россія и Польша должны сблизиться между собою какъ можно тѣснѣе, должны составить одно дружное цѣлое. Насильственное, случайное соединеніе должно претвориться въ полюбовное, разумное. Вотъ чего боится Европа, вотъ что старается всѣми силами не допустить Нѣмецкая дипломатія, вотъ что чуя, Пруссія укрѣпляетъ Кенигсбергъ, вотъ о чемъ должны стараться всѣ мы Славяне, вѣрные сыны Россіи и Польши.

Живо чувствую я положеніе образованнаго Поляка, знакомаго съ своей исторіей, и принимаю къ сердцу справедливыя его сѣтованія.

Однажды случилось мнѣ возвращаться изъ чужихъ краевъ чрезъ Польшу по желѣзной Краковской дорогѣ, — осенью 1853 года.

Въ первую минуту начинаются обыкновенно разговоры въ вагонѣ, кто, куда, и откуда ѣдетъ. Въ числѣ путешественниковъ находился молодой человѣкъ, лѣтъ 25, прекрасный собою, высокій ростомъ, стройный, съ длинными, густыми, свѣтлорусыми волосами, — румянецъ во всю щеку. Это былъ Полякъ, но родившійся не въ Польшѣ, и ѣхавшій въ Варшаву только въ первый разъ, какъ изъ разговора оказалось: на чье-то сомнѣніе или вопросъ, какъ онъ, бывъ Полякомъ: не знаетъ Варшавы, молодой человѣкъ запнулся, и въ примѣтномъ волненіи отвѣчалъ что-то не ясно.

Я сидѣлъ на средней лавкѣ, онъ подь окошкомъ противъ меня. Двинулся поѣздъ и разговоръ прекратился. Молодой человѣкъ, привлечшій мое вниманіе, высунулся всею головою изъ окошка, облокотясь обѣими руками о стѣнку. Страна, по которой пролегаетъ дорога, пустая, однообразная, скучная, — однѣ болота, кое-гдѣ мелкіе кустарники, вдали лѣсъ. Погода была пасмурная, осенняя, начинало темнѣть, мелкій дождикъ моросилъ. Полякъ, высунувшись оставался долго неподвижный. Прекрасные его волосы развѣвались вѣтромъ. Казалось, онъ ничего не чувствовалъ, вперивъ свои взоры въ туманную даль. Сердце мнѣ сказало, что это изгнанникъ или сынъ изгнаннаго семейства, который въ первый разъ видитъ свое отечество, боится пропустить одинъ шагъ, впиваетъ родной воздухъ. Какія думы проносились чрезъ его душу! Долго оставался молодой человѣкъ въ одномъ положеніи, потомъ вдругъ, стремительно всталъ, отворотился, свернулъ плащъ себѣ подь голову, и легъ ничкомъ на лавку.

Эта четверть часа произвела на меня удивительное дѣйствіе: грустную элегію, высокую оду о любви къ отечеству, прочель, почувствовалъ я въ безмолвныхъ, стремительныхъ движеніяхъ молодаго чловѣка.

Дорого отечество для всякаго благороднаго существа, не погрязшаго въ ежедневной злобѣ, и чѣмъ исторія, положеніе его несчастіе, даже виновнѣе, тѣмъ оно дороже, тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ любовь и состраданіе.

Но одной Польшѣ, на своей равнинѣ, между Пруссіей, Австріей и Россіей, существовать, если и возможно, то трудно, безпокойно, невыгодно, опасно. Такъ распорядилась географія, такъ помогла исторія. Для соединенія съ Пруссіей и Саксоніей опыты были, и что показали? Познань, подь управленіемъ Прускимъ, гдѣ земля почти уже на половину перешла къ Нѣмцамъ, и Польское начало видимо изнемогаетъ, и Галиція, гдѣ Польскіе помѣщики недавно еще были преданы ножу, представляютъ ясныя доказательства опасности нѣмецкихъ соединеній. А Западъ? Мы говорили уже объ немъ выше.

... Стерпится — слюбится: въ настоящихъ обстоятельствахъ — это лучший образъ дѣйствія! Александръ II жа-
 лаетъ искренно добра, какъ Русскимъ, такъ и Полякамъ.
 Это всего важнѣе. Освобожденіе крестьянъ есть уже боль-
 шой шагъ на пути къ успѣху. За этимъ шагомъ послѣдуютъ
 другіе, ибо останавливаться нельзя, и Польша, въ своемъ
 благоденствіи, Богъ дастъ, найдетъ вознагражденіе за пере-
 несенныя страданія. Трудно дожидаться такъ долго, тяжела
 зависимость отъ такъ называемаго случая, да что же дѣ-
 лать, если такъ выработывается и строится исторія, не у
 однихъ насъ?

Смѣю думать, что важнѣйшимъ препятствіемъ къ приве-
 денію дѣла въ лучшее положеніе служатъ неумѣренныя, или
 лучше сказать, несправедливыя притязанія Поляковъ, кото-
 рыя приписываются имъ Русскими, начиная съ Карамзина,
 и не безъ основанія. Вотъ объ этихъ-то притязаніяхъ хочу
 я поговорить теперь, чтобъ отстранить всякія недоразумѣ-
 нія и поводы къ распрѣ, мѣшающіе не только намъ, Поля-
 камъ, но и всему Славянскому міру.

Постараюсь привести вопросъ въ самую краткую и про-
 стую формулу.

Польша, думаютъ у насъ, будетъ искать прежнихъ сво-
 ихъ границъ, то есть старыхъ своихъ завоеваній.

Помилуйте! Какъ же можно думать ей о старыхъ завое-
 ваніяхъ, ею съ бою потерянныхъ, когда мы Русскіе новыя
 свои завоеванія согласимся не считать завоеваніями? Вѣдь
 это было бы *non-sens*.

Если принимать началомъ, основаніемъ, завоеваніе, то
 Польша принадлежит теперь Россіи, и толковать нечего.
 Если жъ согласиться, что Польша не принадлежитъ Россіи,
 то колыми паче не принадлежатъ Польшѣ ея прежнія, вре-
 менныя завоеванія въ Россіи, которыя остались, какъ были
 искони, Русскими, съ Русскою вѣрою, съ Русскими обы-
 чаями, съ Русскимъ языкомъ.

Языкъ — вотъ естественная граница народовъ.

Гдѣ говорятъ по-польски, тамъ — Польша.

Гдѣ говорятъ по-русски, тамъ — Россія.

Какое основаніе можетъ быть вѣрнѣе и справедливѣе? На Волини, въ Подоли, Бѣлоруссіи, только помѣщики и горожане Поляки, потомки старыхъ завоевателей: они должны быть вознаграждены, если бъ не захотѣли остаться въ своихъ мѣстностяхъ. Вотъ и все. Владимиръ, Полоцкъ, Минскъ, Каменецъ, точно какъ Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, никогда не были, никогда не будутъ, и никогда не могутъ быть Польскими. Во вѣки вѣковъ не согласится на это не только Правительство, но и никакой Русскій.

Но о предѣлахъ намъ спорить будетъ нечего. Лишь было бъ жить одинаково, привольно, льготно и хорошо, по сю и по ту сторону Нѣмана и Буга, такъ вся Россія предстанетъ къ услугамъ Польши, точно какъ вся Польша откроется для Россіи. Чѣмъ просторнѣе, тѣмъ лучше. И вотъ тогда-то будетъ смотрѣть на насъ съ почтеніемъ Западъ! И вотъ тогда-то Россія и Польша, соединенныя между собою узами дружбы и любви, получатъ возможность помочь своимъ несчастнымъ единоплеменникамъ, Славянамъ, томящимся подъ чуждымъ игомъ, получатъ возможность помочь дѣйствительные и чище, чѣмъ Франція помогла теперь Италианцамъ.

Европа, повторяемъ, наканунѣ великихъ переворотовъ и потрясеній. Горе, если онѣ застанутъ насъ въ расплохъ! великое горе, если у Поляковъ, равно какъ и у Русскихъ, повторятся прежнія ошибки! Имѣяй уши слышати, да слышать!

Юля 30-го дня,

1859 г.

ПОСЛАНІЕ КЪ ПОЛЯКАМЪ. *

1861.

Рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ искреннимъ словомъ, дорогие славянскіе братья, и смѣю надѣяться, что вы примете его съ тою же любовію, съ какою оно предлагается, хотя бы въ чемъ и не согласились со мною.

Мы живемъ въ бурное время, когда чувства, не только страсти, долго сдержанныя во всей почти Европѣ, воздѣйствовали, по закону упругости, съ сугубою силою. Игры вдаются мудренныя и крупныя: одинъ неосторожный или неудачный шагъ можетъ подвергнуть иногда опасности цѣлую фортуну. Никогда не было такъ важно правило: будьте мудры, яко змии, и цѣли, яко голуби. Мы, русскіе, услышали съ горестію о волненіяхъ, обнаружившихся въ Варшавѣ. Какое время выбрано для этихъ искусственныхъ волненій, называемыхъ, на западномъ языкѣ, демонстраціями? То время, когда общее намъ правительство, или, лучше, когда общій нашъ Государь, благодушнѣйшій изъ людей, только-что приводилъ къ концу, несмотря на многочисленныя затрудненія

(*) Это посланіе написано было тотчасъ до полученія въ Москвѣ первыхъ телеграммъ о безпокойствахъ варшавскихъ. Написавъ въ-попыхахъ, послѣ я сталъ думать—во первыхъ, пускать ли ее въ ходъ, чтобъ не оскорбить Поляковъ; во вторыхъ, какія найти средства для напечатанія. Вдругъ получаются изъ Царства извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ смятеніяхъ. Письмо мое, следовательно, опоздало и продолженіе моего деп-кишотства дѣлалось слишкомъ смѣшнымъ: въ такомъ шумѣ, при такомъ возбужденіи страстей, тихій, спокойный голосъ, кто разлышитъ? Я печатаю свою статью дома: пусть она останется, въ настоящія рѣшительныя минуты исторіи русской и польской, свидѣтельствомъ русскихъ неофициальныхъ чувствъ и мыслей.

Статья впрочемъ не была напечатана. Позд. примѣчаніе.

и препятствія, одно изъ величайшихъ либеральныхъ преобразований, которому вся Исторія не представляетъ подобнаго— освобожденіе 23 милліоновъ крѣпостныхъ русскихъ крестьянъ, количество, которое въ пять разъ превышаетъ число жителей царства Польскаго. Какъ же вы не разочли, чтозатакимъ громаднымъ преобразованіемъ непремѣнно должны послѣдовать другія, тѣсно и органически съ нимъ связанныя! Какъ же вы не разсудили, что ваша судьба почти столько жъ близка къ любвеобильному сердцу Государя, какъ и наша! Дожидавшись долго, почему не подождали еще мало? Судите сами, каково было Ему, среди несомнѣнныхъ размышленій, какъ дать Царству новыя учрежденія, согласныя съ требованіями времени и вашего развитія, можетъ-быть, отчасти уже и готовые, каково было Ему, особенно въ первую минуту, получить вашу жалобу, вслѣдъ за оскорбительными демонстраціями? Пусть всякій частный человекъ вообразить себя просто въ такомъ положеніи. Что я хочу дать, то у меня сиятся отнять, да еще съ угрозою; я ему другъ, а онъ предполагаетъ меня врагомъ, и самъ начинаетъ враждебныя дѣйствія противъ меня— я лишаюсь прекрасной миссіи своей. За что? Этого мало! Мнѣ дается противоположная, и мнѣ остается только выбирать между жестокостію и слабостію. Это тяжело! А противная сторона, сторона, которая во всей Европѣ силится остановить движеніе, сторона тьмы, имѣющая у насъ много особенныхъ качествъ, тутъ какъ тутъ! Разумѣется, она постарается все дурное увеличить, все растолковать криво, вездѣ наставить привидѣнія. Къ счастью вашему и нашему, доброе сердце подсказало Государю доброе слово, нашло *mezzo termine*: увлеченіе.

Да, вы увлеклись, братья, какъ увлекались часто. Но пора ужъ перестать увлекаться. Время молодости миновало, несчастья провели по лицу морщины. Опытовъ накопилось много, и самыхъ разнообразныхъ. Сколько терпѣніе, отличительное свойство русское, принесло пользы Россіи, столько нетерпѣливость, отличительное свойство Поляковъ, причинило вреда Польшѣ. Я очень сознаю, что прекрасное свойство терпѣнія имѣетъ нѣсколько принадлежностей, весьма

непохвальныхъ и отрицательныхъ, точно такъ, какъ съ вашимъ нетерпѣніемъ соединены многія блистательныя качества, но au bout du compte, дѣйствительность, исторія, практика, свидѣтельствуютъ въ нашу пользу. Разумѣется, многое можно сказать противъ, и съ большимъ эффектомъ, точно какъ и отвѣчать можно съ достаточнымъ основаніемъ; но не о томъ теперь должна быть рѣчь—ни о сравненіи, ни о правѣ, ни о преимуществѣ, а рѣчь должна быть о томъ, какъ въ данныхъ обстоятельствахъ, въ эту минуту, въ такомъ-то относителномъ положеніи Европы, Россіи и Польши, при такомъ-то русскомъ государѣ и польскомъ царѣ, поступать вамъ слѣдуетъ.

На Западъ, повторю въ десятый разъ, ни вамъ, ни намъ надѣяться нечего. Западъ, то-есть, по выраженію Нестора, Нѣмцы Французскіе, Англійскіе, Нѣмецкіе и прочіе, будутъ дѣйствовать, смотря потому, какъ найдутъ полезнѣе для себя, а не для насъ, не для Поляковъ, не для Славянъ: найдется выгоднымъ наше спокойствіе, они будутъ проповѣдывать достоинство мира въ парламентахъ, въ газетахъ, въ собраніяхъ; если понадобится имъ въ мутной водѣ рыбы половить, они взволнуютъ хоть море со дна. У нихъ есть своя логика, которую они употребляютъ по своему, которой блистательные примѣры они представили во время послѣдней Турецкой войны, и которую теперь, ни мало не смущаясь, выворачиваютъ на-изнанку. Лордъ Россель говоритъ, на примѣръ, торжественно, что Тосканцы, Романцы, Сицилійцы, имѣютъ полное право на независимость, а Греки на Іонійскихъ островахъ, Ирландцы, не смѣй и думать о сопротивленіи англійскому комиссару. Ламартины, Вильмены, Гизо, Берье, представители самыхъ противоположныхъ партій, восклицаютъ въ одинъ голосъ, что единство Италіи вредно Франціи, и потому надо ему препятствовать. Пруссія — либеральное государство, съ министерствомъ либеральнымъ, графъ Шверинъ — представитель лѣвой стороны въ либеральной палатѣ, и говоритъ безъ околичностей, что шесть сотъ тысячъ Нѣмцевъ въ Познани нельзя принести въ жертву семи ста тысячамъ Поляковъ. Я представилъ бы достопочтенному графу

слѣдующій вопросъ: бываетъ по сту, по двѣсти и по тысячѣ гостей въ домѣ у того или другаго хозяина, званыхъ и незваныхъ — что же? имѣютъ право эти гости давать приказанія хозяину и заставлятъ плясать его по своей дудочкѣ? Какъ бы отвѣтилъ на этотъ вопросъ либеральный Нѣмецъ? Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, говоритъ русская пословица. Нѣтъ, высшей политики, безпристрастной, безкорыстной, политики добра, человѣческаго права и любви, Западъ еще не понимаетъ, и самые высокіе его дѣятели политическіе до нея не доросли. Тамъ господствуетъ еще старая, обветшалаѣя метода. Какіе планы имѣеть, чѣмъ кончитъ свое дѣйствіе Лудовикъ-Наполеонъ — неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, начинать тридцатилѣтнюю войну въ обстоятельствахъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ — есть нелѣпность, какъ для насъ, такъ и для васъ. Лучше заключить тотчасъ Вестфальскій миръ. Плоды войны, какіе бы ни были, никогда не вознаграждаютъ жертвъ, которыхъ она потребуетъ.

Спорный, затруднительный вопросъ между нами, вопросъ, о которомъ мысль ставитъ даже русское большинство противъ желаній Польши, есть вопросъ о границахъ.

Мысль моя о границахъ прошла чрезъ разные фазы, начиная съ 1831 года, когда я написалъ первую статью объ отношеніяхъ Польши и Россіи. Я возвращался къ этому вопросу нѣсколько разъ. Въ послѣдній разъ пришло мнѣ въ голову слѣдующее предположеніе.

Представимъ себѣ, что Польша есть сильное, самостоятельное государство, цвѣтетъ и благоденствуетъ, владѣетъ и Силезіей, и Познанью, и Помераніемъ, и Галиціею, и Волыніей, и Подоліемъ, вплоть до Кіева и Смоленска, ну, хоть Кіевомъ и Смоленскомъ...

Что же мы, русскіе, достигнувъ до настоящей степени самосознанія, неужели мы оставили бы за вами все эти ваши завоеванія безпрекословно? Неужели мы покинули бы своихъ братьевъ, русскихъ, съ русскимъ языкомъ, съ русскою вѣрою, съ русскою кровію, стонать подъ чуждымъ игомъ? Нѣтъ,

мы схватились бы за оружіе во вторую минуту своего самосознанія, и освободили бы ихъ, во что бы то ни стало. Иначе мы были бы недостойны имени гражданъ или людей. Да, я, уже почти старикъ, человекъ мира, который терпѣть не можетъ никакого оружія и отъ роду не заряжалъ ружья, я отправился бы на войну и повелъ бы своихъ сыновей. И шестьдесятъ милліоновъ, вѣрно, сладили бы съ десятию, и достигли бы цѣли.

Ну, такъ какъ же вы хотите теперь, находясь въ обстоятельствахъ, противоположныхъ описанному, желать не только собственнаго освобожденія, но еще чуждаго завоеванія — мечтать не только о невозможномъ, но и о несправедливомъ? Вѣдь это *par-sens*. Вы, положимъ, наги, и хотите, чтобы вамъ не только отдали другіе ваше платье собственное, но еще, чтобы скинули свое, вами потерянное, бывшее когда-то въ вашихъ рукахъ, подвесли для разнообразія вашего гардероба, и сами остались *sans culotte*. Помилуйте, гдѣ вы такихъ дураковъ отыщете? Чужаго намъ не надо, а своего ни пяди, ни за что. Отдадимъ нашу тяжбу на чей угодно судъ, не только братскій, славянскій, но даже любой нѣмецкій. Объ этомъ толковать, слѣдовательно, нечего, и я увѣренъ, какъ бы ни спорили многіе, что здравомыслящая часть польскаго народа со мною соглашается.

Вмѣстѣ съ объясненнымъ предположеніемъ пришла мнѣ въ голову и другая мысль: на что намъ географическія границы? Лишь было бы хорошо вамъ и намъ! Больше желать нечего: это было бы глупо. Чѣмъ просторнѣе, тѣмъ лучше. Русскіе въ Польшѣ, Поляки въ Россіи, вилоть до Восточнаго Океана и Гиммалайскихъ горъ! Национальность выражается въ языкѣ, исторіи, литературѣ, пожалуй, въ религіи, въ именахъ, въ личностяхъ. На что границы для настоящаго времени? Будемъ считать вотъ какъ: въ IX столѣтіи Польша владѣла вотъ чѣмъ, въ XII Россія распространилась вотъ какъ, въ XV Польша явилась тамъ-то, а въ XIX мы разошлись вотъ тутъ-то. Никому необидно, и все въ точности по исторіи.

Польша и Россія — это сила, неборимая въ Европѣ! Ея-то и боятся всѣ друзья и недруги, овачи и наши!

Когда пришло въ Москву первое извѣстіе о смятеніи, происшедшемъ въ Варшавѣ, я думалъ, не принадлежитъ ли оно инстигаціямъ австрійскимъ, съ цѣлю возбудить Россію противъ Польши, и, слѣдовательно, противъ Венгріи, и, слѣдовательно, противъ всего европейскаго анти-австрійскаго движенія, связать судьбу Россіи съ судьбою Австріи, навести на одинакій образъ дѣйствій, и тѣмъ еще разъ найти себѣ спасеніе въ настоящемъ безвыходномъ положеніи?

Впрочемъ, и кромѣ Австріи найдутся въ Европѣ благопріятели, которые рады заварить какую угодно похлебку, изъ элементовъ, оставшихся отъ стряпни шекспировыхъ вѣдьмъ въ «Макбетѣ», лишь только чтобъ Россія могла ею отравиться.

Польша и Россія — неужели это звучитъ хуже, чѣмъ Польша и Саксонія, чѣмъ Польша и Пруссія, даже чѣмъ Польша одна?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Польша и Россія, порознь, теряютъ въ десять разъ своей силы, а Польша и Россія вмѣстѣ—сила ихъ удесятерится. Россія и Польша— вотъ къ чему должны обращаться все усилія порядочныхъ русскихъ и польскихъ людей.

Въ эту минуту, для этой цѣли, должны умолкнуть все частныя предубѣжденія, споры, толки. Возьмите примѣръ хоть съ самого Мадзини: онъ умолкъ и посылаетъ своихъ приверженцевъ и агентовъ становиться въ ряды Гарибальди, и содѣйствовать Виктору-Эммануилу, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ. Точно такъ Германія, пожалуй, будь единою, Италия, Греція, Славяне, подъ какою бы то ни было формою.

Какая же цѣль моего посланія?

Убѣдить васъ, сколько возможно, милые братья, чтобы вы удержали свои порывы, чтобы вы приняли положеніе спокойнаго, торжественнаго ожиданія, чтобы вы не подавали европейскимъ государствамъ повода лукаво указывать Россіи на Польшу, и предъявлять свои требованія, чтобы вы перестали связывать Россіи руки въ отношеніяхъ ея къ западнымъ европейскимъ государствамъ, и преимущественно къ несчастнымъ славянскимъ племенамъ, стонущимъ подъ игомъ Турціи и Австріи; вообще, чтобъ вы не мѣшали начатому ходу, не

запутывали бы и безъ того уже слишкомъ сложныхъ узловъ— однимъ словомъ, чтобы вы оказали полную довѣренность доброму сердцу Александра II-го.

Время сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Время есть такой революціонеръ, какому не отыщете подобнаго нигдѣ и никогда. Что было за 20, за 30, за 40 лѣтъ въ Европѣ, во Франціи, въ Австріи, въ Венгріи, въ Италиі, въ Россіи, и что стало теперь? Богъ говоритъ Ездръ: «еда исполнивши девять мѣсяцевъ своихъ, аще возмогутъ ложеца ея (жены) въ себѣ удержати плодъ?» Ездра отвѣчаетъ: «во-истину не могутъ, Господи».

Своими неумѣстными усиліями мы можемъ только портить, вредить, мѣшать свободному, спокойному, естественному развитію дѣла, какъ это вамъ въ рескриптѣ и замѣчено.

Не думайте, что спокойное ожиданіе унижительно, что стыдно принимать, а лучше, благороднѣе, славнѣе, вырывать изъ рукъ, а какъ не вырвется?

Иногда бездѣйствіе бываетъ лучше дѣйствія, точно-такъ, какъ въ молчаніи слышится часто громовое краснорѣчіе.

Мы живемъ не по днямъ, а по часамъ. Самая мысль переговариваться съ вами, которая пришла мнѣ теперь въ голову, а покойному Хомякову съ Сербами, есть уже совершенно новое явленіе; напечатать же ее, огласить, недавно еще никто и подумать бы не посмѣлъ.

Близкій къ Мицкевичу еще въ 1828 году, въ пріятельскихъ ученыхъ отношеніяхъ съ Лелеведемъ съ 1824 года, я прошу васъ принять мое слово съ любовью: я говорю какъ русскій, какъ славянинъ, какъ европеецъ. Если вы найдете здѣсь что-либо оскорбительнаго, простите, имѣя въ виду, что у меня не было никакого злостнаго намѣренія, точно какъ и нѣтъ никакого недоброжелательнаго чувства. Кстати, я повинюсь здѣсь въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, проскользнувшихъ съ умысломъ или безъ умысла, въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ, теперь за границею напечатанныхъ: вспомните и сообщайте, когда были писаны мои письма, могли ли они быть пущены въ свѣтъ иначе, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ я находился. Я частный человекъ, занимаюсь исторіею, слѣжу за ходомъ вещей какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ; многія

мои соображенія оправдались событія, какъми это яено доказываютъ напечатанныя за границею письма — вотъ что придаетъ мнѣ смѣлость; притомъ наше время, само по себѣ вызывая на размышленіе, вызываетъ и на сообщеніе своихъ мыслей: поэтому я и рѣшился написать это посланіе.

О, еслибъ намъ досталось сколько-нибудь вашей живости! О, еслибъ вамъ досталось сколько-нибудь нашего терпѣнія! Но судьба распредѣляетъ свои дары по собственному масштабу. Такъ будемъ помогать другъ-другу искренними совѣтами, будемъ дѣлиться другъ съ другомъ своими свойствами, будемъ любить другъ-друга, — Русскіе ужъ любятъ васъ, — а гдѣ любовь, тамъ и жизнь, и свобода, и счастье.

20-го марта, 1861 г.

Москва.

1. P. S. Слава Богу, слава Богу! Государь предалъ забвенію полученное огорченіе. Велѣдъ за рескриптомъ, въ которомъ выразилось въ первую минуту сознаніе оскорбленнаго достоинства, сдѣлано много важныхъ преобразованій, открыта дорога для будущихъ, предоставлено городовымъ совѣтамъ, или, выражусь по-старому, сеймикамъ, заняться разсужденіями о потребностяхъ края, смѣнено нѣсколько лицъ, возбуждившихъ жалобы, назначены новыя, пользующіяся довѣренностью народа. Мы рады безъ памяти: братья вѣрно удовольствуются прекрасными началами и убѣдятся, что Государь, послѣ освобожденія 23 милліоновъ русскихъ, именно считалъ первымъ своимъ долгомъ новое устройство Царства, какъ это и замѣчено въ циркулярѣ князя Горчакова.

2. P. S. Увы! видно наверху написано иначе. Поляки влекутся какою-то неодолимою силою... куда? Богъ одинъ знаетъ! Намъ, друзьямъ Поляковъ, какъ Славянъ, остается только скорбѣть, и скорбѣть.

Истинно, нельзя понять, чего хотятъ въ эту минуту Поляки, послѣ торжественныхъ изъясненій воли и намѣреній Государя Императора, какъ они соразмѣряютъ свои средства съ цѣлю, и какая у нихъ цѣль.

Европѣ мудро теперь вступаться за Поляковъ: у каждого

государства есть много дѣла у себя, и всѣ они готовы, на оборотъ, принести въ жертву Поляковъ въ двадцатый разъ, если только окажутся какія-либо отъ того для нихъ выгоды.

Или — представимъ себѣ Европу безпристрастною и безкорыстною: тогда почему ей вступаться прежде за Польшу, чѣмъ за Сербію, Болгарію, Грецію и проч. и проч.

Положимъ, что русское войско оставитъ Царство въ эту же минуту, и расположится на границахъ польскаго языка, предоставляя Поляковъ самимъ-себѣ. Что начали бъ они дѣлать? Думаютъ ли они, что Нѣмцы Австрійскіе и Прусскіе оставятъ ихъ въ покоѣ? И *suffrage universel* не упадетъ ли тотчасъ къ ногамъ Александра II, съ просьбою принять Царство опять подъ свое покровительство?

Мнѣ кажется, еслибъ даже объявить теперь въ Варшавѣ такое рѣшеніе, то большинство явилось бы на нашей сторонѣ.

Очень-жаль, что у насъ не печатаютъ никакихъ частныхъ извѣстій изъ Варшавы, и мы узнаемъ кое-какія подробности изъ иностранныхъ газетъ, а тамъ вездѣ свои виды. Офіціальныя извѣстія очень недостаточны. Характеръ ихъ — иной. Притомъ встрѣчаются между ними престранныя выраженія, вслѣдствіе плохаго знакомства съ русскимъ языкомъ, напримѣръ, въ послѣдней телеграммѣ сказано: «бой возобновлялся нѣсколько разъ.» Мы знаемъ бой Бородинскій, Лейпцигскій; но уличную схватку, или обмѣнъ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отъ коихъ упало десять человѣкъ — нельзя называть боемъ. Земледѣльческое Общество упразднено. Почему упраздненіе послѣдовало именно теперь, а не прежде или послѣ? Кому принадлежитъ первая мысль? Чего именно хотѣла манифестация? По какому поводу раздался первый выстрѣлъ? Войско, говорятъ, имѣло приказаніе оставаться покойно на мѣстахъ. Выходя на службу, оно держитъ себя самымъ скромнымъ образомъ, и подвергается всѣмъ возможнымъ оскорбленіямъ. Какъ же не подумаютъ Поляки, что они могутъ вывести людей самихъ по себѣ изъ терѣнія, и тогда что будетъ? Или они и имѣютъ это цѣлью? Цѣль, которой не одобритъ никакой благоразумный, истинный другъ отечества. Я слышалъ; въ одномъ письмѣ пишутъ, что съ верхняго

этажа, изъ вынудтой окончины брошень былъ на проходившихъ солдатъ огромный камень, коимъ убито двое или трое, и что въ это окно пущень былъ выстрѣль. Что это за дѣйствие?

Кромѣ частныхъ извѣстій о новыхъ событіяхъ, мнѣ кажется, вообще полезно было бы разрѣшить печати разсужденіе объ отношеніяхъ Россіи и Польши между собою. Поляки, особенно эмигранты, пишутъ увлекаясь и предубѣжденіями, и настоящими обстоятельствами, и распространяють въ Европѣ пристрастное мнѣніе, мечтають о какихъ-то миеическихъ границахъ — *audiat et altera pars*. Пусть позволяютъ намъ писать свободно и искренно. Русины, составляющіе главное народонаселеніе Галиціи, возвышаютъ уже свой голосъ. Малороссіяне, въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Кіевской, Гродненской, и проч. должны присоединиться къ ихъ хору. Бѣлоруссы также имѣють своихъ представителей. Въ самомъ Царствѣ Польскомъ, въ Августовскомъ и Люблинскомъ воеводствахъ, въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Венгріи—есть множество нашихъ братьевъ, русскихъ.

Мы будемъ отдавать наши писанья на судъ Чеховъ, Моравлянъ, Словаковъ, Сербовъ, Болгаровъ, Кроатовъ, и пусть братья предъ лицомъ всей Европы судять насъ съ Поляками, если они не хотятъ жить съ нами любовно, или разстаться полюбовно, если они не хотятъ слышать ничего, кромѣ чувствъ, увлекающихъ ихъ Богъ знаетъ куда. Наши писанія не будутъ обязывать правительство никакимъ образомъ: онѣ будутъ только выражать частныя мнѣнія, которыя и пусть принимаются къ свѣдѣнію Европейцами, Славянами, Поляками и Русскими. Что касается до меня, я все одинъ и тотъ же—за свободу, но и за правду. *

* Нынѣ мы пользуемся уже этою свободою, и разсуждаемъ о подобныхъ вопросахъ открыто.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТАТЬИ

О ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ПОЖАРАХЪ,

относительно Поляковъ.

Другіе слухи приписываютъ пожары иностранной революціонной пропагандѣ, Полякамъ; есть такіе, которые даютъ пожарамъ политическое значеніе, и примѣшиваютъ имя нашего стараго благопріятеля, лорда Пальмерстона, желающаго будто произвести у насъ возмущеніе. Какъ это ни странно, ни больно, ни горько, но все таки сносно, чѣмъ мысль объ участіи дѣтей, поднимающихъ руку на родную мать.

Пропагандистамъ и политикамъ можно бы сказать, что они не имѣютъ понятія о Россіи, и напрасно хлопочутъ о ея разореніи. «Россія», говаривалъ покойный старикъ Аксаковъ, «есть такой слонъ, которому чѣмъ глубже нанесешь рану, тѣмъ скорѣе заплываетъ она жиромъ». Частный вредъ, помѣстамъ, не можетъ произвести у насъ никакого общаго переворота. Хорошее, умное управленіе легко исправить бѣдствія, а дурное управленіе, само собою, безъ вѣшняго содѣйствія, причинить вреда больше всякаго пожара, съ придачей наводненія и моровой язвы. Такъ вы принимаете на себя лишній трудъ, и даромъ подвергаетесь опасности вздернуться на висѣлицу. Англичане, правда, не брезгливы въ средствахъ вредить друзьямъ и недругамъ, что доказали не однимъ бомбардированіемъ Копенгагена и разореніемъ Греціи; но все таки въ слухахъ объ ихъ участіи въ пожарахъ Петербургскихъ, смысла, кажется, еще менѣе, чѣмъ въ Англійскихъ слухахъ о нашихъ намѣреніяхъ бунтовать Индію.

Что касается до Поляковъ, то ихъ послѣднія нелѣпныя демонстраціи, смерть Герштенцвейга, убійство Ганскау, болѣзнь Ламберта, не считая кончины Горчакова, оскорбленія войска, непріязненные отношенія къ русскому населенію, даже и дѣтямъ, учащимся въ однѣхъ училищахъ съ ихъ дѣтьми, питають подозрѣніе, но, съ другой стороны, тяжело было бы думать истиннымъ друзьямъ Польши, что несчастные братья до сихъ поръ не образумились; такой образъ дѣйствіи, — такой путь, облитый кровью, — осѣщенный заревами, оглашенный воплями и стонами невинныхъ жертвъ, не приведетъ ихъ къ цѣли, а развѣ отдалитъ отъ нея, раздражитъ и возбудитъ Русскій народъ противъ Польши. Чѣмъ виноваты бѣдные ремесленники, промышленники и купцы въ дѣйствіяхъ, или отношеніяхъ правительства, положимъ противныхъ, хотя бы не безъ причины, для Поляковъ? Какая польза для Польской національности, для общаго дѣла, если сгорить въ Петербургѣ товаровъ на нѣсколько миліоновъ, или въ другихъ городахъ истребится хлѣбъ, выжгутся лѣса? Лишнія слезы, лишніе стоны, отравы жизни нѣсколькимъ семействамъ, вотъ и все! Блистательная, многообщающая перспектива для политическихъ зажигателей!....

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОСЪ.

Еще нѣсколько страницъ исторіи Русской и Польской обливаема кровію! Еще поколѣнія губить понапрасну таланты, силы, надежды! Братья! Братья! Долго ли вамъ злобиться, неистовствовать, терзать другъ друга на потѣху вашихъ исконныхъ враговъ! Пора, давно пора образумиться, рассмотреть свое относительное положеніе безпристрастно, хладнокровно, взвѣсить на вѣрныхъ вѣсахъ все обстоятельства, рго и сонга, и опредѣлить разъ на всегда возможно-успѣшный образъ дѣйствія, — а въ немъ не можетъ быть сомнѣнія!

Тяжело, горько было истиннымъ друзьямъ славянства узнать о новомъ безумномъ покушеніи произвести смятеніе въ Польшѣ!

И какими дикими, варварскими дѣйствіями сопровождается несчастная выходка! Поляки жгутъ по ночамъ живыхъ людей, колютъ сонныхъ солдатъ, грабятъ почты, таможни, путешественники подвергаются все́мъ возможнымъ и невозможнымъ наругательствамъ, за одно преступленіе — быть Русскими.

А Русскіе? Въ то самое время, когда кровь ихъ братьевъ проливается самымъ измѣнническимъ, безчеловѣчнымъ образомъ, когда имя русское предается въ Польшѣ позору, — *слушайте!* — изъ сотни тысячъ Поляковъ, живущихъ и служащихъ въ Россіи, ни одинъ не получилъ упрека, оскорбленія, огорченія, не только дѣломъ, но даже словомъ, взглядомъ, ни отъ одного Русскаго. Такъ ли это? правда ли это? спрашиваю я торжественно все́хъ Поляковъ, между нами живущихъ. Отвѣчайте же во всеуслышаніе, это ваша обязанность.

Или не думаемъ ли мы, что эти Поляки намъ сочувствуютъ и желаютъ добра? О, нѣтъ, мы увѣрены напротивъ, что всѣ они сочувствуютъ въ глубинѣ сердца своимъ соотечественникамъ, какъ бы тѣ ни были виноваты, и мы нисколько не осуждаемъ ихъ за сочувствіе, не жалуемся.

Вотъ за это легкое, доброе сердце, которое досталось на долю русскаго человѣка, преимущественно Великороссіянина (Малороссіянинъ въ этомъ отношеніи себѣ на умѣ), при всѣхъ его недостаткахъ и порокахъ, наслѣдственныхъ и злопріобрѣтенныхъ, вотъ за эту простоту Богъ насъ никогда, скажу по старому, и не оставитъ!

Если такое выраженіе сорветъ чью-нибудь легкомысленную улыбку, вслѣдствіе нынѣшняго повѣтрія, такъ я скажу иначе: въ нравственномъ мірѣ есть, долженъ быть, высшій законъ правды, безъ котораго нравственный міръ и существовать бы не могъ, какъ физическій безъ равновѣсія; вси вземлющіе ножъ ножемъ погибаютъ, свидѣтельствууетъ исторія; невинная кровь вопіетъ къ небу, по убѣжденію, выраженному въ пословицахъ всѣхъ народовъ.

Нѣтъ, никакая цѣль не можетъ оправдать, искупить подобныхъ злодѣяній, нѣтъ, онѣ не доведутъ, не могутъ довести, до добра!

Но не станемъ обвинять весь польскій народъ. Судя по всѣмъ обнаруженнымъ свѣдѣніямъ, это дѣло партіи иностранныхъ революціонеровъ, которые имѣютъ много другихъ цѣлей, кромѣ національныхъ. Они умѣли, несмотря на безвѣріе, привлечь на свою сторону мѣстныхъ ксензовъ, возбудивъ ихъ фанатизмъ. Хорошъ союзъ атеизма съ фанатизмомъ! Католическая церковь постоянно учитъ, что внѣ ея нѣтъ спасенія: отсюда Варооломеевская ночь, ужасы инквизиціи, кровавыя козни іезуитовъ и нынѣшнія событія въ Польшѣ, которымъ давно уже не было подобныхъ нигдѣ въ Европѣ. Престолюдины, въ надеждѣ спасенія, повинуются слѣпо фанатическимъ внушеніямъ, обещаніямъ и индულгенціямъ, молодежь увлекается блестящими призраками, мечтаніями, и несчастная страна дѣлается игрищемъ козней и

страстей, которыя подъ новымъ видомъ стремятся погубить ее окончательно.

Стоя за свободу и самоуправленіе Польши, когда никто не рѣшился у насъ выразить велухъ этихъ мыслей, я считаю себя въ правѣ подать теперь свой голосъ: буду говорить просто, безъ околичностей, и постараюсь вывести вопросъ на чистую воду. Отвлеченныя разсужденія не у мѣста и не ко времени.

Для яснѣйшаго обозрѣнія я раздѣлю польскій вопросъ на составныя его части, и о каждой предложу свое искреннее мнѣніе.

Главный предметъ спора у Поляковъ съ Русскими, или, лучше сказать, главную мечту Поляковъ, ибо для Русскихъ и вопроса не существуетъ, составляютъ западныя наши губерніи: Могилевская, Витебская, Минская (Бѣлоруссія), Виленская, Ковенская, Гродненская (Литва); Волынская, Подольская, Кіевская (Малороссія). Поляки называютъ ихъ забраннымъ краемъ, помня, что онъ принадлежалъ нѣсколько времени имъ, и забывая, что онъ *искони* принадлежалъ Россіи, и не только принадлежалъ, но составлялъ и составляетъ существенную, утробную часть Россіи, заселенный русскими людьми, говорящій русскимъ языкомъ, исповѣдующій русскую вѣру, и не имѣющій никакой исторіи, кромѣ русской.

Европейцы, въ особенности Англичане и Французы, до сихъ поръ, ко стыду своему, не имѣютъ почти никакого понятія о нашей исторіи, и повторяютъ не краснѣя всякую безмыслицу, выдуманную партіями. Крайніе Поляки пишутъ, на примѣръ, что Россія не существуетъ, что Россіи нѣтъ, *peut Rusi*, и что русскій языкъ не есть Славянскій языкъ! «Россіи нѣтъ,» вѣдь такое восклицаніе оставляетъ далеко за собою и знаменитый стихъ нашего Крылова о Любопытномъ, который въ музеѣ внимательно разсмотрѣлъ и описалъ всѣхъ мушекъ и букашекъ, а «слона-то и не примѣтилъ!» Кажется, довольно бы для Европейцевъ этихъ результатовъ, до которыхъ довели Поляковъ ихъ изслѣдованія, чтобъ отвергнуть

съ состраданіемъ, если не съ презрѣніемъ, весь процессъ ихъ критико-исторической работы надъ спорнымъ вопросомъ, вмѣстѣ съ ея основаніями. Но видно нѣтъ нелѣпости, которая не нашла бы себѣ послѣдователей, особенно, если она служить къ обвиненію Россіи, которая все еще составляетъ какое-то бѣльмо на глазу у Европы, — жаль, что не типунъ на языкѣ.

Поставимъ вопросъ самымъ положительнымъ образомъ.

Сколько считается жителей въ девяти западныхъ Русскихъ губерніяхъ?

Около десяти милліоновъ.

Сколько между нами Поляковъ?

Одинъ милліонъ.

Кто составляетъ большинство, по происхожденію и по языку?

Русскіе. Они составляютъ не только большинство, но и огромное $\frac{5}{6}$, Русскихъ (въ восточной части пропорціи еще выше), $\frac{1}{6}$ Поляковъ.

Евреевъ даже вездѣ больше, чѣмъ Поляковъ.

Въ такой же почти соразмѣрности находится населеніе между собою и по *вероисповданію*: православныхъ Русскихъ слишкомъ 6 милліоновъ, Поляковъ католиковъ меньше милліона.

Русскіе — крестьяне, исконные туземцы, старожилы, аборигены; Поляки — горожане, пришельцы, и даже не завоеватели, а находники, вслѣдствіе позднѣйшаго соединенія Литвы съ Польшею, о коемъ ниже.

Я говорю, туземцы, старожилы: разверните любую лѣтопись русскую, отъ основанія Русскаго государства въ 862 году, вплоть до нашествія Татаръ, въ продолженіи первыхъ четырехъ сотъ лѣтъ Русской исторіи, и на всякой страницѣ найдете вы, вмѣстѣ съ Новымъ-Городомъ, и Кіевомъ, Полоцкъ, Витебскъ, Гродно, Брестъ, Владимиръ Волынской, Пинскъ, Перемышль, Галичъ, Минскъ, Туровъ, Каменецъ, Нуръ, Дрогичинъ, Слуцкъ, Чарторискъ, Дубно, Мозырь, Друцкъ, Оршу и проч. и проч.

А встрѣчаются ли эти имена въ памятникахъ польскихъ? Ни одного, нигдѣ.

Страна чисто русская, Поляковъ живетъ здѣсь очень мало, и то по городамъ, между помѣщиками; но не составляютъ ли эти различныя, несоразмѣрныя между собою народности, по крайней мѣрѣ, *правственнаго единства*, духовнаго цѣлаго?

Нѣтъ, они питаютъ одни къ другимъ злобу наследственную, закоренѣлую. — Вся жизнь, всѣ преданія, пѣсни, пословицы, поговорки, отзываются взаимною ненавистью, взаимнымъ презрѣніемъ, и представляютъ совершенную противоположность между собою, въ однѣхъ мѣстностяхъ рѣзче, въ другихъ слабѣе. На всѣхъ страницахъ исторіи лежитъ эта печать вражды непримиримой.

Нынѣшнія распри Русиновъ съ Поляками въ Галиціи, извѣстныя по всѣмъ газетамъ, достаточно свидѣлствуютъ о чувствахъ малороссійскаго населенія къ своимъ вѣковымъ угнетателямъ!

И если въ послѣднее время западный край утихнулъ, то это только, благодаря усиліямъ русскаго правительства: безъ его дѣятельнаго покровительства, безъ его постоянной защиты, духу давно не осталось бы польскаго ни на Волыни, ни въ Подоліи, ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Кіевской губерніи. Польскіе помѣщики не чувствуютъ, что жизнь ихъ была спасена въ 1812 году послѣ французскаго нашествія, въ 1831 году послѣ революціи Варшавской, въ 1846 году во время галицкой рѣзни, въ 1854 году во время Крымской войны, и даже теперь русскія войска ходятъ изъ стороны въ сторону, отъ одного польскаго помѣщика къ другому, для усмиренія по ихъ просьбамъ русскихъ крестьянъ, выводимыхъ изъ терпѣнія ихъ притѣвленіями. (Повѣрятъ ли въ Европѣ, поймутъ ли, какъ это можетъ быть, чтобы во время польскаго мятежа, когда льется потоками русская кровь, мы защищали грудью своихъ зложелателей и лиходѣевъ, а это такъ! *

* Для противоположности не угодно ли прочесть нѣмецкій манифестъ, напечатанный въ послѣднихъ газетахъ, какъ поступать должно въ Познани съ Поляками для охраненія нѣмецкихъ интересовъ, а Нѣмцы тамъ пришельцы, какъ Поляки у насъ. О если бы мы охраняли такъ русскіе интересы, законные, какъ Цѣмцы охраняютъ свои незаконныя! И Поляки молчатъ!

Но надо согласиться, возражаютъ противники, что польскому меньшинству въ девяти западныхъ губерніяхъ принадлежитъ *образованіе*, развитіе, просвѣщеніе, что въ немъ нравственная сила страны?

Я совершенно согласенъ, что Полякамъ принадлежитъ тамъ образованіе и развитіе, но развѣ онѣмеченные венгерскіе магнаты составляютъ Венгрію? Венгрія отъ нихъ отказывается! Развѣ Шварценберги, Валленштейны, Лобковичи, представляютъ собою Богемію? Богемія представляетъ права свои на самобытность безъ ихъ участія.

Западные русскія губерніи, точно какъ и Галиція, вошютъ теперь о своей русской народности, и не хотятъ имѣть ничего общаго съ Поляками, давшими имъ себя знать во время своего безспорнаго владычества.

Поляки, презирая ихъ языкъ, ихъ вѣру, ихъ обычаи, смотря на нихъ, какъ на своихъ илотовъ, питаюсь ихъ потомъ и кровью, посредствомъ своихъ экономовъ и арендаторовъ, преимущественно изъ Евреевъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, привели ихъ почти въ скотское состояніе, напримѣръ, въ Бѣлоруссіи. Не угодно ли европейскимъ путешественникамъ, особенно англійскимъ туристамъ, или принцу Наполеону, проѣхать по Витебской, Могилевской, Минской губерніямъ, гдѣ съ солью ѣдятъ только по воскресеньямъ? Пусть они полюбуются. Какое же нравственное право имѣютъ Поляки въ краю, для котораго они не сдѣлали ничего, кромѣ зла и вреда?

Скажу еще вотъ что: еслибы теперь Польша находилась на верху своего могущества, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и владѣла кромѣ своей Познани и Силезіи, восточной и западной Пруссіи, Кіевомъ, Смоленскомъ, Черниговомъ, Волынію, Подоліей и Бѣлоруссіей, а Россія, а Москва, только что начинала бѣ входить въ силу, только что начинала бы сознать свое призваніе, спрашиваю я кого угодно изъ европейцевъ, имѣли ль бы мы право искать нашего Кіева, Смоленска, Чернигова, Полоцка, Минска, Бреста? Имѣли ли бы мы не только право, но и обязанность стараться объ освобожденіи своихъ братьевъ, единоплеменниковъ, единовѣрцевъ,

изъ-подъ чужаго ига? Кто можетъ сказать слово противъ? И не во имя ли этого права Поляки ищутъ своей независимости, только нарушая его въ то же самое время относительно своихъ бывшихъ русскихъ подданныхъ?

Если же мы имѣли бы право на такой образъ дѣйствій при первой возможности, то какъ можно хотѣть, чтобъ теперь, возвративъ кровію собственное свое достояніе, мы отказались отъ него добровольно; чтобъ мы, покоривъ нѣсколько разъ самую Польшу, реставрировали ее со всѣми владѣніями, не только ея собственными, но и нашими родными, временно и случайно ей когда-то попадавшими во власть?

Мы подаримъ вамъ, положимъ, свободу, въ знакъ благодарности за ваши любезности и одолженія, да какъ же вы хотите, чтобъ въ придачу мы дали вамъ въ неволю *часть самихъ себя*, принесли своихъ братій на жертву вашихъ фантазій? Мало вы потѣшались надъ ними!

Вы наги (позвольте вамъ сказать: на брань слово купится), и хотите, чтобъ мы вамъ отдали ваше платье, вами потерянное, — да этого мало, — вы хотите, чтобъ мы скинули свое собственное, бывшее когда-то въ вашихъ рукахъ, и поднесли вамъ для разнообразія вашего гардероба: помилуйте, гдѣ такихъ дураковъ, такихъ подлецовъ, отыскать можно?

Вѣдь это *business*, къ которому способны только вы въ своемъ ослѣпленіи, а европейцы въ своемъ невѣжествѣ.

Если опираться на завоеваніе и на право завоеванія, то вамъ нечего теперь толковать о независимости: вы завоеваны, такъ и молчите. А вы завоеванные кричите, и хотите заставить насъ завоевателей молчать и отдать вамъ съ поклономъ старыя ваши завоеванія или завладѣнія, вами потерянные: есть ли тутъ человѣческой смыслъ?

Императоръ Александръ I думалъ возстановить древнюю Польшу; мы не знаемъ, впрочемъ, обстоятельно, на какихъ основаніяхъ, въ какихъ предѣлахъ, но Карамзинъ, вѣчная ему честь и слава! сказалъ Государю рѣшительно, что онъ, хоть и самодержецъ, не имѣетъ никакого права уступать ни одной русской избы.

Со времени спора Карамзина съ И. Александромъ прошло пятьдесятъ лѣтъ: Русскіе познакомились ближе съ своей исторіей, благодаря его же безсмертному труду, чувство самознания утвердилось и распространилось между нами, и если съ одной стороны найдется теперь болѣе людей, готовыхъ согласиться на самоуправленіе, если не на самостоятельность Польши, то найдется еще болѣе такихъ, которые готовы защищать цѣлость Россіи *unguibus et rostris*, смѣлѣе и настойчивѣе, предъ кѣмъ бы то ни было.

Не говорю уже о населеніи девяти губерній, для которыхъ извѣстіе о соединеніи съ Польшей равнялось бы осужденію на смертную казнь, и послужило бь сигналомъ ко всеобщему возстанію и рѣзнѣ, пояростнѣе галицкой.

Пусть же Поляки выкинутъ изъ головы эту несчастную, не мысль, а мечту, которая заставляетъ ихъ *ошибаться страшно въ своихъ разсчетахъ*, приводитъ всѣхъ русскихъ въ негодованіе, возбуждаетъ противъ Поляковъ все образованное большинство и мѣшаетъ соединиться въ мирѣ и любви. Здѣсь Поляки имѣютъ противъ себя не того или другаго государя, не того или другаго министра, не правительство, а все туземное населеніе и весь Русскій народъ.

Итакъ, о Волини, о Подоли, о Бѣлоруссіи, о Кіевской губерніи толковать нечего. А Литва? Многіе смѣшиваютъ, даже у насъ, Литву съ Польшею. Разсмотримъ ихъ отношенія, и вмѣстѣ отношенія Литвы и Россіи.

Прежде всего скажемъ, что этому имени (Литва) дается смыслъ въ иностранной журналистикѣ совѣмъ не тотъ, который оно имѣть должно.

Литвою называлось собственно малое племя латышскаго народа, который другими своими племенами или отраслями Занимаетъ еще Курляндскую губернію въ Россіи, восточную Пруссію въ королевствѣ Прусскомъ и часть Августовской губерніи въ Царствѣ Польскомъ.

Латыши, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Европы, совершенно отличаются какъ отъ славянскихъ, такъ и отъ романскихъ и нѣмецкихъ племенъ. Изъ славянскихъ племенъ, они столь же далеки отъ польскаго, какъ отъ велико-

россійскаго, малороссійскаго и бѣлорусскаго. Это совершенно особое племя.

Сколько же теперь есть Литвы въ Литовскихъ, такъ называемыхъ у насъ, губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской?

Всего на все 750 тысячъ. А другіе утверждаютъ, что гораздо менѣе: около полумилліона. Это Жмудь, живущая преимущественно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Ковенской и отчасти Виленской губерніи.

А прочіихъ Латышей въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ и въ Восточной Пруссіи милліонъ.

Какъ между нашими Латышами или Литовцами господствуютъ Поляки, такъ между прусскими, а равно и въ Курляндіи, Нѣмцы.

Слѣдовательно, Поляки къ Литвѣ, собственно такъ называемой, относятся почти также, какъ и къ Малороссіи, къ Бѣлороссіи: это чуждые пришельцы.

Чѣмъ же больше права имѣетъ Польша на Литву, нежели Россія?

Спрашивать Польшу эту Литву къ себѣ еще меньше основанія, нежели спрашивать у насъ Курляндскую губернію, или у Прусаковъ Восточную Пруссію, которыя принадлежали къ ней гораздо прежде и законнѣе.

Ужъ если судить строго, то Латыши сами по себѣ могли бы искать самостоятельности и независимости отъ Россіи, Пруссіи и Польши, какъ Ливь, Корсь, но они слишкомъ малочисленны, и не могутъ предъявлять своего права ни предъ Русскими, ни предъ Нѣмцами, ни предъ Поляками, и по закону историческому должны покориться судьбѣ.

Какъ бы то ни было, этого ничтожнаго уголка, среди чистыхъ русскихъ владѣній, Россія уступить воображаемой Польшѣ не можетъ, еслибъ и хотѣла, по причинамъ другаго рода.

Вильно и Ковно считаются, въ стратегическомъ отношеніи, главными пунктами опоры, для владѣнія, охраненія, и управленія всеѣмъ западнымъ краемъ, по соображеніямъ

самого Мирославскаго: какъ же можно требовать, чтобы мы подняли на себя сами руку! И если Франція считаетъ для себя необходимымъ по одинаковымъ причинамъ приобрести италянскую Ниццу, родину Гарибальди, и никакъ не думаетъ отказаться отъ нѣмецкаго Альзаса, а напротивъ, желаетъ добраться до Рейна; если лордъ Пальмерстонъ публично смѣется надъ мыслию уступить испанскій Гибралтаръ и италянскую Мальту, то какими донъ-Кихотами должны быть господа, разсуждающіе съ важностію о законности русскаго права на Литву, то-есть на нѣсколько уѣздовъ Виленской и Ковенской губерній!

Государства имѣютъ свои права, отъ коихъ даже отказываться не могутъ, свои необходимости, коимъ должны повиноваться, свои условія существованія, благосостоянія и безопасности.

Да и захотѣли ль бы сами Литовцы, то-есть Латыши, то-есть Жмудь, присоединиться лучше къ Польшѣ, чѣмъ остаться съ Россіей?

Литвины ополяченные принадлежатъ, безъ сомнѣнія, Польшѣ, и ихъ образованіе принадлежитъ къ польскому образованію.

Вотъ о Литвѣ, касательно ея настоящихъ отношеній къ Россіи, географическихъ и политическихъ. Но этому племени суждено было нѣсколько времени играть важную роль въ судьбахъ Россіи, покорить значительную ея часть и присоединить ее на время къ Польшѣ. Мы обозримъ здѣсь кстати эпизодъ литовскихъ князей, чтобъ выразумѣть яснѣе сущность дѣла.

Въ древности, живя по дремучимъ лѣсамъ въ сѣверо-западномъ углу русскихъ владѣній, Литва платила дань сосѣднимъ князьямъ, лыками и вѣниками, по свидѣтельству собственныхъ своихъ лѣтописателей. Въ послѣдствіи, научась войнѣ у Русскихъ, Литовцы начали набѣгать на ихъ владѣнія и безпрестанно то мирились, то воевали съ Псковомъ, Новымъ-Городомъ, Полоцкомъ, почти не зная Польши. Послѣ Татаръ началось у Литовцевъ сношеніе съ Галичемъ. Воицелгъ, сынъ перваго знаменитаго ихъ князя Миндовга, предо-

ставиль было по завѣщанію литовскій престоль меньшому сыну Галицкаго Данила, Шварну.

Галичъ нѣсколько времени господствовалъ надъ Литвою, владѣя вмѣстѣ юго-западною частію нынѣшней Польши, гдѣ еще нашъ знаменитый Даниилъ построилъ городъ Хельмъ.

Родъ Данииловъ пресѣкъся въ 14 столѣтіи, и его владѣнія въ Галичѣ по женскому колѣну достались Казимиру, королю Польскому.

Въ Литвѣ около того же времени возвысился славный Гедиминъ, а на Руси Иванъ Калита.

Гедиминъ жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной, Калита въ Москвѣ.

Эти два города сдѣлались столицами двухъ государствъ, или, лучше двухъ половинъ, на кои, послѣ Татаръ, раздѣлилась Русь: западную или литовскую, восточную или московскую. Первая взяла сначала верхъ.

Гедиминъ покорилъ мало по малу всю западную часть нынѣшней Россіи, опустошенную Татарами, съ Кіевомъ включительно.

Преемники его, сынъ Олгердъ и племянникъ Витовтъ, сынъ Кестутія, распространили его завоеванія на востокъ, и овладѣли всею Русскою страню до Угры, въ нынѣшней Калужской и Тульской губ., имѣли виды даже на Новгородъ, Псковъ и самую Москву, едва отъ нихъ уцѣлѣвшую.

Впрочемъ, всѣ литовскіе князья слыли только по имени не русскими. Они были женаты большею частію на русскихъ княжнахъ и исповѣдывали русскую православную вѣру, употребляли русскій языкъ во всѣхъ грамотахъ и законахъ. Съ литовскими князьями перемѣнилась только династія въ западной Россіи: мѣсто древнихъ норманскихъ князей Владимірова и Ярославова племени заняли князья литовскіе, которые точно также обрусѣли, какъ ославянились первые.

Туземное населеніе — Бѣлоруссы, или Кривичи, и Малороссіяне, остались съ своею вѣрою, языкомъ, обычаями и законами, которые послѣ были записаны по-русски и стали извѣстны подъ именемъ Литовскаго статута. Съ поляками

Литовскіе князья были въ постоянной враждѣ, еще болѣе чѣмъ съ нами.

Періодъ владычества литовско-русскихъ князей продолжался не болѣе ста лѣтъ (Витовтъ ум. 1430).

Наслѣдство ихъ раздѣлилось между двумя сосѣдними государствами, Польшей и Москвой. Восточная половина Литовской Руси отошла къ Москвѣ, а западная (вотъ эти девять вождедѣнныхъ губерній) къ Польшѣ.

Поговоримъ сначала о послѣдней.

Ягайло, сынъ Олгерда Литовскаго, внукъ Гедиминовъ, женился (1386) на наслѣдницѣ польскихъ Пястовъ Ядвига, принявъ католическую вѣру, крестилъ Литовцевъ и подалъ первый поводъ къ соединенію Польши и Литовской Руси.

Литовская Русь соединилась съ Польшею на равныхъ правахъ, съ отдѣльнымъ управленіемъ и судомъ, съ неприкосновенностью русскаго языка и православнаго вѣроисповѣданія.

Поляки считались чужеземцами, и противъ слиянія двухъ народностей принимаемы были сначала всевозможныя мѣры. Поляки не имѣли права занимать никакихъ должностей государственныхъ въ Литвѣ, ни владѣть поземельной собственностью. Жители называли себя народомъ русскимъ; народомъ русскимъ называли ихъ и сами Поляки. Русскій элементъ, несмотря на политическое подчиненіе Польшѣ, сохранялся живо и боролся безпрестанно съ пришлымъ элементомъ польскимъ, особенно въ юго-западной части, т. е. Малороссіи, включая сюда Волынь и Подолію. Всѣ лѣтописи, польскія и русскія, исполнены описаній объ этой ожесточенной борьбѣ.

Нѣкоторые дворяне, вслѣдствіе особыхъ козней іезуитскихъ, начали принимать мало по малу польскіе обычаи, наконецъ самую вѣру, и совершенно ополячились, чтобъ уравниваться съ польскою шляхтою, которая безпрестанно набѣжала изъ Польши, и получала себѣ во владѣніе русскія земли на помѣстномъ правѣ.

Въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ, почти чрезъ 200 лѣтъ послѣ перваго соединенія Литвы съ Польшею, Волынь и Украина были отдѣлены отъ Литвы, и причислены къ

составу польскаго королевства, но неприкосновенность русскаго языка и православнаго вѣроисповѣданія были снова подтверждены.

Впрочемъ съ одной стороны жалобы и возстанія, съ другой притѣсненія, не прерывались. Съ XVII столѣтія преимущественно польскій и католическій элементы, благодаря ревностнымъ усиліямъ іезуитовъ, утвердились, подъ покровомъ правительства. Но не задолго еще до перваго раздѣла Польши, знаменитый Могилевскій епископъ, Георгій Конисскій, произнесъ на варшавскомъ сеймѣ горячую рѣчь о злоупотребленіяхъ Польскаго управленія.

Такъ шли дѣла западной, литовской Руси, со стороны Польши.

Москва со времянь великаго князя Ивана III Васильевича явилась ей соперницею, относительно литовскаго наслѣдства.

Пользуясь гоненіемъ за вѣру, она привлекла къ себѣ всѣхъ русскихъ князей-данниковъ и подручниковъ Литвы по восточному краю ея владѣній, Оболенскихъ, Трубецкихъ, Мосальскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ и прочихъ. Это было въ концѣ XV столѣтія, въ XVI она возвратила себѣ Смоленскъ, а въ XVII Малороссія, по ея сторону Днѣпра, выведенная изъ терпѣнія неистовствами польскими и іезуитскими, подчинилась Москвѣ, подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, вмѣстѣ съ Кіевомъ. Наконецъ, въ XVIII столѣтіи, И. Екатерина II, вслѣдствіе совершеннаго разстройства Польши, сдѣлавшейся вмѣстѣ и гнѣздилищемъ всѣхъ враждебныхъ для Россіи предиріятій европейскихъ, воспользовалась случаемъ возвратитъ почти всѣ остальные польскія завоеванія, при такъ называемыхъ трехъ раздѣлахъ Польши, по мысли Прусскаго Короля Фридриха Великаго, въ 1773, 1793 и 1795 годахъ.

И. Екатеринѣ не слѣдовало бы, какъ намъ кажется теперь, соглашаться съ Пруссіей и Австріей на раздѣлъ, что, говорятъ, и совѣтовалъ Панинъ, а взять только себѣ русскія области, гарантируя Польшѣ прочія ея коренныя владѣнія, т. е. цѣлость Польскаго королевства, въ предѣлахъ польскаго языка. Но согласились ли бы на то Поляки, поняли ль бы они

тогда справедливость, необходимость и пользу такого законнаго предложенія, котораго не понимают до сихъ поръ? А съ другой стороны, прусаки и австрійцы какъ посмотрѣли бы на такое распоряженіе? Сюзники имъ были готовы въ Европѣ. Нѣтъ—такова, видно, была судьба Польши, предсказанная, впрочемъ, королемъ польскимъ, Іоанномъ Казимиромъ, на варшавскомъ сеймѣ, еще въ 1661 году.

Я сказалъ, что И. Екатерина возвратила почти все русскія владѣнія, что же еще осталось нашего въ чужихъ рукахъ?

Важнѣйшая часть Малороссіи, древнее знаменитое княжество Галицкое, съ принадлежавшей къ нему частью нынѣшней Люблинской губерніи, населенною тѣмъ же русскимъ племенемъ.

Возвращенный, а не забранный край, въ эпоху своего возвращенія находился въ томъ же положеніи, относительно сельскаго населенія, въ какомъ былъ отторгнутъ, въ какомъ находится и теперь. Тѣ же русскіе люди здѣсь живутъ, тѣмъ же русскимъ языкомъ говорятъ, ту же православную вѣру исповѣдуютъ, какъ ихъ соотечественники въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, и пр. Только дворянство, повторяемъ, отчасти ополячилось и приняло католическую вѣру. Оно восполнилось еще польскими выходцами, которые расселились и по городамъ, что разсмотрѣно нами выше.

Намъ остается теперь разсмотрѣть положеніе и отношенія Царства Польскаго, собственно такъ называемаго.

Царство Польское начинаетъ возстаніе, которому предшествовали многія демонстраціи и попытки, въ продолженіи двухъ лѣтъ. Храня глубокое, знаменательное молчаніе о Познани и Силезіи, восточной и западной Пруссіи, находящихся въ рукахъ Пруссаковъ, о польской Галиціи и даже Краковѣ, колыбели польской, еще недавно вольной, принадлежащихъ Австрійцамъ, Поляки возстаютъ на Россію. Чего они хотятъ?

Независимости, самостоятельности?

Съ Богомъ! Неужели думаютъ Поляки, что мы этого сами не желаемъ?

Но подумали ль они, что будутъ дѣлать съ своею независимостью и самостоятельностью?

Вѣдь Русской земли, съ 10 милліонами жителей, въ западныхъ губерніяхъ, на которую вы больше всего рассчитываете, безъ которой вамъ и дѣлать нечего, безъ которой вы не можете имѣть никакого политическаго значенія, вѣдь Русской земли, сказано, не можемъ мы уступить, не должны уступить: это было-бы *раздѣломъ России* вмѣсто раздѣла Польши! Мы потребуемъ еще себѣ часть Люблинской и Августовской губерніи, заселенную нашимъ русскимъ племенемъ. Мы не требовали ее до сихъ поръ, потому что оставались подъ одною державою съ Польшею, а разлученные мы будемъ говорить иначе.

И къ какимъ средствамъ вы прибѣгаете? Колотъ сонныхъ, жечь живыхъ, грабить, предательствовать? Вы иначе не можете успѣть? Такъ слабы же ваши силы и плохи ваши средства, если вы надѣетесь успѣть только измѣною, обманомъ, вѣроломствомъ.

Ну, а зачѣмъ вы грабите, безчестите, наругаетесь: вы мстите? Кому же мстите? Эти несчастные солдаты и чиновники что вамъ сдѣлали? Мало они терпѣли отъ васъ? Ихъ терпѣнію не бывало ничего подобнаго. Если бъ вы были на ихъ мѣстѣ, какъ бы вы поступали?

Наказать васъ за ваши злодѣйства мы можемъ легко. Какъ вы рѣжете и колете насъ, такъ мы имѣемъ полное право жечь и колотъ васъ, не прибѣгая даже къ измѣнѣ, не сонныхъ, не безоружныхъ, а встрѣчая въ открытомъ бою. Политика государствъ слѣдуетъ ветхому завѣту: око за око, и зубъ за зубъ.—Но оборони насъ Боже воспользоваться такимъ ужаснымъ, хотя и законнымъ, правомъ, и поступать по вашимъ образцамъ! Пускай оно остается за вами за одними, по ученію вашихъ ксендзовъ, такъ понимающихъ христіанскую религію, религію любви, мира и терпѣнія. *)

Но есть еще наказаніе—построже этой временной казни: отдать Царство Польское Прусакамъ и Австрійцамъ: нѣмцы

*) Поляки награждаютъ и прославляютъ убійць, а у насъ, мы читаемъ въ газетахъ, жители чуть выдугъ изъ терпѣнія, и нарушать законы умѣренности и снисходительности, предаются военному суду, лишаются начальства, увольняются отъ службы. Русскіе солдаты, въ западныхъ губерніяхъ, ходятъ безпрестанно спасать польскихъ, помещиковъ и помогать имъ противъ русскихъ крестьянъ!!

рады будутъ пососать славянской крови! Прусакамъ и Австрійцамъ нельзя будетъ отказаться отъ этого роковаго дара, потому что, отказываясь, они подвергаются опасности потерять свои земли, слишкомъ для нихъ дорогія, съ которыми имъ тяжело разставаться. Что вы думаете: Прусаки въ Варшавѣ, какъ, Австрійцы въ Краковѣ, будутъ церемониться съ вами по нашему?

Наконецъ, есть еще наказаніе — уйти отъ васъ и предоставить васъ себѣ самимъ, ставъ во всеоружіи на берегахъ Нѣмана и Буга, въ числѣ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ.

Думали ль объ этомъ Поляки? думалиль, что наконецъ мѣра терпѣнія, даже русскаго, исполнится, и мы рѣшимся на одну изъ этихъ мѣръ, отъ которыхъ не поздоровится Польшѣ? Довольно получать намъ всѣ эти оскорбленія, терпѣть клеветы, приносить жертвы. И на что намъ Польша? Какую пользу она приноситъ намъ, кромѣ предлога Европейцамъ къ обвиненіямъ, кромѣ ежегоднаго пожертвованія людьми и деньгами, кромѣ нескончаемыхъ заботъ?

Если мы не оставляли ея до сихъ поръ, такъ это повинувась какому-то таинственному року, отдавшему намъ ее въ руки, или подчиняясь безсознательно нашимъ врагамъ, приложившимъ къ намъ съ умыслу эту рану, эту уязвимую *плтку*, въ благодарность за освобожденіе Европы отъ ига Наполеонова.

Вы независимы, вы самостоятельны — что же вы будете дѣлать, еслибъ даже Прусаки, Австрійцы и вообще Нѣмцы, оставили васъ въ покоѣ, хотя это невозможно для нихъ въ видахъ собственной безопасности? Вы начнете спорить между собою, какъ спорили прежде, какъ спорите теперь въ Парижѣ, Лондонѣ, въ Швейцаріи, въ Америкѣ, въ лагерѣ инсургентовъ; а предметовъ для спора накопилось гибель: социализмъ и аристократическое начало, безвѣріе и католицизмъ, республика и монархія, союзъ французскій или англійскій, — вы съумѣете найти и еще много!

Что же послѣдуетъ? Вы подчинитесь вліянію иностранцевъ, будете принуждены просить себѣ на престолъ кобургскаго принца, если таковой за расходами останется, и согласится

сѣсть на вашъ престоль, болѣе греческаго шаткѣй. Разсудительнѣйшая партія укажетъ на покровительство Россіи, на раста *conventa* съ нею, какія были у Литвы съ Польшою, у Малороссіи съ Великороссіей.

Такъ не лучше ли начать съ этого?

Да, только соединенная съ Россіей Польша можетъ надѣяться на что-нибудь высшее и лучшее, это единственный для нея полезный и возможный, почетный образъ особаго существованія, реставраціи. Такъ судила географія, исторія, судьба, народный характеръ, настоящія обстоятельства.

Но русское правительство слѣдовало противной системѣ, управляло стѣснительно для народнаго развитія, оскорбительно для народнаго самолюбія. Оно само сдѣлалось противно Польшѣ. Никакихъ милостей отъ него Польша принимать не хочетъ...

Положимъ такъ. Не станемъ спорить, оправдываться, но теперь, теперь получаетъ Польша со всякимъ днемъ новыя права, точно какъ со всякимъ днемъ получаютъ новыя права и Русскіе; жить вамъ и намъ становится легче и легче, всякія уставныя грамоты приближаются къ вамъ и къ намъ быстрыми шагами. Поляки не могли получить ихъ прежде, нежели могли получить ихъ Русскіе.

Вотъ чего и испугались революціонеры, съ своими особыми видами, коммуническими, социальными и прочими; они испугались *законной св. боды*, которою уничтожаются всякія революціи въ своемъ корнѣ, — и положили начать смятеніе.

Рѣшимость Великаго Князя Константина Николаевича принять званіе намѣстника, вслѣдъ за смертельною раною Лидерса, и пріѣхать въ Варшаву съ женою и дѣтьми, рѣшимость, которою доказывалась высокая, благородная довѣренность къ польскому народу, не оцѣнена нисколько. Въ первый же вечеръ своего пребыванія въ Варшавѣ, Великій Князь получилъ награду за свой великодушный подвигъ — пулю, за сѣвшую въ его шейномъ платкѣ. Поляки не имѣли никакихъ понятій ни объ его инструкціяхъ, ни объ характерѣ его буду-

шаго управленія, а было уже рѣшено его убить. Ясно, что причину возстанія было не настоящее правленіе.

Рекрутскій наборъ, слѣдствіе обстоятельствъ, былъ не причиною, а предлогомъ къ возстанію.

Я не одобряю его въ данной ему формѣ, но если во всѣхъ государствахъ, самыхъ свободныхъ, такія исключительныя мѣры признаются, по временамъ, необходимыми, если Англія прекращаетъ иногда *Naveas socius*, если Франція сочла нужнымъ еще недавно сослать тысячи въ Кайену, то неужели покушеніе на жизнь Великаго Князя, Лидерса, Велепольскаго, сведеніе въ гробъ Горчакова, болѣзнь Ламберта, смерть Герштенцвейга, и безпрестанно открываемые заговоры и возмущенія, не дали право русскому правительству къ этой мѣрѣ? *

Революціонный комитетъ, привлекшій къ себѣ ксендзовъ и пролетаріевъ, забралъ себѣ силу въ руки. Дворяне, купечество, крестьяне, находятся теперь подъ вліяніемъ его террора. Правительство приняло мѣры. Большая часть шаекъ разбиты. Мятежъ скоро будетъ подавленъ физически; но этого мало, всѣ порядочные граждане должны подать свой голосъ и объявить искренно, по зрѣломъ размышленіи, чего они желаютъ... Государь вѣрно будетъ готовъ дать имъ все, кромѣ того, что можетъ повредить Россіи.

Мысль моя о польскомъ вопросѣ, начиная съ 1830 г., прошла чрезъ многія фазы, она остановилась было на независимости за Нѣманомъ и Бугомъ, но вотъ возраженіе:

Россія тогда могла бы предоставить Польшѣ самостоятельность, когда получила бѣ удостовѣреніе, что Польша можетъ спокойно жить и самоуправляться въ предѣлахъ своего языка.

Было время, когда казалось, что, Поляки, наученные опытомъ, уразумѣютъ эту ясную истину, но, увы, теперь, при настоящемъ настроеніи, ни одно страховое отъ огня обще-

* Она, впрочемъ, обратилась, говорить, намъ же во вредъ, ибо подозрительная молодежь отлучена до ясу, а смирные забраны въ рекруты, — величавіе пронажи списковъ изъ ратуши!

(Неужели это правда!)

ство въ Европѣ, вѣрно, не возмется ни за какую премію отвѣчать за ихъ спокойствіе и благоразуміе.

Оставивъ Польшу мы должны были бы стоять всегда насторожѣ, съ многочисленными войсками, по западной границѣ, иначе она всегда будетъ подвергаться опасности вторженія.

Чуть затѣется съ кѣмъ нибудь у Россіи война, Польша послужитъ непріятелю готовымъ бастиономъ, и выставитъ потомъ отчаянный авангардъ.

Впродолженіи мира, Польша будетъ, какъ была и до раздѣла, гнѣздилищемъ всѣхъ враждебныхъ для Россіи замысловъ, — и повторится старая исторія съ прежнимъ пролитіемъ крови, съ третьимъ взятіемъ Варшавы, Воли и Праги.

Какъ Польша не можетъ *разумно* желать отдѣленія отъ Россіи, такъ Россія не можетъ *разумно* отдалить ее отъ себя, еслибъ и хотѣла.

Итакъ, Польша и Россія, *bongré-malgré*, должны находиться подъ одною державой. Противъ рожна прати невозможно Поляки, если не хотятъ, не могутъ убѣдиться въ томъ добровольно, должны послушаться силы.

Все это писалъ я въ совершенномъ волненіи духа, читая первыя ужасныя телеграммы о кровавыхъ событіяхъ въ Польшѣ. Можетъ быть, я выразился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ рѣзко. Прошу прощенія у Поляковъ, которыхъ все-таки люблю отъ души, которыхъ блистательнымъ качествамъ, и преимущественно патриотизму, хоть и увлекающему къ заблужденіямъ, отдаю полную справедливость!

Марта 2. 1863.

P. S. Кстати скажу здѣсь еще нѣсколько словъ и о Малороссіи, по поводу разныхъ выходокъ и намековъ, мелькающихъ въ газетахъ и журналахъ.

Малороссія и Великороссія такъ переплелись между собою исторіей, географіей, филологіей, генеалогіей, обстоятельствами, именами, что ихъ раздѣлить никоимъ образомъ нельзя. Это утокъ и основа (если и не петербургская) одной и той же ткани.

И въ то время, когда тридцать семь германскихъ владѣній хлопчуть о своемъ совокупленіи, когда враждебныя между собою итальянскія земли составили почти одно цѣлое, когда сѣверныя государства, Данія, Швеція и Норвегія, стараются слиться, когда Молдавія и Валахія образуютъ уже одно государство, тогда думать у насъ о какомъ-нибудь сепаратизмѣ — есть нелѣпность, обличающая состояніе, близкое къ помѣшательству или мономаніи.

Децентрализація, т. е. предоставленіе самоуправленія, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, областямъ, округамъ, городамъ, волостямъ, — поощреніе мѣстныхъ интересовъ, — о, это я понимаю, этого я желаю для Малороссіи, Великороссіи, всей Россіи, Польши, Франціи, Италиі... таково, кажется, сознаніе и правительства, что мы видимъ, даже въ эту минуту, на новомъ учрежденіи въ Москвѣ городской думы. Таково сознаніе и прочихъ европейскихъ правительствъ болѣе или менѣе.

Развитіе малороссійскаго нарѣчія, содѣйствіе малороссійской литературѣ, я одобряю въ полной мѣрѣ, но возводитъ его на степень особаго литературнаго языка, я считаю нелѣпностью, нелѣпностью особенно теперь, когда во всѣхъ славянскихъ племенахъ распространяется мысль, и дѣлаются опыты ввести великорусское нарѣчіе въ общее для всѣхъ славянскихъ племенъ литературное употребленіе!

Западные отдаленные наши единоплеменники хотятъ писать и объясняться по русски, а ближайшіе, восточные, будутъ отъ насъ отворачиваться? Смѣшно и жалко!

Я представляю себѣ сенаратное малороссійское государство, какъ оно, можетъ быть, рисуется въ воображеніи нѣкоторыхъ фантазеровъ: ну, оно тотчасъ и возобновило бы старую борьбу съ Поляками. Я укажу даже гдѣ — въ Галиціи. Разумѣется, Малороссіи скоро тяжело бы стало отъ напора Поляковъ, которымъ также надо вѣдь, хоть въ воображеніи, предоставить всѣ исконныя польскія владѣнія; тогда Малороссіянамъ съ какимъ-нибудь Хмѣльниченкомъ или Голопупенкомъ ничего не останется дѣлать, какъ, почесывая затылокъ, обратиться къ тому же москалю, къ тому же кацану, и покло-

нившись низко, сказать: помоги, братенько! Ляхи, вражи дѣти, одолѣвають насъ; мы виноваты предъ тобою, сдурили; впередь не будемъ, слуги твои, братья и други!

Такимъ образомъ, повторилась бы исторія Богдана Хмѣльницкаго, съ лишнимъ пролитіемъ крови.

Я сказалъ: Малороссія и Великороссія переплелись между собою; скажите, кто были Изяславъ, Мономахъ, Мстиславъ, Юрій, Святославъ, Игорь, Олегъ, Андрей et tutti quanti до нашествія Монголовъ? Мнѣ кажется, что они были Великороссіяне; Максимовичъ говоритъ, что они были Малороссіяне; Костомаровъ и другіе говорятъ, что они были ни Великороссіяне, ни Малороссіяне, а праотцы тѣхъ и другихъ. Ясно ли, что они близкая родня, если могутъ считаться одни за другихъ, или быть тѣми и другими вмѣстѣ?

Въ средней исторіи, Петръ митрополитъ изъ Волыни и Алексѣй митрополитъ изъ Чернигова, двое изъ главныхъ основателей московскаго величія, не говоря уже о прочихъ выходцахъ, достаточно поддерживаютъ единство древней исторіи.

Въ позднѣйшее время ревнители нашего ученаго и учебнаго просвѣщенія, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Теофилактъ Лопатинскій, Дмитрій Ростовскій, Арсеній Мацевичъ, съ безчисленными учениками, подкрѣпляютъ первую связь. Наконецъ Кочубей, Заводовскіе, Безбородко, Трощинскіе, Разумовскіе, Миклашевскіе, Гудовичи, Капнисты, Бортнянскіе, Тимковскіе, Гоголи, (милости просимъ и любезнаго моего антагониста, Михайла Александровича Максимовича, въ честную компанію), служатъ общему отечеству съ одинаковою ревностью, на всѣхъ поприщахъ, и увѣнчиваются одинакими лаврами. Малороссіянь и Великороссіянь на службѣ въ Петербургѣ, по соразмѣрности съ населеніемъ, число одинакое.

Если нельзя отдѣлить Малороссіи отъ Великороссіи въ исторіи, то въ географіи еще труднѣе: кому долженъ принадлежать Кіевъ? Какъ раздѣлить Малороссіянь и Великороссіянь въ губерніяхъ новороссійскихъ, въ Воронежской, Курской и Орловской; Малороссіянь и Бѣлорусцевъ въ Черниговской,

Минской, Могилевской? За которой Русью долженъ остаться національный эпитетъ, народное прозвище, *святой*?

Имя Руси принадлежало сначала Кіеву, а теперь Кіевляне и всѣ Малороссіяне и Новороссіяне, отправляясь въ Москву, говорятъ, что они ѣдутъ въ Россію. *

Что касается нарѣчій, великороссійскаго и малороссійскаго, то отецъ филологіи, Добровскій, объявилъ ихъ родными между собою, и двоюродными относительно прочихъ.

Конфедераціи, союзы, въ родѣ швейцарскаго, можетъ быть, предстоятъ для европейскихъ государствъ въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, но теперь самыя развитыя европейскія государства ищутъ сліянія; даже Испанія, предназначенная, какъ мнѣ кажется, начать эту новую форму, — об ней не думаетъ, несмотря на всю несостоятельность или безвыходность своего положенія со времени освобожденія отъ ига Наполеона....

* Самое имя Малой Россіи, по какому-то чутью, въ противоположность Великой Россіи, имѣетъ здѣсь значеніе.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.*

Стоявъ всегда за свободу и самоуправленіе Польши, и представивъ, такъ сказать, осязательныя доказательства своего безпристрастія относительно Поляковъ, теперь, при видѣ Русской крови, проливаемой подлымъ предательствомъ, я считаю другія мѣры необходимыми для безопасности, — не только для спокойствія — Россіи, которая имѣетъ первое, священное право на наши объ ней заботы.

Вопросъ Польскій, по моему мнѣнію, долженъ быть рѣшаемъ теперь не въ Варшавѣ, не въ Царствѣ Польскомъ, а въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ, на кои Поляки возлагаютъ главныя свои надежды, и въ коихъ признаютъ главную свою силу: Польскій наносный элементъ долженъ быть тамъ непременно уменьшенъ, ослабленъ, если даже не уничтоженъ — иначе нѣтъ намъ мира и нѣтъ намъ покоя никогда.

Я говорю: уменьшенъ, ослабленъ, и не разумю здѣсь никакихъ кровавыхъ мѣръ, по Польскимъ образцамъ — оборони Боже, а разумю мѣры, законныя вообще, и справедливыя, относительно Россіи и Русскаго элемента, оставившагося нами до сихъ поръ на произволь судьбы, а именно:

Выкупить крестьянскіе надѣлы на основаніи правилъ, составленныхъ Редакціонной комиссіей, и тѣмъ отдѣлить совершенно крестьянъ отъ помѣщиковъ. Въ этой мѣрѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго и неожиданнаго: во всей почти Россіи, она считается единственнымъ средствомъ порѣшить прежнія отношенія для водворенія новаго порядка. Она не

* Эта записка, испорченная, попала въ иностранныя газеты, и подава поводъ ко множеству толковъ.

принималась преимущественно по финансовымъ соображеніямъ, но для западныхъ нашихъ губерній, въ крайности, въ которую мы поставлены, никакія финансовыя соображенія удерживать насъ не должны. Тамъ цѣль одна—укрѣпить за Россіей, во что бы то ни стало, ея законную, древнюю ответственность, и освободить своихъ соотечественниковъ изъ подъ ига враждебнаго племени, которое, какъ мы его ни кормили, все въ дѣсь смотреть, и не хочетъ жить съ нами въ мирѣ. Помѣщикамъ слѣдуетъ выдавать облигаціи, выкупныя свидѣтельства, съ особыми правами, имъ присвоенными. Цѣну ихъ помѣщики будутъ поддерживать сами, а ежели бы она и понизилась, чего впрочемъ ожидать нельзя, то жалѣть о томъ будетъ нечего, въ наказаніе за ихъ неблагодарность: довольно попользовались Польскіе помѣщики Русскою землею и кровавымъ потомъ Русскихъ людей.

Для благовидности можно объявить выкупную мѣру общою, и только начать приведеніе ея въ дѣйствіе съ западныхъ губерній, имѣвшихъ и первые комитеты объ улучшеніи крестьянскаго быта.

Всѣ заложенные и просроченныя имѣнія, въ Русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, продавать немедленно съ публичнаго торга или брать въ казну, за неимѣніемъ покупателей, дополняя ссуду такими же облигаціями, соразмѣрно съ настоящею цѣною земли. Губернскія начальства должны прискивать Русскихъ охотниковъ, для которыхъ имѣютъ быть облегчаемы всѣ средства водворенія.

Заслуженные чиновники разныхъ вѣдомствъ, остающіеся нынѣ за штатомъ влѣдствіе реформъ, могутъ получать здѣсь вознагражденіе за свою службу при этихъ распоряженіяхъ.

Всѣ продаваемыя имѣнія по вольной цѣнѣ, напримѣръ на Кіевскихъ контрактахъ, покупать на имена довѣренныхъ подставныхъ лицъ.

Въ Царствѣ Польскомъ есть нѣсколько русскихъ маіоратовъ и много свободныхъ казенныхъ земель: полезно было бы содѣйствовать мѣнѣ ихъ на помѣщичьи имѣнія въ пограничныхъ губерніяхъ.

Въ Царствѣ Польскомъ возникнулъ мятежь, не смотря на

многія свободныя учрежденія, въ послѣднее время дарованныя, по опредѣленіямъ Верховнаго совѣта, составленнаго изъ однихъ Поляковъ. Мятежъ этотъ одолженъ существованіемъ рѣшенію революціонныхъ комитетовъ, Парижскаго и Лондонскаго, съ отраслю ихъ въ Варшавѣ, имѣющихъ свои особыя цѣли, кромѣ національныхъ. Въ западныхъ губерніяхъ Россійской имперіи, со стороны Польскихъ помѣщиковъ, примѣчается по мѣстамъ сочувствіе къ этому мятежу, выражаемое даже разными демонстраціями и покушеніями. Всѣ уличенные въ подобныхъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ, должны быть высылаемы немедленно на жительство внутрь имперіи, а имѣнія ихъ продаваемы съ публичнаго торга или конфискуемы, смотря по степени преступленій.

Нѣкоторые дворяне въ Подольской и Минской губерніи выразили явно свое желаніе присоединиться къ Польшѣ. Они, равно какъ и другіе желающіе, могутъ немедленно, съ Высочайшаго разрѣшенія, исполнить свое желаніе, и переселиться въ Царство Польское, съ правомъ продать Русскія свои земли въ продолженіи извѣстнаго срока.

Польскіе помѣщики, желающіе остаться и пользоваться покровительствомъ Русскаго правительства, въ мирѣ и тишинѣ, на правахъ Русскихъ подданныхъ, не должны ни на минуту усомниться въ неприкосновенности ихъ правъ, какъ то соблюдалось доселѣ.

(Можно вспомнить здѣсь Людовика Наполеона, который, при занятіи Ниццы, не поцеремонился поступить такъ съ коренными ея жителями, настоящими Италіянами: не хотите жить въ моемъ подданствѣ, извольте выселяться. А мы только пришельцамъ отворимъ двери изъ Русской земли, которую они изнуряютъ.)

Если бъ подобное справедливое объявленіе было сдѣлано въ началѣ движенія, то оно, гораздо вѣрнѣе осаднаго положенія, побудило бы Поляковъ притихнуть.

Недостаточной шляхтѣ, равно какъ и мѣщанамъ, можно указывать на поселенія, на правахъ колонистовъ, во внутреннихъ Русскихъ губерніяхъ, на Кавказѣ, на Амурѣ, въ Минусинскомъ округѣ, въ Оренбургской сторонѣ; можно

предоставлять имъ и порознь малые участки, въ вѣчное владѣніе, съ исполненіемъ опредѣленныхъ повинностей. Для благовидности могутъ вызываться и Русскіе охотники къ подачѣ просьбъ. Впрочемъ это есть награда, милость, а не наказаніе.

Такъ слѣдуетъ поступать относительно Поляковъ, а что дѣлать для Русскихъ, населяющихъ западныя губерніи?

Русскій элементъ представляется тамъ крестьянами, духовенствомъ, чиновниками не многими и не многими помѣщиками. Несчастіе, загнаніе Бѣлорусскихъ, напимѣрь, крестьянъ, вообразить никого нельзя: многіе дѣятъ съ собою только по воскресеньямъ. Имъ должны быть предоставлены всѣ возможныя льготы, пособія, поощренія, убавлены хотя навремя, всѣ слѣдующіе сборы.

Земляная, привычная для нихъ работа на желѣзныхъ дорогахъ должна быть обращаема болѣе въ пользу ихъ, чѣмъ подрядчиковъ. Отечественное участіе и вразумленіе начальства здѣсь особенно важны и нужны.

Духовенство обладаетъ нѣкоторымъ образованіемъ; оно должно быть усилено. Надо проникнуть глубоко въ нужды священниковъ, а этого, къ сожалѣнію давно не бывало, и о Георгіяхъ Конисскихъ слыхомъ не слыхать. Архіереи наши, люди большею частію ученые, благонамѣренные, но лишены рѣшительно всякой инициативы и энергіи, привыкли дѣйствовать по заведенному порядку. Они должны прежде всего обратить строгое вниманіе на семинаріи, куда рѣдко кто заглядываетъ, кромѣ публичныхъ экзаменовъ, устроить тамъ ученіе, отличать хорошихъ профессоровъ, отыскивать лучшихъ студентовъ, и имѣть ихъ въ виду. Жалованье учителямъ должно быть возвышено. Учебныя пособія и библіотеки умножены.

Точно также должно быть улучшено положеніе священниковъ, о которыхъ начальство заботится вообще мало. Непремѣнно надо, чтобъ возвысить сколько-нибудь ихъ благосостояніе, предоставить имъ, смотря по удобству, казенныя уголья, съ легкою ежегодною платою. Бѣлое духовенство, получая свое содержаніе отъ бѣднаго народа, съ небольшимъ жалованьемъ

отъ правительства, находится въ ужасномъ положеніи, во всемъ этомъ краю.

Всѣ казенныя земли въ западныхъ губерніяхъ должно отдавать въ аренду, или въ вѣчное владѣніе, съ опредѣленными обязанностями, Русскимъ чиновникамъ, тамъ уже живущимъ, или теперь туда приглашеннымъ, чтобъ основать скорѣе Русское большинство. Чиновники низшіе поручаются попеченіямъ гражданскихъ губернаторовъ.

Управление учебнымъ Бѣлорусскимъ округомъ должно сдѣлаться предметомъ особеннаго попеченія и вниманія. Достойные русскіе учителя должны быть привлекаемы, отличаемы, награждаемы, чего давно уже не было. Способные Поляки могутъ быть переведены на соответственныя мѣста въ Великорусскихъ губерніяхъ. Нечего и говорить, что преподаваніе должно быть вездѣ на Русскомъ языкѣ.

Губернаторы, вице-губернаторы, предсѣдатели казенныхъ палатъ, палатъ государственныхъ имуществъ, члены губернскихъ присутствій по дѣламъ крестьянскимъ отъ правительства, директоры гимназій, правители архіерейскихъ канцелярій, мировые посредники — должны быть непременно русскіе, и дѣйствовать за одно. При малѣйшемъ разладѣ они имѣютъ быть переводимы изъ одной губерніи въ другую.

Полемику съ Поляками въ газетахъ и журналахъ открыть свободно, по примѣру спора Русиновъ въ Галиціи.

Снисходительность въ Польшѣ, строгость въ западныхъ губерніяхъ!

Февраля. 23-го.

1863.

Р. С. Снисходительность допущена была до крайнихъ предѣловъ и оказалась не только бесполезною, но и вредною. — Мѣра терпѣнія преисполнилась, — и теперь должна дѣйствовать сила, предоставляя рѣшеніе по усмиреніи — великодушію и милосердію.

Августа 22-го.

ПИСЬМО КЪ ГИЗО

О ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ.

«Мы занимаемся наукою, наукою чистою; по существу своему она безпристрастна, безкорыстна, она чуждается всякаго вліянія внѣшняго, великаго и малаго.»

Эти слова изъ вашей лекціи объ Исторіи цивилизаціи во Франціи поставилъ я эпиграфомъ къ первой своей статьѣ, въ 1831 году, объ историческихъ отношеніяхъ Польши къ Россіи. Ими же начну черезъ 30 слишкомъ лѣтъ письмо мое къ вамъ о томъ же предметѣ, по поводу настоящихъ событій въ Польшѣ, горестныхъ для всякаго друга человѣчества, свободы и истиннаго блага народовъ. Цѣль моя—объяснить вопросъ съ тѣхъ сторонъ, кои ускользаютъ отъ Европейскаго вниманія, или умышленно закрываются пристрастными показаніями,—возстановить бытіе въ истинномъ ихъ видѣ, а какъ употребить ихъ политика, дипломатія, разныя партіи, подъ какимъ угломъ зрѣнія поставить, какимъ цвѣтомъ покроетъ, до этого теперъ нѣтъ мнѣ дѣла.

Главный предметъ спора у Поляковъ съ Русскими, или, лучше сказать, главная мечта Поляковъ, ибо для Русскихъ и вопроса не существуетъ, составляютъ западныя губерніи: Подольская, Волынская, Кіевская, Минская, Могилевская, Витебская, Ковенская, Виленская, Гродненская, полученныя Россіей при трехъ такъ называемыхъ раздѣлахъ Польши. Въ этихъ губерніяхъ считается десять милліоновъ жителей: въ нихъ Поляки видятъ свою силу, на нихъ возлагаютъ свои надежды, безъ нихъ существовать политически не могутъ.

Вотъ объ этой части Польскаго вопроса существуетъ въ Европѣ очень смутное понятіе, которое объяснить всего болѣе нужно,

Всѣ эти губерніи заселены Русскимъ народомъ, говорятъ Русскимъ языкомъ, и исповѣдуютъ Русскую православную вѣру. Русскихъ здѣсь девять милліоновъ, а Поляковъ меньше милліона. Русскіе — крестьяне, аборигены, а Поляки—пришельцы, помѣщики и горожане. Пересмотрите всѣ лѣтописи Русскія, впродолженіи первыхъ вѣковъ Русской исторіи, и на всякой страницѣ вы встрѣтите вмѣстѣ съ Новгородомъ и Кіевомъ: Полоцкъ, Витебскъ, Брестъ, Минскъ, Гродно, Галичъ, Мозырь, Перемышль, Владимиръ, Туровъ, Дрогичинъ, Чарторискъ, Нуръ, Пинскъ, Дубно, Каменецъ, Слуцкъ и проч. Въ Польскихъ памятникахъ, наоборотъ, не встрѣчается ни одного упоминовенія.

Въ позднѣйшее только время, эти губерніи, покоренныя Литвою, доставались Польшѣ, вслѣдствіе ихъ соединенія.

При раздѣлахъ Польши, Россія получила только свое исконное достояніе, и то еще не все, ибо большая часть Галиціи, заселенная тѣмъ же Русскимъ племенемъ, вмѣстѣ съ юговосточною частію Царства Польскаго, осталась въ чуждомъ владѣніи. Отдать теперь возвращенныя Екатериною Русскія губерніи Польшѣ, значить замѣнить раздѣлъ Польши раздѣломъ Россіи. Еслибъ онѣ оставались еще за Польшею, то мы имѣли бы право, должны бѣ были искать ихъ при первой возможности, во имя той національности, которая побуждаетъ Поляковъ искать независимости.

Вотъ объ историческихъ отношеніяхъ девяти западныхъ губерній къ Польшѣ, а каковы ихъ нравственные отношенія между собою! Русскіе крестьяне ненавидятъ Польскихъ помѣщиковъ, которые большею частію смотрѣли на нихъ какъ на илотовъ, отдавали ихъ въ аренду жидамъ, и привели совершенно въ скотское положеніе: негодно ли Гг. Бонжану и Генесси, и самому принцу Наполеону, охотнику до путешествій, прогуляться, напримѣръ, по Бѣлоруссіи, гдѣ крестьяне ѣдятъ съ солью только по воскресеньямъ, и онѣ вѣрно умѣрять значительно пылъ своего краснорѣчія. Мы, Русскіе, обвиняемъ свое правительство, зачѣмъ оно такъ мало, со временъ Екатерины, заботилось о судьбѣ несчастныхъ Рус-

скихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, и смотрѣло сквозь пальцы на ихъ ужасное положеніе.

Польскіе помѣщики, безъ защиты Русскаго правительства, давно были бы выгнаны или истреблены. Русское правительство спасло Поляковъ въ 1812 году, послѣ нашествія Наполеонова, въ 1831 году, послѣ взятія Варшавы, въ 1848 году во время Галицкой рѣзни, въ 1854 году во время Крымской войны. Даже теперь наши солдаты ходятъ отъ одного помѣщика къ другому, для усмиренія, по ихъ жалобамъ, Русскихъ крестьянъ, выводимыхъ по мѣстамъ изъ терпѣнія ихъ притѣсненіями. Повѣрятъ ли этому въ Европѣ, а это такъ. Объявленіе о присоединеніи западныхъ губерній къ Польшѣ послужило бы сигналомъ ко всеобщей рѣзни. Чего же хотятъ Поляки въ своемъ ослѣпленіи, а ихъ друзья въ своемъ невѣжествѣ? Не возмутительно ли читать намъ, зная эти дѣла, въ иностранныхъ газетахъ наглую ложь, распускаемую партіями.

Я долженъ оговориться здѣсь о Литвѣ. Этому имени даютъ въ Европѣ не тотъ смыслъ, который оно имѣть должно. Литва есть Латышское племя, очень древнее въ Европѣ, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ Поляками, ни съ Русскими. Литвы, собственно такъ называемой, не болѣе полумилліона преимущественно въ Ковенской губерніи, а единоплеменныхъ съ нею Латышей въ восточной Пруссіи, Курляндіи около милліона.

Все прочее поселеніе въ трехъ Литовскихъ такъ называемыхъ губерніяхъ, Виленской, Гродненской и Ковенской, кромѣ помѣщиковъ и горожанъ, Русское. Уступить Ковно и Вильну, кому бы то ни было, Россія не можетъ по причинамъ другаго рода, а именно стратегическимъ. Самъ Мирославскій считаетъ ихъ главными точками опоры для владѣнія и управленія Западнымъ краемъ. И если Франція считаетъ необходимымъ приобрѣсти для себя Савойю и даже Ниццу, никакъ не думаетъ уступить Альзаса, и можетъ-быть желаетъ добраться до Рейна, если Англія смѣется надъ мыслию отказаться отъ Гибралтара, то съ чѣмъ же сообразно требовать, чтобы Россія отдала два важнѣйшіе пункта на своихъ

границахъ, потому что въ одномъ углу живетъ полмилліона чуждаго племени, которое, впрочемъ, само не хочетъ отъ нея отдѣляться.

Мнѣ остается изложить для ясности отношенія историческія Литвы, по милости которой Поляки попали въ западныя губерніи.

Литва, дикое племя, жившее въ своихъ лѣсахъ, платило дань издревле сосѣднимъ Русскимъ князьямъ. Въ 14 столѣтіи, послѣ погрома Монголовъ, Литовцы усилились, и мало-помалу впродолженіи ста лѣтъ покорили окрестныя страны, потомъ овладѣли всѣми западными Русскими княжествами, и приближались къ границамъ самой Москвы, которая возникла въ одно время съ Литвою какъ государство. Москва и Вильно сдѣлались почти въ одно время столицами двухъ государствъ, или лучше сказать двухъ половинъ, на кои раздѣлилась Русь, восточную Московскую и западную Литовскую. Литовскія князья были только по имени не Русскими, но были женаты на Русскихъ княжнахъ, употребляли Русской языкъ, оставшіяся въ ихъ грамотахъ, исповѣдывали большею частію Русскую вѣру, и подчинились вообще Русскому вліянію, съ самаго начала ихъ политической дѣятельности, обрусѣли вскорѣ такъ же, какъ древле ославянились Норманскіе князья.

Одинъ изъ нихъ, Ягайло, родоначальникъ Ягеллоновъ, женился на наследницѣ Польской Гедвигѣ (1386), и присоединилъ часть Литовскихъ владѣній къ Польшѣ, впрочемъ съ условіемъ сохранять Русскій языкъ и вѣроисповѣданіе. Другая часть мало-помалу досталась Москвѣ.

Въ 15 столѣтіи Москва пріобрѣла украинныя, Сѣверскіе города, въ нынѣшней Калужской и Тульской губерніяхъ.

Въ 16 ст. Смоленскъ.

Въ 17 вся Малороссія, выведенная изъ терпѣнія гоненіями за вѣру и прочими притѣсеніями, поддалась съ Богданомъ Хмѣльницкимъ царю Алексѣю Михайловичу, отцу Петра Великаго.

Въ 18 II. Екатѣрина возвратила отъ Польши западныя губерніи, какъ сказано выше.

Мы теперь осуждаемъ И. Екатерину, зачѣмъ она согласалась на раздѣлъ, предложенный Фридрихомъ Великимъ: ей бы лучше возвратить только Русскія области, и гарантировать Польшѣ цѣлость прочихъ ея коренныхъ владѣній, т. -есть цѣлость Польскаго королевства въ предѣлахъ Польскаго языка, но согласились ли бы на то Поляки, поняли ль бы они тогда необходимость, справедливость, пользу, такого предложенія, если не понимаютъ его до сихъ поръ? А съ другой стороны, Прусаки и Австрійцы какъ посмотрѣли бы на такое распоряженіе? А союзники имъ противъ Россіи въ Европѣ были готовы! Нѣтъ, что было, то было, и не могло быть иначе. Такъ, видно, было написано на верху, такова судьба Польши, предсказанная ей впрочемъ за сто лѣтъ на Варшавскомъ сеймѣ Польскимъ королемъ Іоанномъ Казимиромъ, въ 1661 году.

Во всѣхъ частяхъ Литовской, западной Руси, какъ отошедшихъ къ Польшѣ, такъ и доставшихся Москвѣ, Русское начало господствовало въ народѣ, и сохранилось до настоящаго времени. Только помѣщики ополячились, принявъ Польскіе обычаи и католическую вѣру, чтобъ уравниаться въ правахъ съ Польскою шляхтою и аристократіей, которая получила здѣсь также обширныя и богатыя владѣнія.

Вы видите, что Поляки не были даже завоевателями въ западныхъ Русскихъ губерніяхъ: они пришли сюда влѣдствіе брака Ягайлова. Страна никогда не соединялась съ ними никакими духовными узами, ни умственными, ни сердечными. Ненависть ни на минуту, въ продолженіи вѣковъ, не утихала, и теперь горитъ въ сердцахъ еще съ большимъ жаромъ и силою. Поляки ищутъ вчерашняго дня, мечтая объ этихъ губерніяхъ, временно завоеванныхъ Литвою, но сохранившихъ вполне свой языкъ, вѣру, законы и обычаи.

Мнѣ остается сообщить вамъ, м. г., мои мысли о положеніи собственно такъ называемаго Польскаго царства.

Положимъ — оно имѣетъ право на свободу, самостоятельность, независимость. Ревнитель національностей, я готовъ

предоставить ему какія угодно права. Готовъ признать права на Познань, западную часть Галиціи (а восточная принадлежить намъ), восточную Пруссію, пожалуй и Силезію, поколику она не онѣмечена.

Но Прусаки и Австрійцы какъ теперь примуть такое возстановленіе? Какъ примуть сами Французы и Англичане, при замѣшательствѣ многихъ европейскихъ вопросовъ и узловъ?

Что же будетъ дѣлать Польша съ своими правами, съ своею независимостью, имѣя пять миллионовъ жителей, между Россіею, Пруссіею и Австріей, отдѣленная отъ моря?

Этотъ важный вопросъ можно сдѣлать при самой утопической развязкѣ, которая нѣсколько разъ рисовалась въ моемъ воображеніи, признаюсь, но сама Россія, какъ государство, не имѣетъ ли полное право сказать и на такое предположеніе:

Кто поручится, что Польша будетъ жить и самоуправляться спокойно въ своихъ предѣлахъ?

Оставивъ Польшу, не должно ли будетъ стоять Русскимъ всегда на сторожѣ по западной границѣ, предупреждая вторженіе?

Чуть затѣется у насъ съ кѣмъ-нибудь война, Польша представитъ непріятелю готовый бастионъ, и снабдитъ потомъ храбрымъ авангардомъ.

Впродолженіи мира Польша будетъ, какъ была и во время оно, гнѣздилищемъ всѣхъ враждебныхъ для насъ замысловъ, — и повторится старая исторія съ прежнимъ пролитіемъ крови, съ третьимъ взятіемъ Варшавы, Праги и Воли.

Ergo Польша и Россія должны находиться подъ одною державою. Противъ рожна прати невозможно. Только въ соединеніи съ Россіею можетъ она надѣяться на что-нибудь лучшее и высшее. Это единственная для нея полезная и почетная форма существованія, условіе возможной реставраціи!

Жить Полякамъ было тяжело. Не станемъ спорить, объясняться, оправдываться, но скажемъ, что теперь времена на-

ступили инья: Польша и Россія со всякимъ днемъ получаютъ новыя права, льготы и преимущества. Другія впереди.

Неумѣстными усиліями, всего болѣе нынѣшними Польскими дѣйствіями мы можемъ только портить, мѣшать свободному, естественному развитію дѣла. Поляки не должны думать, что покойное ожиданіе унижительно, что стыдно принимать, а лучше, благороднѣе, славнѣе, вырывать изъ рукъ, а какъ не вырвется!

Довѣренность къ доброму, любве-обильному сердцу Александра II, Царя Польскаго, Императора Всероссійскаго, — вотъ имъ искренній, благонадежный, лучшій совѣтъ! Вотъ чѣмъ они могутъ принести своему любезному отечеству самую дѣйствительную пользу. Подстреканія европейскихъ публицистовъ, не знакомыхъ ни съ исторіей, ни съ географіей, ни съ статистикой вопроса, причиняютъ имъ одинъ вредъ.

Марта 19-го.

1863.

P. S. Какъ другу человѣчества, хочу сообщить вамъ одно извѣстіе, которое должно васъ порадовать: въ Россіи живетъ и служить не одна тысяча Поляковъ. Ни одинъ, слышите, ни одинъ не получалъ въ послѣднее время ни малѣйшаго оскорбленія словомъ, дѣломъ, даже взглядомъ, ни отъ одного Русскаго, не смотря на все тѣ ужасы, которымъ подверглись наши братья въ Царствѣ Польскомъ.

Думаете ли вы, что этихъ Поляковъ мы считаемъ обрусѣвшими и желающими намъ добра—нисколько: мы увѣрены, что они въ глубинѣ сердца сочувствуютъ своимъ, какъ бы тѣ ни были виноваты, и мы не осуждаемъ ихъ за то, не жалуемся. Черта, приносящая честь народному характеру! Прибавьте къ этому, что въ большей части безпорядковъ, происходившихъ и происходящихъ въ Россіи, народъ обвиняетъ или подозрѣваетъ Поляковъ! Одному Богу извѣстно, справедливо или нѣтъ. О, пора, пора, опомнитесь и вразумитесь Полякамъ, а Европейцамъ смотрѣть безпристрастнѣе.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ СЛУХОВЪ.

Никогда не было такъ много, и такъ убѣдительно говорено и писано въ Европѣ о прогрессѣ, о цивилизаціи, о гуманизмѣ, о рациональности, какъ въ наше время, и никогда не господствовалъ столько слѣпой случай и грубый произволъ, никогда не обнаруживались самыя мелкія страсти и личные разчеты съ такою наглостію какъ нынѣ: передовыя государства играютъ какъ будто по грошу въ ералашъ, и посредствомъ всякихъ шулерскихъ продѣлокъ стараются обмануть другъ друга на два рубля съ полтиной. За доказательствами ходить не далеко: давно ли почти вся Европа шла на Россію, потому что Россія заступалась за несчастныхъ Славянъ и вообще за Христіанъ, угнетенныхъ Турками? Права султана нарушались намѣреніями Россіи! Прекрасно! А теперь тѣ же самыя государства вооружаются на ту же Россію, заступаясь за Поляковъ! Помилуйте! Вы поступаете вдесятеро хуже того, за что недавно негодовали, за что вели ужасную, кровопролитную войну! Чѣмъ требованія императора Николая были больше требованій, выражаемыхъ нотами Франціи, Англіи и Австріи, къ коимъ присоединяется Италія, и чуть ли не сама чувствительная Турція? Если Императоръ Николай оскорблялъ права султана, то вы-то что дѣлаете съ Русскимъ Государемъ? Если Императоръ Николай поступалъ несправедливо, то ваши поступки какъ назвать слѣдуетъ? Вспомните, что невинные турецкіе Славяне подвергались страшнымъ мукамъ, истязаніямъ, а виноватые Поляки получаютъ со всякимъ днемъ отъ Александра Второго новыя права и торжественный объѣтъ ихъ расширенія наравнѣ съ вѣрными Русскими!

Но, положимъ, вы сознали несправедливость своихъ прежнихъ имѣній и дѣйствій, вы размягчились, умилились и одушевились самыми челоуѣколюбивыми чувствами, вы хотите помочь несчастнымъ угнетеннымъ народностямъ, и потому идете освободить Поляковъ.

Да почему же вы не хотите освободить Черноморцевъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ, Сербовъ, Болгаръ, которыхъ бѣдствія подъ игомъ варварскаго племени не идутъ и въ сравненіе съ нынѣшнимъ положеніемъ Поляковъ, — что печатаете вы сами ежедневно во всѣхъ вашихъ газетахъ, по свидѣтельствамъ консуловъ и путешественниковъ! Если помогать страдалцамъ, то съ нихъ бы и начать всего лучше и цѣлесообразнѣе, при такомъ благодатномъ настроеніи духа! Помогая имъ, вы уничтожаете господство дикаго, магометанскаго племени, приобрѣтаете богатые области себѣ въ распоряженіе, и употребляете гораздо менѣе усилій, а помогая Полякамъ, безъ особой нужды, вы идете войною на сильный народъ, который не можетъ подставить вамъ шею. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ вы ставите болѣе или менѣе на карту собственное свое благосостояніе, а тамъ вы играете навѣрное! Тамъ справедливость, необходимость, польза, здѣсь беззаконіе, прихоть, вредъ! Какое же сравненіе, и какой можетъ быть у васъ расчетъ?

Если Европейцамъ невозможно дѣйствовать лучше и умнѣе, то... то нельзя не согласиться, смотря на настоящія событія, что они зависятъ отъ перваго встрѣчнаго или отъ слѣпаго случая; нельзя не согласиться, что общій уровень государственной мудрости, въ настоящую минуту, значительно упалъ.

Съ какой стороны ни посмотрѣть на эту предполагаемую войну, вездѣ она представляется беззаконною: Польшею Россія не только овладѣла, но Польшу отдала Россіи сама Европа за свое собственное освобожденіе, и въ то же время отдала Швеціи Норвегію, Пруссіи Вестфалію, Австріи Венецію, и проч. и проч. Вы хотите взять ее назадъ, ну такъ дайте вознагражденіе.

Добрые люди, честные должники! Уплатили съ грѣхомъ

пополамъ кровный долгъ по заемному письму, да и ну грабить благодѣтеля!

Грустно, досадно, оскорбительно, а хотите ли смѣшнаго? Итальянцы, слышно, содѣйствуютъ Франціи въ ея враждѣ съ Россіей.

Итальянцы идутъ помогать Полякамъ, — да что же они не освобождаютъ своей Венеціи, томящейся въ рукахъ Австрійцевъ? Итальянцы идутъ помогать Полякамъ, — да что же они не выгоняютъ изъ своего Рима Французовъ, которые мѣшаютъ установиться ихъ королевству, оставляютъ туловище безъ головы, и препятствуютъ кровообращенію во всемъ тѣлѣ? Итальянцы идутъ помогать Полякамъ, — да что же они не искореняютъ разбойниковъ, наводняющихъ Неаполь, Сицилію, Папскія области, и не дающихъ покоя пятимилліонному населенію? Если здѣсь нѣтъ Аристофановскаго смѣшнаго, то я не знаю, чему же можно смѣяться съ большимъ правомъ безъ шутокъ?

Хороша и Швеція! Она собирается также воевать: одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ патріотовъ уступилъ ужь ей Финляндію, Лифляндію, Эстляндію и Курляндію, даже съ литовскими племенами. Кому-нибудь, лишь бы не Россіи. О любовь къ отечеству! А Финляндцы и думать не хотятъ о старомъ господствѣ Швеціи, по очень простой, впрочемъ, естественной и основательной причинѣ: Россія кормитъ ихъ часто своимъ хлѣбомъ, а Швеція съ Норвегіей самимъ бываетъ по временамъ ѣсть нечего.

Наполеонъ прельстилъ Швецію, но Наполеонъ уйдетъ, и когда-нибудь пройдетъ, а Россія останется подлѣ нея съ 70 милліонами жителей противъ 3 или 4!

Не ожидать ли еще намъ какой-нибудь демонстраціи отъ Молдавіи и Валехи, отъ Греціи, которая получаетъ себѣ короля, не въ лицѣ брата англійскому наслѣдному принцу, а въ лицѣ брата его женѣ и будущаго мужа его сестры?

За то Пруссія, Австрія и Англія сохраняютъ, говорятъ, нейтралитетъ.

Нейтралитетъ! О благодѣтели! Подумайте хорошенько о вашемъ собственномъ положеніи. Судьба предлагаетъ вамъ

прекрасный случай соединиться опять, только не для священнаго союза, а для выгодной временной, срочной сдѣлки, чтобъ избавиться отъ любезнаго сосѣда, который не дастъ вамъ спать спокойно, пока дышетъ,—а союзникъ вамъ теперь, по своимъ обстоятельствамъ, хоть не радъ, да готовъ, по прежнему, Россія: старый другъ лучше новыхъ двухъ!

Нѣтъ ничего естественнѣе, цѣлесообразнѣе этой стачки! Къ ней ведутъ обстоятельства съ неудержимою силою.

Въ одномъ изъ своихъ политическихъ писемъ, во время Крымской войны, я писалъ, что Наполеонъ, порѣшивъ войну съ Россіей, не оставитъ въ покоѣ Австріи, и примется непременно за Италію. Это и случилось.

Такъ точно теперь я скажу Пруссіи, что она непременно должна ожидать себѣ въ гости Наполеона на Рейнѣ, * послѣ успѣшной, чѣго оборони Боже, войны съ Россіей, слѣдовательно собственныя ея выгоды требуютъ держаться Россіи.

А Австріи стоитъ только вспомнить Сольферино и Мадженту, да и Виллафранкскій миръ съ Цюрихскимъ конгрессомъ не принесъ ей значительной пользы и особеннаго удовольствія. Опасности грозятъ ей все еще большія, и заговорить ихъ на время можно только, присоединившись къ Россіи.

Если же Австрія и Пруссія будутъ съ Россіей за одно, то Англія вѣроятно не поскупится для закадычнаго своего друга отдѣлать Лонгвудское помѣщеніе, остающееся такъ долго безъ жильцевъ послѣ кончины Наполеона I.

Наполеонъ III играетъ въ большую игру: еслибы даже Австрія, Пруссія и Россія не заключили между собою наступательнаго и оборонительнаго трактата лѣтъ на пять, то одно проигранное имъ сраженіе, гдѣ бы то ни было, пробудитъ дѣятельныя козни въ Парижѣ, гдѣ г. Талеيرانъ оставилъ по себѣ, вѣдь, много наслѣдниковъ, да и г. Фуше скончался не бездѣтнымъ. Легитимисты и орлеанисты, а съ другой стороны республиканцы и социалисты, не преминутъ воспользоваться обстоятельствами, и... и... придется поэтамъ приписать еще куплетецъ къ стихотворному подражанію Зейдица, переведенному у насъ Жуковскимъ и еще недавно Миллеромъ: Сыны Франціи.

* Пруссія предупредила вооруженіе, и вѣроятно, не раскаивается

А эпитафья къ похождениямъ... готовъ изъ собранія русскихъ пословиць: повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить!

Но перенесемъ изъ Стараго ветшающаго Свѣта въ Новый Свѣтъ: не умнѣ ли онъ насъ?

Увы! Тамъ идутъ дѣла пока хуже нашего, и кромѣ того при-
бавляютъ намъ хлопотъ и смуть: тамъ сорокамилліонное
почти населеніе идетъ стѣна на стѣну, воюетъ и дерется
между собою, несмотря на то, что воевать и драться не
умѣетъ, а только проливаетъ кровь и истребляетъ другъ
друга. За что? За свободу! *

Да почему же Европейцы не помогутъ меньшимъ братьямъ
своими совѣтами? Почему самый старшій братъ Іоанаванъ
только пожимаетъ плечами?

Европейцы исповѣдуютъ правило невмѣшательства. А въ
русскія дѣла почему они вмѣшиваются?

Этого мало: американская война, остановивъ вывозъ хлопка,
тяготитъ Англію, и оставляетъ тамъ милліоны работниковъ
умирать съ голода безъ работы; американская война вредитъ
промышленности во Франціи, Германіи, Россіи, словомъ,
почти во всей Европѣ, и все-таки она не находитъ воз-
можнымъ положить ей конецъ такъ или иначе, терпитъ и
молчитъ!

Неужели во всѣхъ этихъ явленіяхъ виденъ высокій поли-
тической и нравственный смыслъ, которымъ имѣетъ право
гордиться Европа?

Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ, и мы смѣло повторяемъ замѣчаніе
одного англійскаго мыслителя (которое, впрочемъ, часто
приводилось у насъ, лѣтъ двадцать назадъ, въ покойномъ
Москвитянинѣ), что душа убываетъ на Западъ.

Душа убываетъ на Западъ, а прибываетъ ли она на
Востокъ? Подай Господи!

Апрѣля 14-го.

* Война кончилась. Сверхъ восторжествовалъ,—но надо еще, чтобы онъ умѣлъ
воспользоваться побѣдой и утвердилъ союзъ, твореніе Вашингтоново. Позд. пр.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ

МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Солонъ опредѣлилъ закономъ, чтобы въ важныхъ и критическихъ обстоятельствахъ всякій гражданинъ въ Афинахъ становился непремѣнно на ту или на другую сторону. Мы, Русскіе, находимся теперь, кажется, именно въ такомъ положеніи, и я, раздѣляя совершенно ваши мнѣнія о польскомъ вопросѣ, который на эту пору есть вмѣстѣ и главный вопросъ русскій, долгомъ поставлю заявить гласно свое сочувствіе, и вмѣстѣ принять участіе въ крестовомъ походѣ. Литературныя и всякія несогласія должно теперь всѣмъ оставить впередъ до болѣе удобнаго времени, и соединить усилія для отраженія общихъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Враги эти умны, хитры и дерзки, имъ же имя легіонъ. Много и много глазъ нужно, чтобы слѣдить за всѣми ихъ изворотами, за всѣми ихъ проявленіями, и за всѣми ихъ планами. У нихъ есть свои убѣжденія, съ коими надобно бороться также убѣжденіями. Въ одной газетѣ не исчерпаешь всего предмета, и я думаю основать свою газету при ожидаемомъ преобразованіи цензуры. * Пока обращаюсь къ вамъ.

Въ Москвѣ появляются какіе-то новые костюмы, въ газетахъ читаются намеки о какихъ-то незнакомцахъ, обращающихся съ странными вопросами къ прохожимъ, носятя слухи о какихъ-то пріѣзжихъ. Я получилъ статью отъ одного знакомаго о разныхъ подозрѣніяхъ и необходимости учредить домашнюю стражу. По многимъ признакамъ, имъ указаннымъ,

* Газета эта явилась: „Русскій“.

явно, что къ намъ пожаловали гости. Вотъ съ этими гостями я теперь и хочу переговорить: неужели ослѣпленіе у всѣхъ доходитъ до того, что они рѣшительно ничего видѣть не хотятъ? Если хоть у одного поколебалась бы увѣренность въ законности или даже только въ логичности, цѣлесообразности его дѣйствій, то уже, кажется, стоило бы труда взяться за перо для бесѣды искренней, безпристрастной.

Я отдаю полную справедливость польскому патріотизму, какъ писалъ и печаталъ много разъ, въ разныхъ обстоятельствахъ. Живость польскаго чувства, по временамъ, производитъ и производитъ во мнѣ даже зависть. Готовность на всякіе труды, на всякія жертвы, на раны и смерть, возбуждаетъ мое удивленіе. Женщины польскія имѣютъ въ глазахъ моихъ много достоинствъ. Это электричество, пробѣжавшее, очевидно, по душамъ, способно было бы произвести восторгъ въ поэтѣ, и погрузить философа въ размышленіе. (Поляки должны видѣть, что я умѣю цѣнить ихъ достоинства, но тутъ имъ и конецъ), еслибы цѣль ваша не была нелѣпая, невозможная, еслибы намѣренія ваши не были безразсудныя и злодѣйскія, еслибъ образъ дѣйствія не былъ подлый.

Цѣль нелѣпая и невозможная, говорю я Полякамъ, снискать самостоятельность, да еще съ придачею западныхъ русскихъ губерній. Какъ можно подумать, чтобы мы отдали вамъ въ неволю девять милліоновъ своего роднаго народа? Цѣль невозможная, — да еслибы мы рѣшились, почему бы то ни было (что быть не можетъ) на такую безумную уступку, то сами жители не допустили бы ея, и при первомъ извѣстіи перерѣзали бы всѣхъ польскихъ помѣщиковъ и шляхетныхъ пролетаріевъ.

Не надѣетесь ли вы отнять у насъ, завоевать эти области? Опять невозможность пяти милліонамъ справиться съ пятьюдесятью. А васъ-то и не пять милліоновъ, потому что народъ польскій, крестьяне, держатъ себя, гдѣ могутъ, въ сторонѣ, а только пятьсотъ тысячъ или даже менѣе. Такъ есть ли намъ какая трудность порѣшить дѣло разомъ въ западныхъ губерніяхъ? Никакой. Одно великодушіе и милосердіе

Государя, который все еще надеется, что Поляки образуются, спасаетъ польскихъ помѣщиковъ.

Цѣль невозможная: Наполеонъ I былъ поумнѣе, попроницательнѣе, посильнѣе, поталантливѣе всѣхъ нынѣшнихъ дѣятелей: онъ занималъ и Варшаву, и Вильну, и всѣ западныя губерніи, велъ Поляковъ въ своемъ авангардѣ, да и тотъ чувствовалъ и понималъ, что отдать эти губерніи Полякамъ, отнявъ у Русскихъ, физически невозможно, и потому не объявилъ польской независимости.

Наполеонъ I не могъ, на верху своего могущества, управляя всею Европой, а вы думаете что можете? Ясно ли, что вы стремитесь къ цѣли невозможной, слѣдовательно нелѣпой.

Намѣренія у васъ безразсудныя, но вмѣстѣ и злодѣйскія.

Вы хотите производить у насъ смятеніе, причинять намъ вредъ, распространять пожары. Но вѣдь какъ же вы до сихъ поръ не убѣдились въ совершенной бесполезности русскихъ пожаровъ для вашей національной или политической цѣли? Вѣдь принимались неизвѣстные, положимъ, зажигатели нѣсколько разъ жечь и Кострому, и Казань, и Москву, а въ послѣднее время сдѣлали опытъ и надъ Петербургомъ. Ну что же изъ этого вышло для польскаго вопроса? Ровно ничего. Нѣсколько семействъ разорилось, нѣсколько семействъ потеряло на половину имѣнія, нѣсколько семействъ затруднилось на время въ своемъ содержаніи. Вотъ и все. Кострома отстроилась, Казань отстроилась, Москва и Петербургъ также, да еще многіе повторяютъ пословицу, что съ пожару люди разживаются. Даже пожаръ Москвы 1812 года способствовалъ ей много къ украшенью, какъ замѣтилъ еще Сколозубъ. Какую же пользу извлечете вы для себя изъ вашихъ хлопотъ? Никакой. Такъ и отпишите вашимъ комитетамъ, и убирайтесь вонъ по добру по здорову. Не надо забывать вамъ, впрочемъ, и того, что теперь пора иная, что теперь вниманіе общее возбуждено, и вы подвергаетесь опасностямъ, а отъ народа въ страсти нельзя требовать разборчивости и благоразумія.

Можетъ-быть старыя подозрѣнія неосновательны, и вы не виноваты въ пожарахъ сороковыхъ годовъ, хоть увѣряютъ многіе достовѣрные Костромичи въ противномъ, но въ петербургскихъ пожарахъ, какъ оказывается теперь, нельзя не имѣть на васъ подозрѣнія, даже по одному примѣру сожженныхъ Горокъ. А въ Москву-то зачѣмъ же теперь жалуютъ незваные гости?

Образъ дѣйствія подлый—поджигать, нападать врасплохъ, лгать, клеветать, обманывать. Помилуйте, неужели такими дѣйствіями можетъ быть восстановлена національность, основано новое государство? Нельзя безъ ужаса читать кровавые списки жертвъ, закланныхъ вами изъ своего собственного племени, за отказъ дѣйствовать заодно съ повстанцами. Развѣ это не деспотизмъ, не терроръ,—которому не представляетъ подобнаго сама французская революція, каравшая только аристократію съ ея привилегіями и монополіями? А разореніе населеній, уничтоженіе труда, распространеніе нищеты, задержка развитія? Могутъ ли такія дѣйствія надѣяться на лучшую награду гражданскую, государственную? А ненависть, возбужденная въ цѣломъ народонаселеніи, ни душою, ни тѣломъ противъ васъ не виноватомъ, добросердечномъ, снисходительномъ, покорномъ, развѣ не имѣетъ силы накликать наказаніе, отмщеніе, на виноватыхъ? Меня всегда удивляла мысль Мицкевича выбрать предателя героемъ своей поэмы, (полученной мною отъ автора съ собственноручною подписью тотчасъ по отпечатаніи ея въ Москвѣ, въ 1828 году), а теперь цѣлый народъ избираетъ предателя и измѣнника своимъ идеаломъ? Народъ, состоящій изъ Конрадовъ Валленродовъ,—что же вы, несчастные, представляете изъ себя Европѣ и исторіи? Братья, опомнитесь! Это злой духъ омрачаетъ ваши взоры и возмущаетъ вашу душу.

А что сказать о вашихъ средствахъ? Какъ ни любезны и ни доброжелательны для васъ наши сосѣди, Нѣмцы и Шведы, пропуская къ вамъ всякіе запасы, но все-таки у васъ нѣтъ ни пѣхоты, ни конницы, ни артиллеріи, нѣтъ ни оружія, ни

запасовъ, ни лѣкарствъ, въ достаточномъ количествѣ: какъ же вамъ надѣяться на успѣхъ? Стремиться къ невозможной цѣли, съ недостаточными средствами,—на что это похоже?

Но васъ обнадеживаетъ Европа, преимущественно Французы и Англичане, которые говорятъ вамъ, кажется: бейтесь, деритесь, мы вамъ поможемъ на лѣто (да не на это)!

Прекрасно—но кто же вамъ ручается за вѣрность ихъ обещаній? Развѣ мало и рѣдко они васъ обманывали? Сколько разъ должны вы были оставлять свою надежду?

Точно также не можете вы имѣть ее и теперь, хоть ваше имя сдѣлалось лозунгомъ Европы противъ Россіи. Лишь оборотятся дѣла, лишь встрѣтятся обстоятельства болѣе выгодныя для мира, чѣмъ для войны, и вы опять будете позабыты и принесены въ жертву. Когда же перестанетъ литься драгоценная кровь съ той и съ другой стороны?

Для Европы страшно сліяніе Россіи съ Польшей, сліяніе, которому кладетъ Александръ II основаніе своими либеральными мѣрами, какъ для Россіи, такъ и для Польши,—и вотъ Европа воздвигаетъ брань. Горе наушникамъ и подстрекателямъ: тяжелую вину возлагаютъ они на себя, въ глазахъ исторіи и Европы!

Братья! укротитесь, и наши объятія для васъ отверсты. Воскликнемъ вмѣстѣ: да здравствуетъ Польша, да здравствуетъ Россія, и горе нашимъ врагамъ, врагамъ исконнымъ славянскаго народа! Нѣтъ, никому не станемъ желать горя! Намъ добро, и всѣмъ добро, то законное житье!

Мая 18,

1863.

ПИСЬМО КЪ ГАРИБАЛДИ.

Мы васъ любили и уважали, мы желали вамъ всякаго успѣха въ освобожденіи Италіянскаго народа отъ ига ино-племенниковъ, мы слѣдили отъ души за всякимъ вашимъ движеніемъ, — и крайне огорчаемся теперь, слыша о томъ участіи, которое вы приняли въ Польскомъ дѣлѣ. Вы приведены въ заблужденіе, благородный генералъ, и хотите дѣйствовать именно вопреки тому принципу, которымъ одушевлялась ваша прекрасная жизнь, сколько мы ее знаемъ. Вотъ что заставляеть меня взяться за перо, и написать къ вамъ это письмо. Въ нынѣшней Польской войнѣ рѣчь идетъ не объ освобожденіи Поляковъ отъ Русскаго ига, а о покореніи девяти-милліоннаго Русскаго, по преимуществу, населенія въ западныхъ губерніяхъ, подъ власть будущей Польши, то-есть объ отнятіи у Россіи старыхъ польскихъ завоеваній, возвращенныхъ нами вслѣдствіе такъ называемыхъ раздѣловъ Польши. Западные русскія губерніи составляютъ теперь яблоко раздора между Поляками и Русскими.

Это наша Ницца, которую у насъ хотятъ отнять. Вамъ жаль вашей Ниццы съ нѣсколькими тысячами жителей, а вы требуете, чтобъ мы отпустили девять милліоновъ подъ чуждое иго. Разсудите, съ чѣмъ это сообразно. Свободы мы, Русскіе, желаемъ не меньше Поляковъ, какъ для себя, такъ и для нихъ; мы ея ожидаемъ и получаемъ со всякимъ днемъ, болѣе и болѣе, благодаря благодушію нашего нынѣшняго Государя; двадцать пять почти милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ имъ освобождено, а Поляковъ въ Царствѣ только пять милліоновъ! Но Поляки желаютъ не только свободы себѣ, но вмѣстѣ и неволи нашихъ единоплеменниковъ, одной съ нами вѣры, одного языка и происхожденія, одного образа жизни и обычаевъ.

Это не можемъ допустить мы, всѣ Русскіе, не только наше правительство, а еслибъ это и случилось, то въ ту же минуту само населеніе, ненавидящее Поляковъ за долговременное враждебное ихъ управленіе, перерѣзало бы всѣхъ

помѣщиковъ, чему недавно былъ примѣръ въ Галиціи. Русскія войска до сихъ поръ почти безпрестанно ходятъ отъ одного Польскаго помѣщика къ другому для защиты отъ движеній крестьянскихъ. Пусть друзья Поляковъ посѣтятъ эти страны, и тогда они своими глазами удостовѣрятся, кто правъ и кто виноватъ.

Поляки умышленно скрываютъ всѣ эти обстоятельства отъ Европейскихъ своихъ друзей, которые, увлекаясь общими человѣческими чувствами, не имѣя возможности узнать дѣло, какъ оно есть, а судя по наружности, кричатъ, неистовствуютъ, и не понимаютъ, чего хотятъ. Дадутъ отвѣтъ Богу и исторіи тѣ, которые изъ собственныхъ своекорыстныхъ видовъ возбудили ихъ къ возстанію, и поддерживаютъ ихъ несбыточныя надежды. — Вы, генераль, можете, кажется, лучше всѣхъ судить объ искренности подобнаго участія, вспомнивъ о своей любезной Ниццѣ, и видя Римъ въ рукахъ Французовъ, и Венецію въ рукахъ Австрійцевъ. Чтоже Европейцы, разнѣжаясь такъ къ Полякамъ, оставляютъ Турецкихъ Славянъ безъ своей помощи, и напротивъ помогаютъ Туркамъ бомбардировать Бѣлградъ, стѣснять Черногорію, разорять Боснію и Герцеговину?

Мы не можемъ уступить Полякамъ западныя губерніи. А безъ западныхъ губерній, Польша, въ предѣлахъ своего языка, не можетъ имѣть никакого политическаго значенія. Слѣдовательно—сама судьба, исторія и географія велятъ жить намъ вмѣстѣ, и мы должны заботиться только о томъ, какъ бы устроить это совокупное житіе, соответственно требованіямъ времени, съ полнымъ уваженіемъ къ національности Польской и Русской, сохраняя преданія исторіи. Мы искренно чтимъ Польской патриотизмъ и глубоко сожалѣемъ, что онъ обращается совершенно въ противную сторону, не къ дѣлу своей, а прочь отъ нея. Поляки имѣютъ многія блистательныя качества, но они не имѣютъ одного очень важнаго, терпѣнія, да не умѣютъ соразмѣрять желаній со средствами, и увлекаются мечтами. — Образъ ихъ дѣйствія предательскій, воля ваша, не могущій, по вѣчнымъ законамъ справедливости, увѣнчаться успѣхомъ. Богъ знаетъ, что они

говорять объ насъ въ Европѣ, и какія клеветы распускають, а въ Россіи во время убійствъ Польскихъ, до сихъ поръ ни одинъ Полякъ не былъ оскорбленъ не только дѣломъ, но ниже словомъ и взглядомъ, ни отъ одного Русскаго, но вотъ напечатанъ теперь Польскій катихизисъ, или правила, какъ Поляки должны жить и служить въ Россіи, получаютъ безпрестанно подтвержденія о приложеніи ими этихъ правилъ къ жизни, глаза раскрываются, и... и.... но лучше прейдти молчаніемъ несчастное замѣшательство, угрожающее еще бѣльшими бѣдствіями. Всѣ порядочные люди въ Европѣ, (неговоря уже о правительствахъ), должны стараться всеми силами о водвореніи мира и о прекращеніи ужаснаго положенія. Не ободрять Поляковъ, а вразумлять—вотъ обязанность истинныхъ ихъ друзей, и чего не могутъ надѣяться Поляки отъ добраго сердца Александра III! Если мятежь до сихъ поръ не прекращенъ, то это происходило только отъ его великодушія и милосердія,—такъ думаемъ мы, всѣ Русскіе, а иначе и понять нельзя бы нынѣшняго порядка или безпорядка вещей. Государю не хотѣлось принимать крутыя и рѣшительныя мѣры, — но вотъ онѣ уже начинаются! Народъ Русскій выходитъ изъ терпѣнія, особенно въ западныхъ губерніяхъ....

Ахъ, генералъ, не давайте вашего любезнаго для Европы имени въ это нечистое, темное дѣло, коимъ руководствуютъ—по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части предводителей—больше низкія страсти, или особые разчеты, чѣмъ чистое чувство любви къ отечеству, и человѣчеству, котораго однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей въ Европѣ мы привыкли почитать васъ.

Юня 7-го.

Авторъ можетъ быть слишкомъ идеализировалъ Гарибальди, который представляется ему только съ свѣтлой своей стороны, какъ ревнитель угнетенной итальянской народности, жертвующій для нея жизнью и трудами, не ищущій никакой для себя награды. Тѣни ускользають съ этой точки зрѣнія. Впрочемъ здѣсь дѣло идетъ не о личности Гарибальди, а объ его отношеніи къ Польскому вопросу.

ОТПОВѢДЪ ФРАНЦУЗСКОМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Отъ часу не легче. Поляки думаютъ не только отнять у насъ себя, и завладѣть вновь нашими западными губерніями, съ 10 милліонами населенія, по преимуществу русскаго, но они хотятъ еще отнять у насъ нашу исторію, вырвать изъ устъ нашъ языкъ, вытянуть кровь изъ нашихъ жилъ, и налить ихъ финскою и татарскою микстурою.

Niema Rusi, нѣтъ Россіи, восклицаютъ Поляки; нѣтъ Русскихъ, вторитъ имъ теперъ французскій писатель.

Мы могли бы отвѣчать побѣдоносно нашимъ противникамъ извѣстною эпиграммою Пушкина:

Движенья нивтъ. сказалъ одинъ мудрецъ брадатый.

Другой смолчалъ, и сталъ предъ нимъ *ходить*.

Мы могли бы забавно посмѣяться надъ ними, напомнивъ имъ басню Крылова о *Любовитиномъ*, который описалъ тщательно и подробно всѣхъ мелкихъ мошекъ, мушекъ и букашекъ, видѣнныхъ имъ въ музеѣ, а «слона-то и не примѣтилъ».

Больше и не стоятъ, въ глазахъ нашихъ, нелѣпыя парадоксы; но въ европейской печати начали слышаться безпрестанно голоса, принимающіе ихъ подъ свое покровительство, и мы считаемъ обязанностію вывести по крайней мѣрѣ безпристрастную публику изъ заблужденія.

Г. Духинскій написалъ, говорятъ, нѣсколько томовъ о происхожденіи Великоруссовъ. Г. Викенель сдѣлалъ изъ нихъ сокращеніе, которое намѣренъ приложить къ своему сочиненію объ европейской Турціи. Незвѣстный авторъ извлекъ, пока, главныя ихъ основанія въ брошюрѣ: «Pologne et Ruthenie» а редакторъ парижскаго журнала «Revue des deux mondes», г. де-Марсъ, по поводу этихъ публикацій, вмѣстѣ съ брошюрами

князя Трубецкаго и г. Порошина, напечатавъ статью въ послѣдней юньской книгѣ, подъ заглавіемъ: «La Pologne, ses anciennes provinces et ses veritables limites».

Полякамъ, при ихъ темпераментѣ, при ихъ расположеніи къ мечтательности, въ несчастныхъ обстоятельствахъ, среди надеждъ, возбужденныхъ предательски извнѣ, можно, положимъ, увлекаться, и, руководясь страстію, взводить всякія небылицы и всякія напраслины какъ на настоящее время, такъ и на прошедшее, но какъ же постороннему писателю не совѣстно вѣрять имъ на слово, и вслѣдъ за ними повторять вещи, которыя легко опровергнуть въ первоначальномъ училищѣ? Дурно заявляетъ себя современная европейская печать, и нельзя не краснѣть за нее, въ виду скорого, неминуемаго суда исторіи, суда науки!

Забавнѣе всего то, что г. де-Марсъ, натягивая всѣ доказательства и искажая всѣ свидѣтельства, пропуская многіе источники, сообразно съ своею цѣлью, вслѣдъ за своими руководителями, обвиняетъ русскихъ изслѣдователей въ умышленномъ направленіи ихъ изслѣдованій, въ угоду тому или другому политическому мнѣнію или указанію правительства. Даже Карамзина называетъ онъ придворнымъ петербургскимъ историографомъ! Вотъ гдѣ въ очію совершается притча о сучьѣ, который видитъ человѣкъ въ чужомъ глазу, не видя бревна въ своемъ собственномъ.

Щада авторское самолюбіе, мы хотимъ видѣть въ г. де-Марсѣ адвоката, который получилъ невѣрныя данныя отъ своего кліента, и напоминаемъ ему старинную поговорку: *audialur et altera pars*.

Опровергнуть все его доводы легко; но прежде мы поговоримъ съ нимъ а priori, руководствуясь простымъ, здравымъ смысломъ, и оставляя пока въ сторонѣ историческія доказательства.

Вы утверждаете, что Великороссіяне, или, по вашему, Москвитяне, есть вновь образовавшееся племя изъ смѣси разныхъ уральскихъ племенъ — Финновъ, Татаръ, Турокъ, подъ вліяніемъ немногихъ русскихъ колонистовъ, уже послѣ нашествія Татаръ.

(Предупредимъ читателей: авторъ называетъ вездѣ Малороссію «Рутеніей», а Великороссію «Московіей». Такъ и мы будемъ называть эти страны въ нашихъ ему возраженіяхъ, чтобы не произвестъ сбивчивости въ понятіяхъ читателей, хотя эти названія совершенно неточны и неправильны: Русью назывался сперва Новгородъ, потомъ Кіевъ, наконецъ это имя распространилось на всѣ владѣнія русскихъ князей, и преимущественно, въ послѣднее время, на нынѣшнюю Великороссію. Московіей называть восточную Россію — странно, даже потому, что Москва получила значеніе только въ четырнадцатомъ столѣтіи, а нашъ авторъ говоритъ объ ней и объ ея замыслахъ въ 13, въ 12, въ 11-мъ!! Но такъ и быть — примемъ его номенклатуру).

Начинаемъ: Великороссіяне есть самое многочисленное племя, не только между русскими племенами въ нынѣшней Россіи, но и между всѣми славянскими племенами. Вотъ вамъ статистическая таблица изъ сочиненія Шафарика, изданнаго въ 1842 году:

Великороссіянь	35.314.000.
Бѣлоруссовъ—совершенно однородныхъ съ ними	2.726.000.
Итого болѣе	38.000,000.*
Малороссіянь	13.144.000.
Поляковъ	9.365.000.
Чеховъ и Моравянъ	4.414.000.
Словаковъ	2.753.000.
Сербовъ	5.294.000.
Болгарь	3.587.000.
Словенцевъ	1.151.000.
Кроатовъ	801.000.
Лужичанъ	142.000.

Самое многочисленное племя, по простому разсужденію, должно считать предковъ своихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ племя малолюдное. Когда же бы успѣло народиться столько Великороссіянь, если ограничить ихъ происхожденіе 13 или 14 вѣкомъ?

* А нынѣ болѣе 40 милліоновъ. Такое же приращеніе должно предположить и въ другихъ племенахъ.

13-е столѣтіе, эпоха татарскихъ нашествій, 14 столѣтіе, эпоха Черной смерти, не могли содѣйствовать умноженію народонаселенія. Авторъ самъ утверждаетъ, что татары болѣе всего налегали на Московію. Какихъ же Рахилей надо предполагать между славянскими матерями, чтобъобъяснить то размноженіе народа съ 15-го вѣка, которое представляетъ эта страна въ наше время.

Превращеніе Финновъ въ Великороссіянъ понятъ еще мудренѣе: на превращеніе потребовалось бы еще болѣе времени!

Финскія и татарскія племена какъ въ древности, такъ и теперь, живутъ особо между Русскими, въ восточныхъ губерніяхъ, и даже посреди Русскихъ, и до сихъ поръ сохраняютъ свой языкъ, свою фizioномію, свой образъ жизни и свои обычаи, не смотря ни на какое сближеніе и пребываніе подъ однимъ правительствомъ. Въ продолженіи шести, семисотъ лѣтъ они не переродились, а вы хотите, чтобы другіе ихъ единоплеменники, по вашему велѣнію, переродились въ указанный вами моментъ. Съ чѣмъ это сообразно! Почему же переродились не всеъ Финны?

А сильнѣйшее, неборимѣйшее доказательство исконной самостоятельности великорусскаго племени есть его языкъ, самый чистый и твердый между всеми славянскими нарѣчіями, самый близкій къ церковному славянскому языку, на который, за тысячу лѣтъ передъ симъ, было переведено Священное писаніе Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Прочтите «Отче нашъ» по Кириллову переводу, на нынѣшнемъ великорусскомъ нарѣчіи, и на всехъ остальныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и вы не только услышите, но даже увидите эту близость.

Великорусское нарѣчіе изъ всехъ славянскихъ нарѣчій подверглось вліянію меньше всехъ: тогда какъ чешское носить явные признаки нѣмецкаго вліянія, Польское — латинскаго, Сербское и Болгарское — турецкаго, Кроатское — итальянскаго, мы, Великороссіяне, или, по вашему, Москвитяне, говоримъ самымъ чистымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Не только грамматическихъ и синтаксическихъ формъ не имѣемъ мы изъ финскихъ и татарскихъ языковъ, но даже словъ сравни-

тельно мѣтѣ. Языкъ нашъ, по свидѣтельству и мнѣнію первыхъ филологовъ, съ Добровскимъ во главѣ, заключаетъ въ себѣ совокупность свойствъ, принадлежащихъ всеѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ порознь, почему и имѣетъ полное право быть ихъ представителемъ, какимъ въ древности былъ языкъ Кирилловъ церковный. Развитие его въ твореніяхъ классическихъ нашихъ писателей, Карамзина, Крылова, Пушкина и проч., служить подтвержденіемъ его самобытности, жизненности, внутренней творческой силы. И такой-то языкъ ослѣпленные хотятъ считать амальгамою изъ нѣсколькихъ дикихъ разнородныхъ нарѣчій! Да покажите мнѣ подобное развитие какой-нибудь другой амальгамы!

Послѣ этихъ общихъ соображеній, кои бросаются въ глаза всякому безпристрастному изслѣдователю, приступаемъ къ разбору доказательствъ нашего антагониста.

Ему хочется больше всего отдѣлить насъ, Великороссіянь, не только отъ Поляковъ, но даже отъ Малороссіянь и прочихъ славянскихъ племенъ, какъ выше замѣчено; ему хочется убѣдить публику, что мы какіе-то европейскіе метисы, креолы, мулаты.

Вотъ какъ располагаетъ онъ свои стѣнбитныя орудія:

A l'est et au nord de la Ruthénie, notamment dans les vallées du Volga et de ses affluens s'étend un monde tout a fait différent du monde polonais et ruthénien, et qui n'a rien de slave; c'est le monde tchoude ou étrange, comme disaient les slaves, le monde des races finnoises et ouraliennes, dominant tour à tour des conquérants appartenant à la race tartare, mongole ou turque. Ces dominations toujours changeantes, s'étendent j'usqu'au sud de la Ruthénie et lui bouchent l'accès de la mer Noire. La chronique de Nestor, et les ouvrages de Karamsine, de Soloviev, de Lelevel, de Pogodine, de Duchinsky, établissent de la manière la plus certaine, que toute cette contrée, notamment la vallée du Volga, était habitée, au X siècle, par des peuples étrangers à la race Slave. Ce fait capital n'est pas contesté (с. 150).*

Извините, милостивый государь, ce fait capital est non seulement contesté, mais tout a fait inadmissible! Никто изъ русскихъ

* Въ этомъ смыслѣ авторъ безпрестанно повторяетъ région finnoise, contrée finnoise, esprit finnois, habitans finnois, а потомъ Moskovie tartarisée и проч.

писателей его не принималъ, и вы совершенно ошибаетесь, опираясь на него, вслѣдъ за нѣкоторыми польскими писателями. Низовье Волги, середина этой рѣки, была по берегамъ заселена въ древности племенами, преимущественно финскими, но истоки Волги и верхнія ея части принадлежали искони, сколько запомнить исторія, великорусскому племени. Тверь, Ярославль съ смѣжными частями Владимирской, Московской, Костромской и Смоленской губерній — вотъ гдѣ до сихъ поръ сохраняется чистый типъ нашъ, и гдѣ обитаетъ самое сплошное населеніе русское, т. е. великорусское.

Разумѣется, въ древности жили Великороссіяне гораздо дальше на западъ, и мнѣ кажется, что занимал и значительную часть нынѣшней Малороссіи.

Они постепенно подавались на востокъ, отодвигая Финновъ далѣе и далѣе къ востоку и сѣверу, гдѣ тѣ живутъ и понынѣ. По-мѣрѣ движенія Великороссіянъ съ запада, мѣсто ихъ занимали Малороссіяне, какъ это мы видимъ, даже въ послѣднее время, изъ поселеній малороссійскихъ въ Харьковской, Курской и Орловской губерніяхъ.

Всего забавнѣе то, что авторъ, въ пылу своей ревности, отдѣлилъ отъ насъ, Великороссіянъ, къ своей «Рутеніи» или Малороссіи, Новгородъ и Псковъ, которыхъ зазрѣла ему совѣсть помѣстить въ уральскую композицію, потому, что они слишкомъ общеизвѣстны, и находятся, такъ сказать, у всѣхъ на виду.

А Новгородъ и Псковъ, по всѣмъ памятникамъ, представляютъ самое близкое родство, почти единство, съ настоящимъ великорусскимъ нарѣчіемъ. Нѣтъ, смѣло восклицаетъ авторъ, это Малороссіяне, Rutheniens! Что же остается дѣлать съ подобными изслѣдователями-партизанами? Перечтите, милостивый государь, рукописи, писанныя въ Новѣгородѣ, начиная съ Остромирова евангелія, 1056 года, Мстиславову грамоту 1125 года, договоръ Ярослава Владимировича 1199 съ Готскимъ берегомъ, Русскую Правду въ спискѣ 1284 года, и пр. и пр., и вы убѣдитесь, что малороссійскаго нарѣчія

тамъ нигдѣ и духу нѣтъ. Новгорода и Пскова ни одинъ великорусскій, ни одинъ малороссійскій извѣдатель, никогда не причислялъ къ Малороссіи.

Точно также Кривичи, или по нынѣшнему Бѣлорусцы, съ городами Смоленскомъ и Полоцкомъ, по своему нарѣчію, составляютъ только отличіе великорусское и отнюдь не малорусское.

Послѣдуемъ далѣе за отважнымъ набѣдникомъ по всѣмъ его изворотамъ:

Or, il y avait, продолжаетъ онъ, dans ce monde finois et ouralien des villes importantes, comme Rostov, Mouroum, Soudel, qui etaient en relation de commerce avec la Ruthénie, et principalement avec Nowgorod. Des princes varegues y avaient étendu leur domination, desorte qu'ils regnaient en même tems sur les Slaves et sur les Finnois (с. 504).

Нѣтъ, милостивый государь, Ростовъ, Муромъ, Суздаль, точно такъ, какъ Торжокъ, Бѣжецкъ (въ Тверской губерніи) и Волокъ-Ламской (въ Московскоі), точно такъ, какъ въ послѣдствіи Вятка, были, безъ сомнѣнія, древнѣйшими колоніями Новагорода, и заселены племенемъ самымъ близкимъ къ великорусскому. Къ нимъ-то и могутъ принадлежать слова Новгородцевъ Рюрику: земля наша *велика* и обильна.

«Одинъ изъ этихъ варяго-русскихъ князей княжилъ въ Суздаль, въ части финской области, которая была отдѣлена отъ Рутеніи (т.-е. нынѣшней Малороссіи) большимъ Муромскимъ лѣсомъ».

Не станемъ смѣяться надъ оригинальною выходкою автора, который отдѣляетъ Муромскимъ лѣсомъ Владимирскую губернію отъ Черниговской и Кіевской, начинающихъ собою съ этой стороны Малороссію, то-есть на тысячу слишкомъ верстъ, но остановимся на самомъ сильномъ, по его мнѣнію, замѣчаніи, что въ имени Москвы нѣтъ ничего славянскаго, точно такъ какъ и въ имени Мурома, Суздаля и проч. Въ немъ видить онъ, кажется, главное доказательство принадлежности этой страны Финнамъ, а не намъ, Русскимъ.

А что есть французскаго, пусть позволить онъ себя спросить, въ имени Франціи, въ имени Парижа?

Что есть англійскаго въ имени Англии, Лондона? Что есть нѣмецкаго въ имени Вѣны, Берлина, Дрездена, Лейпцига, Любека? Что есть италіянскаго въ имени Неаполя, Венеціи?

Въ мѣстахъ, гдѣ поселились Великороссіяне, обитали *прежде* Финны, которые, отдвинутые на востокъ и сѣверъ, уступили свои жилища новымъ пришельцамъ—оставили имъ свои собственные имена, а кромѣ именъ—ничего. Это явленіе вы видите въ Европѣ на каждомъ шагу: въ сѣверной и средней Германіи всѣ собственные имена Славянскія показываютъ точно также, что прежде Нѣмцевъ, въ этихъ мѣстахъ жили Славяне: Стрелицъ, Шеринъ, Ростокъ, Кролевецъ, Гданскъ, Бранденбургъ и пр. и пр. Изъ какихъ элементовъ разнородныхъ состоитъ, наиримѣръ, население Великобританіи: Кельты, Бритты, Англи, Саксы, Датчане, Норманы и проч. Уничтожающій Финновъ, авторъ забываетъ, что Венгерцы суть природные Финны.

«George Dolgorouki, se rendant, vers 1147, a Susdal, chez son fils André, s'arreta pendant ce voyage dans un hameau, sur le bord d'une petite rivière, appelée la Moskva».

Здѣсь, что ни слово, то ошибка, доказывающая малое знакомство автора съ Русскими лѣтописями. Въ 1147 году Юрій не ѣхалъ къ своему сыну Андрею въ Суздаль, а изъ Суздаля, вмѣстѣ съ сыновьями, шелъ войною на Кіевъ, противъ племянника Изяслава, и угощалъ въ Москвѣ своего союзника князя Святослава Ольговича Сѣверскаго. А сынъ его Андрей поселился во Владимирѣ, оставивъ отца въ Кіевской области, въ 1155 году. Но это мелочи.

Авторъ описываетъ за симъ картинно основаніе Москвы, сдѣлавшейся столицею въ 1328 году: Elle a conservé un caractère semi-asiatique, qui frappe profondément le voyageur européen и проч.

Какъ же *сохранить* Москвѣ характеръ полуазіатскій, если здѣсь его не было прежде, да не было никакого. Москва выстроилась точно также, какъ Владимиръ, Суздаль, Ростовъ, Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Смоленскъ, однимъ словомъ, какъ всѣ города русскіе, въ Великой и Малой Россіи. Если автору и вообще иностраннымъ путешественникамъ хочется

видѣть азiятскій характеръ въ позлащенныхъ куполахъ церквей, и въ отсутствіи сплошныхъ стѣнъ, то это его личный взглядъ, а впрочемъ, какъ въ Москвѣ, такъ и прочихъ городахъ русскихъ, нѣтъ ничего азiятскаго.

A partir du règne de George Dolgorouki, les princes de la région finnoise manifestèrent une hostilité systématique et acharnée contre la Ruthénie, et principalement contre les villes, dont les habitudes libérales leur étaient devenues antipathiques. ст. 502.

Здѣсь опять, что ни слово, то ошибка, одна другой грубѣе: князья суздальскіе и владимирскіе, по автору, государи Финской страны, не только не питали злобы противъ Рутеніи, но стремились туда отъ души: всю жизнь свою Георгій Долорукой искалъ кiевскаго стола, и подъ конецъ достигнулъ своей цѣли, то есть получилъ Кіевъ, не вельдствіе войны, а по наслѣдству, какъ старшій, гдѣ вскорѣ и умеръ. Сынъ его Андрей, наоборотъ, не хотѣлъ и думать о Кіевѣ, даже при жизни отца, и оставивъ его на кiевскомъ столѣ, ушелъ тайно въ свой любимый Владимиръ. Когда ему послѣ пришлось взять Кіевъ въ наказаніе кiевскаго великаго князя за союзъ съ Новгородцами, то онъ предоставилъ Кіевъ брату, княжившему въ сосѣднемъ Переяславлѣ, а послѣ его смерти—двоюроднымъ племянникамъ Ростиславичамъ. Меньшій братъ его Всеволодъ большую часть своего княженія былъ въ дружбѣ съ кiевскимъ княземъ, и отъ него получилъ нѣсколько областей во владѣніе. А сора въ остальное время зависѣла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Сынъ Всеволодовъ — Георгій не имѣлъ почти никакихъ отношеній къ Кіеву, а потомъ нагрянули Монголы. Послѣ Монголовъ владимирскіе князья совершенно оставили «Рутенію». Гдѣ же *систематическая* лютая вражда? Въ воображеніи автора, точно какъ тамъ же и желаніе суздальскихъ князей основать особое государство.

Ils n'eurent plus d'autre idée, que de fonder un état à part, de créer une unité nouvelle et de subjuguier la Ruthénie (502).

Во-первыхъ, у князей плана никакого не было, и всякій князь поступалъ, какъ ему случалось по обстоятельствамъ, что показано выше, не только не желая покорить «Рутенію», но часто и отказываясь отъ нея. Особымъ государствомъ

было тогда всякое княжество, и желало увеличить свои владѣнія: такъ поступали въ свое время и Полоцкъ, и Черниговъ, и Смоленскъ, а послѣ Тверь, Москва и проч. Однимъ удавалось, другимъ нѣтъ, вотъ и все!

А что касается до либеральныхъ обычаевъ «рутенскихъ» городовъ, то такіе же обычаи, въ извѣстныхъ случаяхъ, обнаруживались и въ суздальскихъ, и въ московскихъ городахъ. Братья Андреевы, Михаилъ и Всеволодъ, получили Суздальскій престолъ именно вслѣдствіе вѣчевыхъ рѣшеній новаго Владимира, который никакъ не хотѣлъ покориться старому Ростову.

Андрей Боголюбскій нападалъ на Кіевъ не съ одними Суздальцами и Ростовцами, но и съ Рязанцами, Муромцами, Смольянами, Полочанами, Переяславцами, и проч., словомъ, со всѣми почти обитателями даже «Рутеніи».

Авторъ не довольствуется приписаніемъ сѣвернымъ князьямъ намѣреній покорить «Рутенію» и проч., но надѣляетъ ихъ и другими политическими мыслями, а именно:

La politique des princes de la contrée finnoise modifiait complètement l'ancien droit public de l'Europe orientale, ou auparavant les princes se battaient et se dépossédaient, sans que la population des villes y prit une part fort active et eut beaucoup à en souffrir (503).

Здѣсь уже крупная нелѣпость: населеніе нашихъ древнихъ городовъ, какъ въ «Рутеніи», такъ и въ «Московіи», было военное; въ «Рутеніи» еще гораздо больше, чѣмъ въ «Московіи»; во всѣхъ княжескихъ войнахъ жители городовъ принимали живое непосредственное участіе, и преимущественно въ «Рутеніи». Разверните лѣтопись кіевскую и волынскую, и вы на всякой строкѣ увидите подвиги Кіянъ, Черниговцевъ, Переяславцевъ, Звенигородцевъ, Галичанъ и проч. и проч. Напротивъ, — только и воевали, что горожане, вмѣстѣ съ дружинами. Сельскіе жители не воевали — это дѣло совершенно другое!

Авторъ, сдѣлавъ такую ошибку, дополняетъ ее еще лучшею, будто церковь воспротивилась такимъ (небывалымъ) нововведеніямъ, и тщетно.

Но брилліантомъ, когинуромъ, всего этого параграфа есть слѣдующее великолѣпное положеніе:

«Il est important de noter, que c'est à cette époque que firent leur première apparition ces sectes religieuses, qui ont encore aujourd'hui une si grande importance en Russie. Ce fut, comme l'autocratie, un produit de l'esprit finnois (с. 503).

Каково? Думали ль старые добрые Финны, вмѣстѣ съ настоящими ихъ потомками, что глубокомысленные публицисты европейскіе будутъ когда-нибудь приписывать имъ склонность къ учрежденію *астократіи*, и вмѣстѣ къ *религиознымъ преніямъ*? Это уже смѣшно до хохота.

Ainsi il est bien positif, заключаетъ авторъ этотъ знаменитый параграфъ, que même avant l'invasion des Tartares, il s'était formé au nord-est du monde slave une unité nouvelle dans les conditions religieuses, politiques et sociales, différentes de celles, où se trouvaient la Ruthénie et la Pologne (с. 504.)

Совершенно несправедливо: въ князьяхъ Суздальскихъ и Владимирскихъ текла чистая русская кровь, безъ малѣйшей примѣси финской. Жизнь гражданская устроена была вся по образцу, господствовавшему повсемѣстно на Руси, безъ малѣйшихъ признаковъ вліянія посторонняго.

Послѣ такихъ горельефныхъ нелѣпостей авторъ начинаетъ своей второй параграфъ словами:

Les grandes invasions des Tartares et des Mongols suivirent d'assez près la consolidation et les premières tentatives d'expansion du duché de Soussdal, de ce nouvel état oriental habité par des Finnois, que nous appelons désormais la Moskovie (504.)

Финновъ здѣсь давно уже не было, и страна вся обитаема была чистыми Русскими, которымъ платили дань сосѣдніе Финны, очень малочисленные, жившіе такъ, какъ теперь живутъ ихъ потомки въ губерніяхъ: Пензенской, Тамбовской, Казанской и проч., племя тихое, смиренное, и къ тому же безграмотное.

Грубья ошибки продолжаются въ этомъ параграфѣ безпрерывно. Такъ, авторъ утверждаетъ, что князья Московскіе отказались принять участіе въ первомъ крестовомъ походѣ вос-

точного христіанства противъ азіятскаго варварства, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что великій князь Юрій Всеволодовичъ послалъ на помощь въ Русь своего племянника Василья Константиновича, который, уже въ Черниговѣ получивъ извѣстіе о Кальскомъ пораженіи, принужденъ былъ воротиться. Нечего уже замѣчать, что авторъ говоритъ о «Московіи», предупреждая слишкомъ на сто лѣтъ ея историческое появленіе, въ смыслѣ столицы. Тогда средоточіе русской силы на сѣверѣ было еще во Владимірѣ, о которомъ онъ ни разу и не упоминаетъ!

Въ «Рутеніи», говоритъ онъ, Татары появлялись на короткое время, а на Московію они налегали изо всѣхъ силъ. Это утверждаетъ онъ для того, чтобъ къ небывалому финскому значенію присоединить еще татарское вліяніе.

Вліяніе татаръ было одинакое, какъ на «Московію», такъ и на «Рутенію». Баскаки ихъ господствовали какъ тамъ, такъ и здѣсь. Стоитъ только вспомнить о знаменитомъ Бурондаѣ, которому долженъ былъ поклоняться сильнѣйшій и умнѣйшій князь Рутеніи, Даниль Галицкій. «Рутенія» не только подверглась вліянію, но совершенно была опустошена, такъ-что Плато Карпини, Рубруквисъ, европейскіе посланники къ Татарамъ, проѣзжали здѣсь по цѣлымъ суткамъ, не встрѣчая ни души, и самъ митрополитъ кievскій оставилъ вскорѣ несчастную страну, и переѣхалъ во Владиміръ, а преемникъ его — въ Москву. — Тогда-то собственно начали подвигаться на востокъ нынѣшніе Малороссіяне и занимать днѣпровскія области.

Лелевель не упоминаетъ о Московіи, гдѣ собственно и устанавливалась русская жизнь, потому что это не относилось къ предмету его сочиненія.

Татары были для нашего автора, какъ мы уже замѣтили, желанными гостями, чтобъ *объ азіятить* насъ въ-досталь, и отдѣлить совершенно отъ «Рутеніи».

Этого отдѣленія отнюдь не бывало, какъ доказано выше. Московія, т. е. Владиміръ, съ самаго начала былъ непрерывно въ сношеніяхъ съ «Рутеніей», точно такъ, какъ Смоленскъ, Новгородъ, Рязань, Полоцкъ, Муромъ, Туровъ и проч. Князья переходили со стола на столъ, стремясь всѣ къ Кіеву.

Дружины и вои у нихъ были однѣ и тѣ же. Поэтому послѣдующее утверждение автора не имѣетъ никакого историческаго смысла: *Si la Moscovie dès l'origine n'eut été finnoise, c'est à dire atiatique, l'on ne s'expliquerait pas que la domination tartare s'y fut si promptement et si complètement acclimée, tandis qu'elle ne devait ni s'installer, ni laisser aucune trace de son passage dans la Ruthénie, dont la population est slave,»* (с. 504).

Татары у насъ на сѣверо-востокѣ не поселялись, не водворялись, еще менѣе чѣмъ на югозападѣ; въ «Московіи» менѣе, чѣмъ въ «Рутеніи», а управляли издали. Вліяніе ихъ было на обѣ стороны одинакое, вредное въ отношеніи нравственномъ, что оказывается вездѣ, какъ слѣдствіе рабства. Тоже мы видимъ теперь на Сербіи, Болгаріи, Босніи, кои спасаетъ также религія съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ, какъ спасла она «Рутенію» и «Московію».

Точно въ томъ же смыслѣ авторъ повторяетъ (с. 506): *Les Tartares n'ont pas exercé d'influence morale sur les destinées de la Ruthénie. Il n'y avait dans ce pays Slave aucun element, que le genie des envahisseurs put s'assimiler.*

За Финновъ и Татаръ авторъ всѣ хорошія черты древней русской исторіи отдаетъ своей «Рутеніи» и исключаетъ совершенно «Московію», неспособную ни къ чему порядочному по самой натурѣ ея населенія, а населеніе то было одинакое! Онъ имѣетъ любезность даже забывать и ужасы Галицкіе, (вліяніе Польскаго сосѣдства), и жестокости Романа Волинскаго и разореніе Кіева при Рюрикѣ Ростиславичѣ. Tout concourt ici à démontrer ce fait important, c'est que l'origine finnoise de la population moskovite, et sa longue cohabitation avec les Tartares ont laissé subsister jusqu'apresent des différences radicales entre les Ruthéniens et les Moskovites, (с. 517).

Наконецъ и общинное владѣніе, самое важное и дорогое, самое благодѣтельное наше учрежденіе, предохранившее и предохраняющее насъ отъ западнаго пролетаріата, авторъ ставитъ намъ, Москвитянамъ, въ вину, говоря, что оно развилось только у васъ, и нигдѣ не было извѣстно въ «Рутеніи», привязанной къ началу личной собственности, господствующему у народовъ западныхъ. Здѣсь охотно подчиняемся мы его осужденію.

Довольный собою, авторъ спрашиваетъ: почему же при такихъ различіяхъ «Рутеніи» и «Московіи» онѣ смѣшивались между собою? C'est par le procédé, отвѣчаетъ онѣ себѣ, qui consiste a confondre l'histoire des dynasties avec celles des pays. Des princes Normans-Varègues ont regné autrefois dans la Moskovie: l'on en conclut, que ces deux pays ne font qu'un.

Такъ разрѣшилъ смѣлый авторъ мудреную задачу, самимъ, впрочемъ, для себя сочиненную.

Въ параграфѣ третьемъ авторъ обращается къ Литвѣ, qui a été le prelude de la grandeur de la Pologne, comme l'invasion tartare a préparé la grandeur de la Moskovie (с. 508).

Здѣсь онѣ проговаривается невольно, или является принужденнымъ согласиться, что Литва, послѣ своихъ завоеваній, подчинилась совершенно русскому вліянію и обрусѣла. *Ruthenia capta ferum victorem cepit.*

Это совершенно справедливо и подкрѣпляетъ наше мнѣніе о Польскомъ вопросѣ, т. е. что Литва и Москва сдѣлались представительницами Россіи, Литва—западной (Малороссіи и Бѣлоруссіи), Москва — восточной (Великороссіи), что Литва была и есть таже Русь, разумѣется за исключеніемъ Жмуди. Приведемъ его собственные слова:

Les Lithuaniens adoptèrent le dialecte de la Ruthénie Blanche, qui devint la langue du gouvernement, de l'aristocratie et du peuple des villes, si bien que la langue de ces singuliers conquérants ne fut plus parlée que par des paysans de la Lithuanie, proprement dite, et de la Samogitie.

Pendant que la Moskovie se tartarisait, la Lithuanie au contraire était presque complètement absorbée par la Ruthénie.

Удручивъ насъ сверхъ мѣры татарами, въ дополненіе къ финнамъ, обвинивъ за общинное владѣніе, авторъ, въ заключеніе, отнимаетъ у насъ почти и христіанскую религію и славянскій языкъ.

«Христіанская религія была распространена очень мало въ Московіи, и уже въ началѣ 13-го столѣтія было тамъ только одно епископство», говоритъ онѣ, и не хочетъ знать, что въ XIII столѣтіи самъ митрополитъ кievскій оставилъ «Рутенію», и перенесъ свой престолъ во Владимиръ, а въ началѣ XIV-го столѣтія въ Москву. Смѣшно это, или нѣтъ?

А вотъ еще смѣшнѣе: «азіятскіе языки», «говоритъ онъ, по замѣчанію еще Страбона, могутъ легко измѣнять свое старое нарѣчіе на новое, и потому образовался въ Москвѣ новый языкъ славянскій, который сдѣлался московскимъ, велико-русскій».

Il existe de nombreux exemples de la facilité, avec laquelle les peuples de l'Asie peuvent changer leur ancien idiome contre un idiome nouveau, et cette faculté était déjà constatée par Strabon. Sous l'influence du clergé, des princes de la famille de Rurik, des Rutheniens qui s'y étaient établis, il se forma dans la Moskovie une nouvelle langue slave, qui est devenu le Moskovite, appelé aussi Grand-Russe.

Объ этомъ происхожденіи языка было говорено выше.

Порѣшивъ, такимъ образомъ, дѣло съ Литвою, Рутеніей, Московіей и Татарами, авторъ переходитъ къ отношеніямъ этихъ странъ съ Польшею.

Первое соприкосновеніе имѣло мѣсто въ Галичѣ.

La Ruthénie méridionale faisait partie de la Pologne de tems immemorial (с. 509).

Это неправда, потому что Владимиръ Святой присоединилъ червенскіе города къ кievскому княжеству, отнюдь не отнявъ ихъ у Польши: они тогда и не входили еще въ составъ польскаго королевства, по самымъ польскимъ писателямъ, напримѣръ Бандтке. Народонаселеніе же этой страны было тогда, какъ есть и теперь, чисто русское.

Вассальныхъ отношеній Галича къ польскимъ королямъ не было никакихъ, и Поляки не могутъ представить ни одного документа, по которому можно было бы ихъ предполагать, а что Галичъ тянулъ иногда къ Московіи (напомнимъ еще разъ читателямъ, что употребляемъ это имя, тогда еще несуществовавшее, только въ угоду автора), то вотъ вамъ мѣсто изъ кievской лѣтописи:

Подъ 1199 годомъ: Володимеръ сѣде на столѣ дѣда своего (Владимирка) и отца своего (Ярослава)... посла ко Всеволоду ко уеви своему (т.-е. дядѣ) въ Суждаль, моляся ему: Отче господине! удержи Галичъ подо мною, а язъ Божій и твой есмь со всѣмъ Галичемъ, а въ твоей волѣ есмь всегда. Всеволодъ же Суждальскій присла къ всѣмъ княземъ и по

королеви въ Ляхы, и води я кресту, на своемъ сестричичѣ (сестриномъ сынѣ) Галича не искати николи же подъ нимъ. Володимеръ же утвердился въ Галичѣ, и оттоль не бысть нань никогоже».

Послѣ такого свидѣтельства, заключеніе (с. 500): *ce qui est certain, c'est que cette partie de la Ruthénie ne relevait aucunement de la Moskovie*, можетъ, кажется, подвергаться сомнѣнію!

Галичъ достался по наслѣдству Казимиру, королю польскому, это правда, но чтобы жители были рады такому соединенію, нѣтъ никакого свидѣтельства. Напротивъ, лѣтописи исполнены свидѣтельствъ о взаимной враждѣ галичанъ къ полякамъ.

Такъ точно авторъ пропускаетъ и всѣ войны между Литвою и Польшею за галицкія владѣнія, потому что «послѣдовавшее соединеніе Литвы съ Польшею, посредствомъ брака Гедвиги съ Ягелломъ, отнимаетъ у нихъ политическій интересъ».

Ложь о дружественномъ характерѣ этого соединенія никогда не выражалась смѣлѣе, чѣмъ въ замѣчаніи: *ce ne fut pas le seul exemple d'agrégation opérée par l'attrait qu'inspirait la Pologne en raison de la douceur de son gouvernement et de la liberté, qui y régnait.*

Читая подобныя строки, не знаешь, что и говорить: во всѣхъ этихъ странахъ, какъ въ Галиціи, такъ и въ Малороссіи, злоба пылала и пылаетъ неугасимая къ полякамъ, и обнаруживается всякій день болѣе и болѣе, вслѣдствіе угнетеній и притязаній польскихъ, а авторъ говоритъ о кротости правленія, о свободѣ, о любви! Разумѣется, мы утверждаемъ о злобѣ, относительно большинства народонаселенія, относительно русскаго народа, а помѣщики, которые нахлынули туда изъ Польши и овладѣли богатыми землями, которые обратились къ католицизму, и ополячились въ надеждѣ пріобрѣсти права польскаго дворянства, помѣщики держали всегда, какъ и держутъ теперь, сторону Польши.

Тою же смѣлостью отличается и утвержденіе, что Рутенія польская и литовская, принявъ, будто бы, послѣ Флорентійскаго собора унію, возобновленную торжественно въ 149

году, вошла въ религиозное и нравственное общеніе съ католическимъ западомъ, и отдѣлилась совершенно отъ Московіи. Такъ не совѣстится утверждать авторъ, когда есть цѣлая бібліотека, свидѣтельствующая объ ужасахъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго въ 16 столѣтіи насильственного введенія уніи, и о потокахъ крови, проливавшихся изъ за нея въ Малороссіи.

Тогда, говоритъ онъ, «Московія» укрѣпила свои связи съ Греціей, и подъ влияніемъ этого религиознаго положенія, устремилась къ возвышенію политическому.

Описывая покореніе Новгорода, авторъ говоритъ, что это было первое важное завоеваніе Москвы въ Рутеніи!! «Такимъ образомъ чрезъ 400 лѣтъ разстоянія, московскіе князья разорили два главные города Рутеніи: Кіевъ, мѣсто священное, — Новгородъ, республику свободную и торговую!»

Что за варвары эти москвитяне, воскликнетъ со вздохомъ иной добродушный европейскій читатель, — и подите ему доказать, что Москвы и не существовало еще, какъ княжества, во время случайнаго взятія Кіева въ 1159 году, и что Новгородъ принадлежитъ къ воображаемой авторомъ «Рутеніи» такъ, какъ Кострома, какъ Владимиръ, какъ Суздаль, какъ сама Москва! А что касается до новгородскихъ архіепископовъ, то изъ нихъ никто никогда и не думалъ о соединеніи съ Римскою церковью. Это все ложь (стр. 514).

Ce système (переселенія) appliqué avec suite et dans toute sa rigueur, changea par la force le pays ruthénien de Pskov, comme celui de Novgorod, en pays Moskovites. La langue ruthénienne finit par en disparaître à peu près complètement, ou du moins par y devenir un simple dialecte du Moskovite.

За симъ Иванъ III приобрьлъ Тверь, князья Сѣверскіе признали его владычество, — и «вслѣдствіе этихъ приобрьтеній Московія вошла въ соприкосновеніе съ Польшею».

Авторъ пробѣгаетъ исторію этихъ соприкосновеній слишкомъ коротко, желая доказать только законную принадлежность западныхъ губерній Польшѣ. И мы не станемъ входить въ подробности; пропустимъ даже всѣ свидѣтельства, говорящія въ нашу пользу, а постараемся только доказать, что если по приводимымъ имъ документамъ, западныя губерніи

принадлежали въ извѣстное время *законно* Польшѣ, то возвращеніе ихъ изъ-подъ иноплеменнаго ига Россіи, было еще гораздо *законнѣе*, въ какомъ положеніи дѣло находится и теперѣ.

Польша получила съ Литвою все ея Русскія завоеванія, положимъ, законно, но съ обязанностями, которыхъ она никогда не исполняла, и противъ которыхъ со стороны Литвы, Бѣлороссіи и Малороссіи, предпринимались во все время безпрестанные протесты, возстанія, кровопролитія и покушенія свергнуть ненавистное иго.

Московскіе князья заключали по обстоятельствамъ договоры срочные, и такъ называемые вѣчные съ разными уступками и приобрѣтеніями, но войны безпрестанно возобновлялись, вслѣдствіе взаимныхъ споровъ и неудовольствій, и оканчивались то въ пользу Россіи, то въ пользу Польши. Такъ Василій, кромѣ приобрѣтеній своего отца, присоединилъ еще въ 1514 году Смоленскъ, и авторъ совершенно несправедливо утверждаетъ, что этотъ князь отъ Смоленска отказывался.

Иоаннъ Грозный взялъ, въ 1563 году, Полоцкъ, обратно уступленный вмѣстѣ съ Ливоніей послѣ несчастной войны съ Баторіемъ.

Во время междоусобствъ вся Россія призывала на престолъ свой сына Сигизмундова, Владислава. Польша не умѣла воспользоваться благопріятными своими обстоятельствами: кто же виноватъ?

Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ въ своемъ положеніи сдѣлать Польшѣ разныя уступки по полянскому договору, но при его преемникѣ, Алексѣѣ, Малороссія, Рутенія, по любимому выраженію автора, окончательно отложились подъ предводительствомъ гетмана Хмельницкаго отъ Польши, чего авторъ касается впрочемъ очень нѣжно:

Ce pays etait arrivé à se desaffectionner de la Pologne, et il en résulta des guerres sanglantes.

Царь Алексѣй Михайловичъ распространилъ было далеко завоеванія Русскія на западъ, но уступилъ часть ихъ по Андрусовскому миру (1667), по которому за Московіею утверждены, впрочемъ, Смоленскъ, Сѣверія, Черниговъ и Заднѣпровская Украина.

Границы 1667 года остались до перваго раздѣла Польши, говоритъ авторъ, Императрица Екатерина признала ихъ въ 1764 году. Это ничего не доказываетъ: эти границы принадлежали Польшѣ по праву завоеванія; по такому же праву онѣ переступлены Россіею въ болѣе благоприятныхъ для нея обстоятельствахъ, но права Россіи, кромѣ завоеванія, основаны еще крѣпче на кровномъ родствѣ съ жителями возвращенныхъ губерній, на единствѣ вѣры, языка и обычаевъ, на пламенномъ желаніи самихъ жителей, наконецъ на непримиримой ненависти ихъ къ Полякамъ, за жестокое, безчеловѣчное и тиранское управленіе въ продолженіи ихъ владычества.

Изъ-за бумагъ, книгъ и разсужденій европейскіе публицисты оставляютъ безъ вниманій Русскій народъ, обитающій въ западныхъ губерніяхъ, а его милліоны стонутъ подъ игомъ сотни тысячъ помѣщиковъ! Въмѣсто всѣхъ разсужденій, пусть бы они посѣтили, что теперь очень легко и удобно, западныя губерніи, разумѣется, безъ польскихъ провожатыхъ, посмотрѣли бы на здѣшнее житье, и тогда они удостовѣрились бы, что первое извѣстіе о присоединеніи края къ Польшѣ сдѣлалось бы смертнымъ приговоромъ для всей этой сотни тысячъ помѣщиковъ, съ дополненіемъ изъ шляхетнаго пролетаріата. Вотъ чего хотятъ безумцы, и вотъ къ чему ободряютъ ихъ незнакомые съ дѣломъ покровители, распространяя повсюду ложь, ложь и ложь. Больно за человѣческое достоинство читать всѣ клеветы и напраслины, распускаемыя въ европейскихъ газетахъ, и вида пропасть, въ которую они увлекаютъ несчастное поколѣніе.

Но возвратимся къ нашему предмету. Императоръ Александръ хотѣлъ возстановить польскія древнія границы. Авторъ приводитъ мѣста изъ его писемъ къ князьямъ Огинскому и Черторижскому, изъ его рѣчей на сеймахъ и разговорахъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Изъ нихъ мы не узнаемъ, впрочемъ, вполне намѣреній Императора Александра, но каковы бы онѣ ни были, онѣ принадлежали лично ему, и мы, Русскіе, можемъ выставить противъ нихъ, особенно теперь, слова нашего безсмертнаго историографа Карамзина, который торжественно сказалъ Государю:

«Вы думаете возстановить *древнее* королевство Польское? Но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ нашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи), спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію?... Во вторыхъ можете ли вы съ мирною совѣстію *опять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волицію, Подолію, утверждающую собственность Россіи еще до вашего црствованія?*... Скажутъ ли, что Екатерина незаконно раздѣлила Польшу! Но вы поступили бы еще незаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость *раздѣломъ самой Россіи*. Мы взяли Польшу мечомъ. Вотъ наше право, коему все государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо все составлены изъ завоеваній... Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ... Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ, Бѣлоруссія, Волинь и Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда *кореннымъ достояніемъ Россіи*. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди, ни врагу, ни другу. Наполеонъ могъ завоевать Россію, но вы, хоть и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагодарсите? Россія, Государь, безмолвна передъ вами, но если возстановилась бы древняя Польша (чего Боже сохрани), и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но вамъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы вы, для ихъ рукоплесканія, ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую вамъ головою

за сіе неминүемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ... Однимъ словомъ, и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю польскую, и снова возьмутъ штурмомъ Прагу».

Европейскіе дипломаты и публицисты не знали, какъ и теперь большею частію не знаютъ, что народонаселеніе въ такъ называемомъ отъ Поляковъ забранномъ краѣ, т. е. нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ, составляющихъ предметъ спора между Русскими и Поляками, есть чисто Русское, и что въ наше время, примѣчательное возрожденіемъ національностей, нелѣпо мечтать, чтобы Россія могла предать свою національность чуждому игу.

Здѣсь остановлюсь я въ моемъ возраженіи. Я писалъ его безъ всякихъ справокъ, прямо почти на бѣло, прочитавъ нечаянно статью г. де-Мазада въ Петербургѣ, что доказываетъ, какъ ничтожны для насъ, Русскихъ, всѣ доказательства нашихъ противниковъ, и какъ легко можемъ мы справиться съ ними, оставляя еще всегда въ запасъ кучу сылокъ на подлинные источники.

Впрочемъ, намъ уже наскучило бесплодное преніе съ Поляками, которые не хотятъ ничего видѣть и слышать, замуривъ глаза и заткнувъ уши; но неужели между европейскими читателями не найдутся безпристрастные люди, которые, прослушавъ внимательно обѣ стороны, рѣшатся возвысить свой голосъ среди этого Вавилоно-Польскаго столпотворенія? Имъ и посвящается моя статья, писанная безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякой страсти, въ духѣ чистой историко-критической истины.

С.-Петербургъ, 6-го іюня, 1863 г.

ПО ПОВОДУ ОТВѢТОВЪ КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА.

Москва въ полномъ удовольствіи. По домамъ, на улицахъ, въ клубахъ, точно какъ будто праздникъ. Домашнія попеченія и заботы, кажется, забыты. Мы не только успокоились, ободрились, но и повеселѣли. Удовлетверенное народное чувство обнаруживается во всѣхъ движеніяхъ. Никто, даже изъ стариковъ, не запомнить такого согласія. Всѣ оттѣнки мнѣній, а здѣсь ихъ больше чѣмъ сорокъ сороковъ, слились въ одинъ цвѣтъ; всѣ разнородные звуки, отъ самаго низкаго до самаго высокаго, слились въ одинъ голосъ. У всѣхъ на умѣ и на языкѣ одно и то же. Знакомые, встрѣтятся между собою, не спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ, не говорятъ даже обычнаго: здравствуйте, а начинаютъ вмѣстѣ: а что—какого? Превосходно, отлично, мастерски!

Да, надо сознаться, что отвѣты князя Горчакова на предложенія Англіи, Франціи и Австріи, удались во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя лучше.

Честь государственная охранена, національное достоинство признано, неумѣстныя притязанія отстранены, благоразумныя, дѣйствительныя средства указаны, слово на миръ оставлено; все опредѣлено ясно, выражено просто, спокойно, вѣжливо, благородно.

Слава Государю, освящающему своею волей, утверждающему своимъ державнымъ словомъ, подобныя рѣшенія!

Благодарность министру, такъ понимающему свои обязанности, такъ исполняющему встрѣчающіяся ему задачи! Имя его запишется не только въ исторіи Русской дипломатіи, но и въ исторіи Россіи. Онъ сослужилъ отличную службу отечеству и одержалъ блистательную побѣду.

Обратимъ вниманіе на дипломатическое искусство. Нѣкоторыя статьи въ предложеніяхъ западныхъ державъ можно было бы опровергнуть рѣшительнѣе, сильнѣе, но князь Горчаковъ хотѣлъ, видимо, пощадить нашихъ противниковъ, — не припирать ихъ къ стѣнѣ, не ставить въ положеніе слишкомъ

неприятное и унижительное. Великодушный, онъ предоставилъ имъ возможность, говоря простою пословицей, утереться.

Намъ предлагали они заключить перемирие... но съ кѣмъ же? Враги наши не имѣютъ имени. Мѣстопробываніе ихъ неизвѣстно. У нихъ нѣтъ даже никакого тѣла. Это тѣни, высылаемые по ночамъ изъ какихъ-то преисподнихъ, и исчезающія при восхожденіи солнца. По какому же адресу можно сноситься съ ними? Кто возмется наблюдать за исполненіемъ ихъ обязательствъ? Или западныя державы находятся въ связи съ ними, и имѣютъ полномочіе отъ нихъ вступать съ нами въ переговоры, заключать за нихъ условія? Существованіе ихъ, слѣдовательно, признано не въ примѣръ даже Южнымъ штатамъ Америки? Однако же это признаніе не объявлено офиціально: какъ же разрѣшить противорѣчія?

Намъ предлагали дать амнистію... Но она была уже дана, даже на будущее время, и отвергнута съ пренебреженіемъ. Кого же будемъ мы прощать, если никто не считаетъ себя виноватымъ, не изъявляетъ раскаянія, не отказывается отъ прежняго образа дѣйствій? И какой срокъ положить амнистіи? Неужели можно допустить продолженіе неистовствъ *ad libitum*, предоставляя имъ въ перспективѣ прощеніе, «полное и совершенное», на случай неудачи? Гдѣ же въ исторіи были примѣры подобныхъ амнистій?

Намъ предлагали дать автономію Польшѣ, но и это средство было тоже испытано маркизомъ Велепольскимъ, и привело къ цѣли, совершенно противоположной. Благодаря этой автономіи, съ удаленіемъ всѣхъ русскихъ чиновниковъ, устроились вездѣ революціонные комитеты, навезено оружія со всѣхъ сторонъ для мятежниковъ, обокрадены казначейства, конторы и таможни, уголовныя слѣдствія обращены въ пользу виноватыхъ, преступленія оставлены безъ наказанія, и организованъ мятежъ во всѣхъ подробностяхъ. Хотятъ ли западныя державы, чтобы мы окончательно предали страну во власть революціоннаго террора? Другаго исхода не можетъ имѣть теперь автономія съ амнистіей и перемиріемъ!

А къ довершенію всей несообразности этихъ предложеній, должно замѣтить еще, что Поляки ими недовольствуются,

и объявляютъ торжественно совѣмъ другія требованія. Съ какою же цѣлю державамъ переговариваться, требовать, уступать и соглашаться?

Повторимъ: князь Горчаковъ не хотѣлъ ярко выставлять совершенную несостоятельность предложеній, — но можетъ-быть и сдѣланы онѣ въ полномъ сознаніи этой несостоятельности, невозможности даже физической, съ цѣлю получить не согласіе, а отказъ, и съ отказомъ предлогъ къ войнѣ, уже рѣшенной предварительно, во что бы то ни стало, для новаго пораженія опасной, ненавистой Россіи? Можетъ-быть предъ нами повторяется исторія знаменитой Вѣнской ноты, предъ Крымскою войною 1854 года?

Если это такъ, то намъ остается пожалѣть, что Европа прибѣгаетъ опять къ такому недостойному образу дѣйствій, и удивляться, какъ она не озаботилась, хоть для потомства, облечь свои недобрыя намѣренія болѣе благовидною формою.

А если это не такъ, (и дѣйствительно кажется теперь, что не такъ), то исторія спроситъ, съ какою цѣлю поднято было столько шума въ Европѣ и произведено столько смущенія, чесо ради гибель сія бысть? А пролитая кровь!

Какъ бы то ни было, правительство сознаетъ великую отвѣтственность своего положенія, и въ предотвращеніе подобныхъ сюрризовъ, принимаетъ дѣятельныя мѣры, согласныя съ желаніями, видами, мыслями, всего Русскаго народа.

Вотъ на этомъ согласіи и должны утверждаться больше всего наши надежды, какъ теперь, такъ и всегда. Чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться согласіе, чѣмъ болѣе взаимное довѣріе будетъ укрѣпляться, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Пусть правительство знаетъ, и находитъ средства узнавать постоянно мысли, виды, желанія и нужды народа, изъ чистаго источника и во всей ихъ искренности; пусть дорожить его живымъ, сердечнымъ участіемъ: взаимная любовь и довѣренность, это сродство, это тожество, единство, — вотъ гдѣ заключаются залого нашего спасенія отъ вѣхъ возможныхъ опасностей, и вмѣстѣ основа нашего могущества, политическаго значенія, и источникъ всяческаго благосостоянія.

12-го Іюля.

ГАЗЕТНЫЯ ЗАМѢТКИ И ВЫПИСКИ.

Любезный и дорогой нашъ переводчикъ сербскихъ пѣсенъ, Краледворской рукописи, и проч. и проч. Н. В. Бергъ, печатающій въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* любопытныя Варшавскія письма, огорчился замѣчаниями изъ «любезнаго его сердцу города, гдѣ качалась его колыбель, и гдѣ ему снились лучшіе сны». Пусть онъ утѣшится, увѣрясь, что никто не хотѣлъ огорчить его, а замѣтить ему то и другое было нужно, чтобы писалъ осторожнѣе, и помнилъ, что мы живемъ въ такое время, и находимся въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое лыко въ строку. Я самъ, любящій его и любимый имъ, надѣюсь, много, и благодарный за его электричество, читая его письма, былъ просто раздраженъ нѣкоторыми строками, не помню уже какими, а справляться некогда. Вотъ и въ послѣднемъ XXV письмѣ г. Бергъ «кромѣ искренней похвалы ничего не можетъ сказать польскимъ визитаторамъ паспортовъ и досмотрщикамъ вещей въ дебаркадеръ!» Такая наивность доходитъ не только до простаго смѣшнаго, но и до уморительнаго. Польскіе досмотрщики имѣютъ цѣлю пропускать все, и ничего не видѣть, почему и являются въ Варшавѣ, какъ самъ г. Бергъ свидѣтельствуешь, лѣсовые, даже съ билетами, разказываютъ о своихъ подвигахъ противъ русскихъ солдатъ, и отдохнувъ, собравшись съ силами, опять убѣгаютъ *до лясу*. Никто изъ городскихъ досмотрщиковъ ихъ не видитъ, и не задерживаетъ. Ну не правда ли, что досмотрщики варшавскіе очень любезны, и есть за что благодарить ихъ, — только не русскимъ фельетонистамъ!

Еще, описывая ландшафтъ по дорогѣ, вы замѣчаете: «многіе холмы, уже слегка опушенные зеленью, подымали къ небу высокіе деревянные кресты, какими усѣяна вся Польша». Надъ кѣмъ же поставлены эти кресты? Надъ рѣскими солдатами, измѣнически перебитыми въ Польшѣ? Надъ повстанцами, которые, по нѣскольку разъ отпущенные, наконецъ попадаютъ подъ свою пулю? Или это кресты старые, которыхъ, какъ и Мадоннъ и Непомуковъ, встрѣчаешь безпрестанно въ католическихъ земляхъ, напримѣръ въ Богеміи? Во всякомъ случаѣ такая черта, безъ объясненія, теперь неумѣстна, и очень двусмысленна.

Лордъ Россель во второй своей грубой депешѣ, писанной почти въ день полученія нашего перваго отвѣта, говоритъ, что мы хватаемъ людей по одному подозрѣнію. Еслибы такъ мы хватали, то какъ же могъ бы существовать въ Варшавѣ революціонный комитетъ, печатать прокламаціи, раздавать ихъ въ городѣ, собирать деньги и пр. и пр.? Нѣтъ, видно не только не хватаютъ тамъ подозрительныхъ, но и виноватыхъ пускаютъ ходить по волѣ! А все-таки странно оправдываться намъ такою распущенностію. Предъ лордомъ Росселемъ, положимъ, мы оправдаемся, указывая на такіе факты, да на себя-то какое обвиненіе наложимъ предъ своими!

Не вѣришь глазамъ своимъ, читая извѣстія изъ Варшавы: «Приводя къ результату, нельзя не замѣтить безсилія полиціи, къ которому она приведена, по отзывамъ здѣшнихъ лицъ, сколько вліяніемъ центрального комитета, *столько же и управленіемъ.*» Или: «Безсиліе полиціи, вольное или невольное, выразилось при убійствѣ чиновника Ротайскаго» (М. В. № 144). Которое же хуже: вольное, или невольное? «Мѣры противъ расхищенія казенныхъ суммъ въ разныхъ таможнякъ и конторахъ состояли преимущественно въ томъ, что прекращень сборъ съ крестьянъ, и таможенные деньги перевозились въ безопасныя мѣста, *или въ Пруссію*» (М. В. № 145).

Похитители денегъ изъ банка *двѣ недѣли* спорили, кому отдать похищенные деньги, и между тѣмъ ходили на службу!

Революціонный комитетъ велѣлъ женщинамъ ходить въ траурѣ, женщины слушались, и полиція не препятствовала. Революціонный комитетъ велѣлъ скинуть кринолины, — женщины не послушались, и подверглись оскорбленіямъ. Полицейскіе не смѣли за нихъ вступиться, (а развѣ помогали), но офицеры (какіе?) приняли ихъ подъ свое покровительство. О рыцари, если не донъ-Кишоты! Да вѣдь женщины не слушались васъ, когда вы отъ нихъ того или другаго требовали, такъ за что же вамъ идти къ нимъ на помощь? Скажите имъ: vous l'avez voulu! Если онѣ будутъ просить васъ спасти ихъ кринолины, такъ вы имъ отвѣчайте: зачѣмъ онѣ носили трауръ? Онѣ хотѣли слушаться комитета, такъ уже нечего обращаться къ вамъ! Офицеры наши спасали женщинамъ кринолины, а на другой день женщины явились безъ кринолинъ, въ исполненіе распоряженія комитетовъ, и офицерская любезность оказалась излишнею.

Даже высланы были патрули защищать женщинъ! — и тѣмъ не дѣла! Женщины не понадѣялись на защиту, а рѣшились исполнить приказаніе.

Забавно, что корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* вступаетъ за кринолины, говоря: «Еще понятно преслѣдовать вредную роскошь, но какая жь роскошь въ кринолинѣ?» По моему мнѣнію, старуха *Голоса* разсуждала гораздо основательнѣе: «И прекрасно, по дѣломъ этимъ франтихамъ, прежде не носили кринолинъ, и было хорошо, а теперь.»

Мнѣ случилось недавно говорить съ однимъ знакомымъ, который лично и хорошо знаетъ маркиза Велепольскаго. Какого мнѣнія вы объ немъ? спросилъ я. Мнѣній разныхъ объ немъ быть не можетъ для внимательныхъ наблюдателей. Со времени вступленія своего въ управленіе, онъ дѣлалъ всѣ возможныя уступки и любезности для Поляковъ средняго и высшаго сословія, смотрѣлъ на все сквозь пальцы, и своими либеральными мѣрами допускалъ дѣлать все, что кому угодно (вслѣдствіе чего были организованы комитеты, собраны запасы, навезено оружія, печатались безпрепятственно газеты и

журналы). Правленіе стало въ Варшавѣ самое либеральное — и въ то же время объявленъ рекрутскій наборъ, раздражившій городскую чернь повсемѣстно. Какъ сообразить такія противорѣчащія мѣры? Очень просто!... Говорятъ: у Велепольскаго была система. Онъ думалъ произвести ея примиреніе Поляковъ съ Русскими; онъ только ошибся въ средствахъ. Прекрасно, однако онъ долженъ былъ увидѣть 14-го января, что система его ошибочна, ибо не предотвратила кровопролитія, и долженъ былъ отказаться отъ нея, или перемѣнить ее. Скажутъ: онъ надѣялся, что постоянная снисходительность и благоволеніе откроютъ глаза. Согласимся и на то, до 1-го мая, а послѣ 1-го мая, когда, при продолженіи либеральныхъ мѣръ, при полной почти автономіи, при безнаказанности преступленій, при допущеніи безпорядковъ, самая амнистія была отвергнута, надѣяться ни на какое примиреніе было уже нельзя, и ясна стала необходимость другихъ мѣръ, а онѣ не принимались; банкъ былъ обокраденъ уже въ іюнѣ, а почтовая контора еще позднѣе, и наконецъ нѣкоторыя таможи даже на дняхъ. Страшно становилось, чтобъ изъ замка что-нибудь не было украдено.

А что значить дуэль Велепольскаго сына съ Браницкимъ? Дуэлисты, и не самые отчаянные, смѣются надъ нею, точно такъ какъ молодые лѣкаря смѣются надъ отравой, которую выдержало даже трехлѣтнее дитя.

А письмо Велепольскаго сына къ принцу Наполеону! Оно не понятно: не можетъ, кажется, оно относиться къ комедіи!

А письмо Велепольскаго отца, въ 1848 году, къ князю Меттерниху? Тамъ онъ выразилъ ясно свой образъ мыслей. Письмо было искренно: онъ убѣжденъ былъ твердо, что Полякамъ на западныя державы надѣяться нечего, и составилъ планъ возстановить Польшу посредствомъ Русскихъ!

Но вотъ извѣстіе, что Велепольскій уѣзжаетъ на островъ Рюгенъ. Счастливый путь, и покорнѣйшая просьба объяснить свой образъ дѣйствій для разуменія потомковъ и исторіи.

Да что же это дѣлается въ Варшавѣ, въ Царствѣ Польскомъ,—слышишь вопросъ на всякомъ шагу въ Москвѣ, и не получаешь отвѣта! Вотъ ужь ограбили казну, которую охраняли двѣ роты съ двумя орудіями: денегъ пропало казенныхъ 125 тысячъ, почтовыхъ 72 т. Изъ двухъ ротъ прошло на ближайшую станцію человекъ 70, и то перераненыхъ! Прочіе погибли.

Въ одномъ городѣ крестьяне сидятъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за ослушаніе начальству, а это начальство требовало отъ нихъ, чтобъ они шли въ шайку!

Въ Радомѣ есть чиновники, которые отсутствуютъ по четыре мѣсяца, присоединясь къ повстанцамъ, и получаютъ жалованье!

«Великому Князю, пишетъ варшавскій корреспондентъ, идетъ въ докладъ, какъ главнокомандующему, много формальныхъ дѣлъ, особенно по переводамъ и мелочамъ хозяйственной части, которые поглощаютъ время и утомляютъ Его Императорское Высочество». Это наше несчастіе. Всѣ наши высшіе начальники обременены множествомъ пустыхъ дѣлъ, развлекающихъ ихъ вниманіе, и производящихъ въ нихъ самое тяжелое чувство. Дѣлается это иногда даже съ злымъ умысломъ.

Вотъ еще любопытное извѣстіе: «Вчера поутру ксендзы въ нѣкоторыхъ костелахъ говорили отчаянныя проповѣди. Въ нихъ они успокоивали публику относительно политическихъ убійствъ, указывая на необходимость ихъ для блага отчизны; совѣтовали публикѣ не волноваться, и сообщили, что есть еще до 280 жертвъ, обреченныхъ на смерть. Каково было узнать послѣ такихъ проповѣдей, что на Свенторжецкой улицѣ, домовладѣлецъ Вейхартъ, его сестра, служанка, обѣдѣницы, и даже, по неофіціальнымъ свѣдѣніямъ, собака и попугай, найдены въ квартирѣ ихъ перерѣзанными».

И въ этомъ же письмѣ читаются жалобы жителей на притѣсненія полиціи!

Лишь только началъ я выписывать изъ газетъ отмѣченныя мною мѣста за послѣднее время, какъ прочелъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующія слова варшавскаго корреспондента, послѣ которыхъ не считъ ужъ и нужнымъ продолжать свою выписку:

«26-го юля. Полное разложеніе гражданскаго управления въ Царствѣ—вотъ фактъ существенно важный, который на дняхъ еще разъ засвидѣтельствованъ двумя начальниками военныхъ отдѣловъ: генералами Семякою и Ушаковымъ. При такомъ состояніи гражданскаго управления, анархія въ Царствѣ будетъ полная, Россія безъ конца будетъ ждать погашенія мятежа и можетъ быть вовлечена въ европейскую войну. Необходимо принять, и принять въ возможно-скоромъ времени, мѣры противъ такого зла, иначе польскому возстанію, повторяемъ, не будетъ конца».

Сами Поляки, удивляясь своей организаціи (мятежа), свидѣтельствуютъ, что только тридцатилѣтняя практика въ жизни и школахъ, могла привести къ такому блистательному результату.

Вотъ оно, вотъ слѣдствіе отрицательныхъ мѣръ! О еслибы мы воспользовались этими несчастными опытами, и подумали бы внимательно, чѣмъ могутъ быть замѣнены такія мѣры!

Извѣстія изъ Царства Польскаго, изъ Кіева, я не беру съ болѣе отмѣчать и выписывать. Нѣтъ, не достаеъ ужъ силъ. Я перестаю ихъ даже читать. Слишкомъ тяжело: теперь ничему удивляться тамъ нельзя, а развѣ здѣсь можно только удивляться Русскому долготерпѣнію.

Появляются Польскіе адресы: мы имъ не вѣримъ, а повѣримъ тогда, какъ они, кромѣ изъявленія преданности, возстанутъ сами противъ мятежа, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, объявятъ во всеуслышаніе свое мнѣніе или свое раскаяніе, и примутъ дѣятельное участіе въ его прекращеніи.

Судь надъ убійцами, пишетъ корреспондентъ, производится убійственно медленно! Все это какія-то насмѣшки надъ Русскимъ терпѣніемъ. Но вѣдь терпѣніе иногда лопаеъся...

Вотъ еще извѣстіе ужасное, изъ приказа за № 212, отъ 29-го іюля, по войскамъ, въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ: «Смоленскаго пѣхотнаго генераль-адъютанта, графа Адлерберга 1-го полка унтеръ-офицеръ Иванъ Егоровъ и рядовой Алексѣй Ивановъ, по произведенному надъ ними, по полевымъ уголовнымъ законамъ, военному суду, оказались виновными въ томъ, что были зачинщиками открытаго неповиновенія, буйства и дерзости, оказанныхъ ими вмѣстѣ съ нѣсколькими другими нижними чинами, которыхъ они увлекли своимъ примѣромъ, противу прапорщика того же полка «Лемницкаго». За такое преступленіе судъ приговорилъ Егорова и Иванова къ смертной казни разстрѣляніемъ». Желательно бы знать подробности объ этомъ страшномъ дѣлѣ: имена Ивана Егорова, Алексѣя Иванова и прапорщика Лемницкаго наводятъ на разныя грустныя мысли. Страшно читать... морозъ по кожѣ подираетъ!

Gazeta Narodowa негодуетъ на полицейскія задержки повстанцевъ во Львовѣ и Краковѣ со стороны Австріи, и грозно спрашиваетъ: что это значитъ? Держится ли Австрія съ запаромъ, или нѣтъ?

Полякамъ кажется забавнымъ тройной союзъ: Франція, говорятъ они, хочетъ дѣла (полно такъ ли?., Англія острастокъ, а Австрія дальнѣйшей писанины». Писанина—это превосходное слово, и за него я готовъ простить цѣлую нелѣпую статью.

Престранно читать, что Русское правительство, которое нагло обкрадывается въ Польшѣ чуть что не всякій день, *нанимаетъ* домъ для помѣщенія войскъ въ Варшавѣ. Не только постои, но экзекуціи и контрибуціи, принадлежать къ числу самыхъ законныхъ наказаній для Царства Польскаго!

Вотъ еще новое извѣстіе: Поляки разными обманами лож или теперь утомлять Русское войско, и несчастные солдаты принуждены бываютъ ходить по десяти верстъ вслѣдствіе ихъ предательскихъ заявленій.

О СИСТЕМѢ МАРКИЗА ВЕЛЕПОЛЬСКАГО.

Умъ хорошо, говорить русская пословица, а два лучше. Всякое дѣло, подвергаясь общему разсужденію, уясняется, облегчается, приводится въ порядокъ и устройство. Если о всякомъ дѣлѣ это сказать можно, то кольми паче о дѣлѣ сложномъ и мудrenomъ. Таково у насъ теперь дѣло о Польшѣ. На него можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ: европейской, польской, русской, литовской, католической, православной, аристократической, демократической, революціонной и пр. и пр. Пусть высказываются все мнѣнія, самыя противоположныя, и изъ совокупности извлечется истина. До сихъ поръ мы молчали, теперь начинаемъ говорить, но по большей части все еще только въ полголоса, воздерживаясь, запинаясь, оставляя кое-что на умѣ или помѣщая между строками. Ну вотъ оттого и происходятъ сомнѣнія, недоумѣнія, подозрѣнія, осужденія, обвиненія. Кто же виновать?

Постараюсь объяснить искренно о послѣднемъ вопросѣ, поднятомъ въ № 219 *С. Петербургскихъ Вѣдомостей*, 3-го октября. Авторъ статьи говоритъ, что въ Варшавѣ «долгое время преобладало совершенно противоположное (военной диктатурѣ) направленіе, которое старалось дѣйствовать, по возможности, мягкими ередствами, проводило строгую черту между виновными и невинными, и поставило себѣ задачей привлечь на свою сторону большинство населенія, внушая ему довѣріе къ себѣ и надежду на лучшую участь».

Хороша ли такая система?

Отличная, прекрасная, превосходная, отвѣчаю торжественно.

«Система эта въ началѣ была встрѣчена общимъ сочувствіемъ, и явилась плодомъ зрѣлаго обсужденія».

Совершенно справедливо: смѣю напомнить, что самъ я въ донесеніи своемъ министру народнаго просвѣщенія предлагалъ образъ дѣйствій въ этомъ духѣ, касательно ученой и

учебной части, еще въ 1839 г.; а въ 1856 г. въ запискѣ своей о Польшѣ указывалъ на нее, какъ на единственное условіе умиротворенія Польши.

«Еслибы система, о которой говоримъ мы», продолжаетъ авторъ, «оказалась удачною, еслибъ она ознаменовалась счастливыми результатами, то общій голосъ превозносилъ бы ее похвалами».

Разумѣется, и всякому пріятно было бы воздать ей хвалу, какъ можно громче, въ такомъ вождѣльномъ случаѣ!

«Когда настанетъ пора для примѣненія къ Царству этихъ началъ, мы должны будемъ снова приняться за систему, которая подвергается нынѣ столь задорнымъ порицаніямъ».

Безъ всякаго сомнѣнія, потому что эта система соответствуетъ истиннымъ вѣковѣчнымъ началамъ права, закона, настоящей политики.

«Было бы страшною несправедливостію осуждать (исполнителей) за ихъ глубокую вѣру, которую питали они въ успѣхъ предпринятаго ими дѣла».

Не только страшною несправедливостію, но вопіющею недѣлностію на успѣхъ, *во время оное*.

«Не основательно ли было надѣяться, что надежнѣйшимъ средствомъ (вырвать массу польскаго населенія изъ-подъ обаянія, въ которомъ держала его революціонная партія) можетъ служить добросовѣстное осуществленіе началъ, которыя должны были обезпечить Польшѣ правильное развитіе гражданской и политической жизни».

Очень основательно, и естественно, и благородно, и нужно, и похвально!

Такъ стало-быть я совершенно согласенъ съ авторомъ статьи, помѣщенной въ *Петербуржскихъ Вѣдомостяхъ*?

Нѣтъ, не согласенъ; хоть и принимаю все вышепроеписанныя его положенія.

Какъ такъ?

А вотъ какъ:

Я отстраиваю себѣ домъ: Тонъ и Рихтеръ начертили мнѣ планъ, Брюловъ и Бруни взялися расписать стѣны, Пименовъ и Рамазановъ украсить своими статуями — все художники

принялись уже за работу, как вдруг загорѣлся онъ съ одного угла... Хорошо ли бы я сдѣлалъ, еслибы сказалъ своимъ друзьямъ: продолжайте работать, мы погасимъ... Художники работаютъ, а огонь дальше и дальше, и вотъ обхватываетъ все зданіе. До Амуровъ ли тутъ и Венеръ, до симметріи ли и пропорціональности, до пейзажей ли и жанровъ! Нѣтъ, тутъ подавай только Богъ ноги и художникамъ и работникамъ! Поджигатели являются со всѣхъ сторонъ. Берите ихъ. Я не поджигалъ, а пришелъ только посмотреть. А для чего у тебя спички? А ты зачѣмъ не гашишь? Тащите въ крѣпость. Тамъ разберемъ...

Во время чумы нельзя обходиться безъ оцѣпленій, окуриваній и карантиновъ, нельзя быть довольно осторожнымъ!

Невинные граждане должны пенять не на правительство, а на тѣхъ злоумышленниковъ, которые своими дѣйствіями побуждаютъ къ принятію строгихъ мѣръ.

Мягкость, кротость, послабленіе, снисходительность, не оказывали никакого дѣйствія въ Варшавѣ. Это было ясно всякую минуту и на всякомъ шагу, съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, печатались газеты, раздавались паспорта, собирались подати, пѣлись возмутительныя пѣсни, говорились кровожадныя проповѣди, войско русское подвергалось оскорбленіямъ неслыханнымъ, и никто изъ гражданъ не отыскивалъ виноватыхъ, никто не содѣйствовалъ, никто не заявлялъ своего мнѣнія, не произносилъ ни одного доброго слова, не заступался—такъ какъ же можно было питать надежду на исправленіе? 11-е января должно было открыть глаза управленію, и самый крайній срокъ системы былъ, кажется, 1-го мая съ его амнистіей. Тогда управленіе должно было удостовѣриться, что оно ошиблось, и отложить прекрасную систему впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. А послѣ 1-го мая вѣдь обокраденъ банкъ, разбита почта, совершены убійства, и мало ли что понадѣлано, о чемъ и вспоминать горько!

«Вина лицъ, заботившихся о примѣненіи системы, состояла развѣ только въ томъ», догадывается авторъ разбираемой статьи, «что они честно, добросовѣтно и безъ задней мысли исполняли возложенныя на нихъ обязанности».

Нѣтъ, не въ томъ, отвѣчаю автору, они виноваты, а въ томъ, что они слишкомъ долго оставались въ очарованіи системы, которая оказывалась ежедневно несостоятельною, и долго медлили ея прекращеніемъ.

У насъ въ университетѣ былъ знаменитый профессоръ медицины Мудровъ. По счету клиники онъ вылѣчилъ тысячу двадцать горячекъ. При немъ и не слыхано было, чтобы кто-нибудь умеръ отъ горячки. (Нынѣ, говорятъ, горячки другого рода). Онъ, бывало, не прикасается къ больному и оставляетъ его лежать на покоѣ, въ сознаніи, что больного на болѣзнь станетъ. А чуть, душа, ты замѣтишь въ немъ такіе-то признаки, говорилъ онъ ординатору, то бѣги ко мнѣ بگیرимъ матомъ, лови, буди! И бѣжалъ ординаторъ, и вставалъ Мудровъ съ постели, и скакалъ въ клинику, и прописывалъ лѣкарства — и больной былъ спасаемъ. Знать время, опредѣлить срокъ, ловить моментъ — вотъ достоинство и заслуга во всѣхъ дѣлахъ, въ политикѣ, какъ и медицинѣ.

Но оставимъ эти тяжелыя воспоминанія, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе, что нѣтъ худа безъ добра. Старикъ Аксаковъ говаривалъ мнѣ часто, утѣшая, что Россія такой слонъ, которому чѣмъ глубже дашь рану, тѣмъ она скорѣе заплываетъ жиромъ. Дѣйствительно, мы трепетали всѣмъ сердцемъ во время варшавской неурядицы, были минуты, какихъ Россія не испытывала, можетъ быть, со времени междуцарствія, но слава Богу, все прошло, по крайней мѣрѣ, на время, и мы можемъ извлечь пользу изъ перетерпѣнныхъ бѣдствій, говоря словами автора: «Добросовѣстное осуществленіе системы сообщило нравственную опору нашему дѣлу, ибо мы заявили ею предъ лицомъ всего міра, что все было совершено нами для примиренія Поляковъ съ Русскимъ владычествомъ, для обезпеченія ихъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія. Она доставила намъ могучій аргументъ противъ дипломатическаго вмѣшательства Европы. Даже тѣ энергическія мѣры, которыхъ такъ настоятельно требуетъ теперь Русское общество, могутъ получить оправданіе свое лишь послѣ того, какъ испытаны были всѣ мѣры снисхожденности».

Намъ остается только пожелать (полагаю, можно и потребовать), чтобы маркизь Велепольскій положилъ вполнѣ свою систему, на французскомъ языкѣ, съ рукоприкладствомъ служившихъ въ его управленіи лицъ, о соблюденіи имъ всѣхъ правилъ, формъ и законовъ, въ продолженіи почти полутора года, объ ужасныхъ и о непосредственныхъ слѣдствіяхъ этой системы въ городѣ и Царствѣ, — для вящаго удостовѣренія европейскихъ державъ о несостоятельности ихъ требованій и нелѣпости шести пунктовъ. Европейцы, изъ его собственныхъ польскихъ устъ, должны теперь услышать, что не шесть, а шестнадцать, шестьдесятъ пунктовъ, нами самими придуманныхъ, и честно, добросовѣстно, благородно, исполненныхъ, не принесли никакой пользы.

Сознаваться въ ошибкахъ, столько естественныхъ при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, никогда не стыдно правительству, точно также, какъ и частному лицу, особенно если совѣсть чиста, и можетъ доказать отсутствіе всякихъ заднихъ мыслей.

Повинюсь и я: я долго думалъ, что Поляки могутъ отказаться отъ мысли о своихъ старыхъ завоеваніяхъ въ Россіи. Нѣтъ, я теперь удостовѣрился, что не только революціонеры, не только эмигранты, не только завязые Поляки, но даже самые смирные, любезные, добрые, не могутъ отстать отъ этой мысли: это выше ихъ натуры. Ну такъ я теперь и осуждаю свою старую мечту, и говорю, что на ней строить ничего нельзя, что изъ западныхъ русскихъ губерній должны быть выжиты Поляки, во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровожены по казенной надобности, съ деньгами, съ заемными на насъ письмами, съ ксеендзами, со всѣмъ скарбомъ и трауромъ, со всѣмъ движимымъ имуществомъ, а недвижимое, земля, наша кровная, Русская, — и Польша изъ нея ни пяди!

Чтоже касается до Польши, то, въ предѣлахъ ея языка, я желаю ей всякаго благополучія и всякой свободы, какой ей угодно, только безъ возможности вредить Россіи, *conditio sine qua non*.

Октября 7-го, 1863 г.

И Т О Г О .

× Братья, братья! Долго ли жь литься крови! Довольно, довольно! Вы видите, что ничего не выходит для васъ, для Польскаго дѣла, изъ вашихъ усилій. Только лишній, тяжелой грѣхъ берется на душу. Западныя державы обманываютъ васъ, проводятъ обѣщаніями для своихъ корыстныхъ цѣлей, играютъ вами, — и на нихъ надѣяться вамъ нечего. Неужели нынѣшнія событія въ дополненіе къ семидесятилѣтнимъ опытамъ не открываютъ вамъ глаза? Пруссія и Австрія, и даже вся Германія, не дадутъ вамъ пошевелиться, не только что-нибудь сдѣлать. Такъ переплелись ихъ выгоды!

А собственныя ваши партіи, аристократическая и радикало-республиканская, не готовы были разорвать на двое несчастную страну, — на двѣ!.. на мѣлкія части, на лоскутья. И какая добыча для лютыхъ враговъ нашихъ, ждущихъ, какъ воронъ крови, всякой войны.

Если вы можете на что надѣяться, такъ только въ согласіи, дружбѣ, тожествѣ съ нами.

Вы сами получили-было многое, очень многое, и въ самую лучшую минуту, обольщенные предательствомъ, опрокинули все вверхъ дномъ. Кто же виновать? Но время еще не ушло. Еще можно все поправить. Открывается прекрасный вамъ случай покончить все, искупить все, мимо званыхъ и незваныхъ посредниковъ, мимо аристократовъ, мимо радикаловъ, но не на томъ пути, по какому вы теперь идете. Вашъ путь вводитъ въ пагубу.

Западныя губерніи выкиньте только изъ головы. Тамъ Русь, которую ваши помѣщики умѣли такъ поставить противъ себя, что она ждетъ только сигнала броситься и не оставить духу польскаго у себя. Правительство удерживаетъ крестьянъ, но въ случаѣ войны и нападенія, они могутъ выйти изъ себя.

Братья, братья, забудемъ прошлое! Перестанемъ считаться. Никто еще не рѣшилъ, да и не рѣшить, не можетъ рѣшить никто, до страшнаго суда, кто кому изъ насъ больше долженъ, вы ли намъ, мы ли вамъ! Богъ, исторія и географія велятъ намъ жить вмѣстѣ. Будемъ молиться и стараться, чтобы вамъ и намъ жить становилось лучше и лучше. Да вѣдь ужъ такъ и дѣлается! Не все вдругъ! 25 милліоновъ Русскихъ крестьянъ получили свободу. Сеймъ въ Финляндіи открытъ. Городекія думы въ ходу. Гласное судопроизводство съ присяжными подготавливается. Земскимъ учрежденіямъ дается просторъ. Просвѣщеніе получаетъ новыя средства. Всѣ сословія уравниваются передъ закономъ. Свобода печати на чередѣ.

Повѣримъ всѣ вмѣстѣ нашему доброму Императору, Царю и Великому Князю, его же сердце въ руцѣ Божіей: вѣра наша спасетъ насъ!

Обдумайтесь, братья!

ПИСЬМО КЪ ИСТОРИОГРАФУ БОГЕМИИ, ПАЛАЦКОМУ.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочли мы ваши посланія объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Мы не ожидали иного взгляда отъ вашей исторической опытности, отъ вашей просвѣщенной любви ко всемъ Славянамъ, безъ различія ихъ народностей, наконецъ, отъ вашего уваженія къ истинѣ, которой вы служили съ такою ревностію впродолженіи всей своей трудной жизни. Мы не ожидали иного взгляда, и говорю я, но все таки намъ было очень пріятно, очень сладко удостовѣриться въ безошибочности нашихъ ожиданій, тѣмъ болѣе, что современныя и мѣстныя обстоятельства, очень сложныя, мѣшаютъ вообще во всехъ странахъ свободному, искреннему выраженію мнѣній умѣренныхъ, и, въ разгарѣ страстей, когда ослѣвленные и ожесточенные противники борются не на животь а на смерть, спорить съ большинствомъ, спорить съ молодымъ увлекающимся поколѣніемъ, въ ущербъ своей извѣстности, за которой въ наше время такъ любятъ гоняться, рѣшится не всякой. Гораздо безопаснѣе, гораздо выгоднѣе, молчать.

Отношенія у Польши съ Россіей, дружественныя большею частію въ древности, впоследствии сдѣлались враждебными, какъ то происходило вездѣ, между смѣжными государствами. Литва, совершенно особое племя, одинаково чуждое какъ Полякамъ, такъ и Русскимъ, покоривъ всю Западную часть Россіи, и соединясь потомъ съ Польшею, вслѣдствіе брака Ягайлы съ Ядвигою, подала новые поводы къ столкновеніямъ и распрямъ, и доставила Польшѣ на время перевѣсъ своими завоеваніями и приобрѣтеніями.

Русское поселеніе православнаго исповѣданія, въ девяти губерніяхъ, составляющихъ яблоко раздора между нами, подпало игу Польскому, которое было для нихъ до сихъ поръ тяжело ига Татарскаго. Чехи, зная какъ тяжело бываетъ въ такихъ случаяхъ чуждое иго, могутъ судить лучше всѣхъ, что потерпѣли Русскіе въ этихъ губерніяхъ подъ властію Поляковъ и католиковъ, при помощи іезуитовъ и жидовъ. Причины, дѣли и дѣйствія, какъ въ Чехіи такъ и на Руси, одинакія вмѣстѣ съ послѣдствіями.

Притѣсненія и гоненія подавали безпрестанно поводъ къ возстаніямъ Русскимъ. Войны продолжались съ переменнымъ успѣхомъ. Поляки приходили въ Москву, Русскіе заняли Варшаву. Поляки выбирали часто на престолъ къ себѣ Русскихъ царей, Русскіе звали Владислава. Было время, когда успѣхъ склонялся совершенно на сторону Поляковъ, и Польша могла сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ теперь сдѣлалась Россія. Поляки пропустили это благопріятное время, и напротивъ своими раздорами стали готовить свой упадокъ. Кто же виновать? Судьба, исторія!

Съ 1612 года, т. е. съ изгнанія Поляковъ изъ Москвы Пожарскимъ и Мининымъ, начинается новая, лучшая эра въ Русской исторіи, освобожденіе (а у васъ почти тогда же началась худшая—покореніе иноплемениками). Михаилъ Романовъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько уступокъ Польшѣ, чтобъ дать время успокоиться потрясенной странѣ. Сынъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, возвратилъ Малороссію съ Кіевомъ, при помощи казаковъ, выведенныхъ изъ терпѣнія жестокими мѣрами и дѣйствіями іезуитскими. А Польша слабѣла болѣе и болѣе. Свободныя избранія королей, при множествѣ иностранныхъ претендентовъ, продажность голосовъ, *liberum veto*, враждебныя партіи, необузданность дворянства, угнетеніе народа, довели ее до крайности. И Іоаннъ Казимиръ на сеймѣ, за сто слишкомъ лѣтъ до раздѣла Польши, предсказалъ ея гибель. Нѣмецкій элементъ, овладѣвъ Богеміей и Силезіей, основавъ Пруссію, охватывалъ и стѣснялъ Польшу со всѣхъ сторонъ, и она доставляла ему сама безпрестанно благовидные предлоги для нападенія. Произошли раздѣлы, по

мысли Фридриха Великаго, съ которымъ согласился Иосифъ II и Екатерина II. Должна ли была Екатерина воспользо-ваться благоприятными обстоятельствами, и возвратитъ Россіи ея древнее достоинство, страны, населенныя Русскимъ племенемъ, говоряща Русскимъ языкомъ, исповѣдующія Русскую вѣру? Пусть скажетъ какой нибудь государственный чело-вѣкъ въ Европѣ, какой нибудь историкъ, простой здравомы-слящій гражданинъ, что И. Екатерина должна была поступить такъ, что ей лучше былобъ отказаться отъ этихъ возвращеній? Нѣтъ, иначе было не возможно. И. Екатерина возвратила намъ впрочемъ еще не все Русскія владѣнія: до сихъ поръ восточная часть Галиціи, населенная тѣмъ же Русскимъ племенемъ, находится въ чужомъ владѣніи.

Наступили другія времена, новыя столкновенія и новыя обстановки.

Значительную часть собственной Польши Россія получила по праву войны, за содѣйствіе къ освобожденію Европы отъ ига Наполеонова, точно какъ Пруссія получила Померанію, Швеція Норвегію, Австрія Ломбардію, и проч. Александръ I, въ порывѣ великодушія, хочетъ возстановитъ Польшу, вопреки мнѣнію всѣхъ Европейскихъ политиковъ, даже намъ враждебныхъ, и когда, при какихъ обстоятельствахъ? Послѣ того какъ 80 тысячъ поляковъ, въ авангардѣ войска Наполеонова, отличались своими неистовствами на всемъ про-странствѣ пройденнаго имъ пути въ Россіи. Александръ возсоздаетъ Польшу, даетъ ей имя, даетъ конституцію, открываетъ наконецъ блистательную будущность, даже въ ущербъ Россіи, такъ что Карамзинъ долженъ былъ воору-житься противъ его намѣреній всею силою исторіи, красно-рѣчія и любви къ отечеству.

Опять счастливые виды для Польши, хоть и подъ другою формою—и опять Поляки не умѣютъ ими пользоваться, мѣ-шаютъ изъ всѣхъ силъ своему благодѣтелю. Въ самый мо-ментъ обнародыванія конститутіи, они выражаютъ явно свое неудовольствіе, и обнаруживаютъ желаніе границъ 1772 года, такъ что Русскіе государственные люди считаютъ себя обя-занными разсѣять очарованіе Государя, касательно благодар-

ности и удовлетворенія Поляковъ. И ктоже говорить ему правду, щадя, впрочемъ, всѣми силами его самолюбие? Новосильцевъ, товарищъ молодости, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ, передовыхъ людей его времени. Тоже подтвердилъ Ланской, очевидный свидѣтель обнародованія конституцій. Мы только что теперь узнали о существованіе этихъ важныхъ документовъ, скрывавшихся до сихъ поръ, къ удивленію, въ министерскихъ архивахъ. Предсказаніе Поццо ди Борго исполнилось слишкомъ скоро. Александръ I долго еще, впрочемъ, оставался при прежнихъ своихъ намѣреніяхъ, но вновь получаемыя свѣденія, даже открытые заговоры, заставили и его принимать другія мѣры. Тотъ же Новосильцевъ началъ приводить ихъ въ исполненіе, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ. Мы нисколько не одобряемъ многихъ стѣснительныхъ мѣръ, вынужденныхъ обстоятельствами и, преимущественно, грубой формы дѣйствій, которая оскорбляла Поляковъ болѣе всего, какъ самое щекотливое и самолюбивое племя между Славянами. О тяжело, тяжело вспоминать обо всѣхъ несчастныхъ недоразумѣніяхъ и съ той и съ другой стороны. Не оправдываться должны оба, а каяться.

Произошли возстанія 1830 и 1862 годовъ. Не нужно мнѣ и прибавлять, что оба возстанія образовались не внутри, а извнѣ, благодаря иностранному вмѣшательству, которое имѣло свои виды, отнюдь не Польскую пользу, — это ясно теперь для всѣхъ въ Европѣ, — и вотъ въ самомъ разгарѣ возмущенія, начавшагося вѣроломными ночными убійствами безоружныхъ людей, посреди пожаровъ, грабежей, насилий, клеветъ и прочихъ ужасовъ, Русское правительство принимаетъ систему, совершенно противоположную прежней, требованной обстоятельствами, какъ онѣ ему представлялись, систему снисходительности, и не только правомѣрности для Поляковъ, но и явной безнаказанности, потворства, съ совершенною почти автономіею, подъ начальствомъ поляка, Маркиза Велепольскаго. Самъ братъ Императорскій, В. К. Константинъ Николаевичъ, освящалъ ее своимъ соизволеніемъ и участіемъ: во всемъ Царствѣ Польскомъ, въ числѣ 16 тысячъ чиновниковъ, Рус-

скихъ оставлено только 8 на незначительныхъ мѣстахъ, а въ Россіи на службѣ чиновниковъ Польскихъ не 8 человекъ, не 8 тысячъ, а больше 18 тысячъ. Десять тысячъ политическихъ преступниковъ возвращены изъ ссылки или изгнанія. Поляки, слѣдовательно, могли удостовѣряться, такъ сказать, почти ежедневно, на самомъ дѣлѣ, что времена настаютъ для нихъ лучшія, и отнюдь не вслѣдствіе вѣнскихъ требованій, а вслѣдствіе внутренняго измѣненія во взглядахъ. Это было уже поздно, говорятъ иные. Нѣтъ не поздно, отвечаемъ мы, а именно въ свое время, потому что и въ самой Россіи, для Русскихъ подданныхъ, наступили времена точно такія же. Императоръ Александръ Николаевичъ освободилъ около 25 милліоновъ крѣпостныхъ крѣстьянъ, и надѣлилъ ихъ землею. Помилуйте — вѣдь это пять Польшей, да еще пять Польшей составляютъ казенные и такъ называемые удѣльные крестьяне, которые также получаютъ землю въ свою собственность. При такомъ событіи, съ коимъ соединялись уже какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, другія болѣе свободныя учрежденія, и давались даже задатки, можно бы терпѣливо подождать, что будетъ дальше! Можно было, пожалуй, заявить со скромностью, свои законныя народныя нужды или желанія, что было бы одобрено и всеми благомыслящими Русскими. Сколько залоговъ для успѣха, при заподлинно извѣстномъ благоволеніи Государя, при исполнявшейся въ очю системы Маркиза Велепольскаго. Нѣтъ. Поляки объявили во всеуслышаніе Европы, даже въ эпоху предложенія Западными державами у Россіи шести знаменитыхъ пунктовъ, (нелѣпой памяти), что они хотятъ непременно границъ 1772 года, т. е. требуютъ себѣ въ подданство 10 милліоновъ населенія (въ томъ числѣ 7 милліоновъ Русскихъ). Ну вотъ остальные 60 милліоновъ и встали, какъ одинъ человекъ, съ дворянами во главѣ! Да и у друзей Польскихъ, у Англичанъ и Французовъ, опустили руки, по отношеніямъ ихъ къ Австріи и Пруссіи! Что можно сказать о такой политической, безтактности, о такомъ отсутствіи простаго здраваго смысла!

И вотъ что я долженъ замѣтить: Границы 1772 года, это есть пунктъ помѣшательства у Поляковъ! Самые лучшіе, са-

мые расположенные къ Россіи, самые умѣренные, живущіе, служащіе въ Россіи, впродолженіи всей своей жизни, не могутъ согласиться, *чтобы это не была Польша*, а Россія. Недавно случилое мнѣ встрѣтиться съ однимъ старымъ знакомымъ, самымъ близкимъ человѣкомъ къ покойному Мицкевичу, чрезъ 40 лѣтъ почти послѣ того, какъ мы жили очень дружно вмѣстѣ въ Москвѣ. Мы обнялись какъ братья, но лишь коснулся разговоръ до западныхъ губерній, онъ никакъ не хотѣлъ назвать ихъ возвращеннымъ краемъ, а все называлъ забраннымъ. Нѣтъ это отнято у насъ, твердилъ онъ. А вамъ-то какъ оно доставалось, спрашивалъ я его напрасно.

По этой причинѣ я считаю долгомъ Русскаго правительства, не только въ отношеніи къ Русскому народу, но и въ отношеніи къ Польшѣ и ко всей Европѣ, выкупить или вымѣнить землю у Польскихъ помѣщиковъ въ западныхъ губерніяхъ, хоть на самыхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ, чтобъ тамъ не оставалось ни пяди Польскаго владѣнія, и такимъ образомъ, закрылся бы на всегда источникъ вражды и притязаній Польскихъ. Безъ надежды на присоединеніе къ себѣ западныхъ губерній, Польша по неволѣ должна будетъ успокоиться и оставить въ покоѣ Европу. Ктобы что ни говорилъ—это единственное рѣшеніе вопроса.

Теперь первенствуетъ въ Европѣ вопросъ о народностяхъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ: ну и пусть спросятъ Европейцы население девяти западныхъ губерній: за кѣмъ оно хочетъ остаться—за Россіей или Польшей. Европейцы получатъ единогласное рѣшеніе въ нашу пользу.

Я сказалъ, что вопросъ о народностяхъ существуетъ на словахъ: вы, разумѣется, горько улыбаетесь, какъ и всѣ мы, когда Европейцы употребляютъ это слово, говоря объ Итальянцахъ, Венгерцахъ или Нѣмцахъ, и храня могильное молчаніе о народности Болгаръ, Босняковъ, Черногорцевъ, Сербовъ, Русиновъ и прочихъ славянскихъ племенъ. Но это мимоходомъ.

Нелѣпыми, физически невозможными притязаніями своими, Поляки принесли намъ пользы гораздо больше, чѣмъ могли бы принести пять новыхъ крѣпостей и десять новыхъ побѣдъ.

Они помогли намъ, а не себѣ, нашему Русскому дѣлу, а не Польскому. Поляки связали насъ крѣпчайшими неразрывными узами съ нашими родными братьями, населяющими девять западныхъ губерній, которыхъ мы не предадимъ ни за что на свѣтѣ, — а безъ нихъ, безъ этого временнаго литовскаго завоеванія, Польша, стѣсненная нѣмецкими племенами со всѣхъ сторонъ, существовать отдѣльно политически не можетъ.

Не имѣя возможности существовать отдѣльно, Польша должна присоединиться къ которому нибудь изъ сосѣднихъ государствъ: соединиться ей съ королевствомъ Саксонскимъ, какъ прежде, съ Пруссіей или Австріей, гораздо хуже, вреднѣе, и даже гибельнѣе для ея національнаго дѣла, чѣмъ съ Россіей, что показалъ ей опытъ въ Силезіи, Познани, западной губерніи. Во всемъ Балтійскомъ поморьѣ, то есть въ нынѣшней Помераніи, Польскаго элемента какъ не бывало. Такъ случилось даже безъ нынѣшнихъ, насильственныхъ, іезуитскихъ мѣръ, которыя принимаются въ иныхъ областяхъ.

Слѣдовательно, не только политика, дипломатія, исторія, но сама географія, судьба, повелѣваетъ ей жить вмѣстѣ съ Россіей, для собственнаго благосостоянія, для развитія своей народности, которая погибла вся, или быстро погибнетъ вездѣ, кромѣ Россіи.

Это соображенія историческія, и такъ сказать, статистическія, но нельзя же не принять въ расчетъ и политики: можетъ ли такое государство, какъ Россія, допустить подъ бокомъ у себя существованіе враждебнаго ей гнѣзда, готоваго всякую минуту служить авангардомъ для любыхъ ея враговъ, какъ это было доказано во время войнъ французскихъ, турецкихъ, и какъ доказывается передъ нашими глазами.

Необходимость соединенія съ обѣихъ сторонъ одинакая: у Поляковъ географическая, у насъ политическая, у обѣихъ вмѣстѣ историческая.

Я самъ нѣсколько лѣтъ питалъ мечту объ отдѣльномъ существованіи Польши, но теперь рѣшительно убѣдился о совершенной невозможности, въ настоящихъ обстоятельствахъ

Европы, развѣ образуется когда нибудь восточный Европейскій или Славянскій союзъ! Но къ такому союзу путь не тотъ, что избирается Поляками!

Принужденные жить вмѣстѣ, мы должны думать о настоящемъ, желать лучшаго и возможнаго въ эту минуту, для насъ, для нашихъ дѣтей,—и вотъ совершается еще великое событіе, о которомъ собственно хотѣлъ я писать къ вамъ, принимаясь за перо, но увлекся невольнo воспоминаніями.

Событіе, съ которымъ могу поздравить васъ, какъ старшаго изъ славянскихъ дѣятелей и друзей, событіе, которымъ искупается много нашихъ грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ, въ отношеніи къ Польшѣ, которымъ должна начаться новая эра въ Польской исторіи, за которое Польша, Россія, Европа, все человѣчество, должны благодарить благодущнаго Александра II.

Новая Европейская исторія не представляетъ ничего подобнаго; ни наука, ни революція не доносились до этой высоты. Правительства не смѣли объ ней и думать, едва достигали мечтою самыя пламенные утопіи, и вотъ это великое социальное преобразование совершается въ отію, на всемъ востокѣ Европы, въ цѣлой ея половинѣ.

25 милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи получили землю съ свободой, указомъ 1861 года февраля 19. 25 милліоновъ казенныхъ, такъ называемыхъ, и удѣльныхъ крестьянъ пользовались ею уже прежде, а теперь уравниваются въ правахъ своихъ съ прочими. Наконецъ теперь, февраля 19, 1864 года, получаютъ свободу съ землею Польскіе крестьяне, числомъ 2 милліона, и къ нимъ вскорѣ должны присоединиться, можетъ быть, *1 1/2 милліона* Польскихъ пролетаріевъ, которые должны также получить себѣ надѣлы.

Мы ждемъ и ожидаемъ распространенія указовъ 19 февраля, (которое у насъ называется Александровымъ днемъ), на Остзейскія губерніи и Финляндію. Многіе нѣмецкіе помѣщики это понимаютъ, и вѣрно, уступая необходимости, вскорѣ устроятъ крестьянское дѣло, даже лучше нашего. Давай Богъ! Но Шведскіе дворяне, господствующіе въ Финляндіи, судя по нѣкоторымъ рѣчамъ и статьямъ, выражаютъ

свое неудовольствіе. Нельзя не удивляться, скажу мимоходомъ, снисходительности Русскаго правительства, которое въ Европѣ называютъ однакожь варварскимъ!

Да, на Востокѣ Европы образуется государство, съ 60 почти милліонами землевладѣльцевъ, и это государство, разумѣется, не должно бояться никакой западной революціи, будучи по естеству своему самаго охранительнаго свойства: есть надѣтьмъ задуматься европейскимъ политикамъ, и они задумываются!

Не съ насиліемъ ли, не съ ущербомъ ли, не съ несправедливостію ли, спросите вы, совершается это громадное преобразованіе, которому лѣтописи народовъ не представляютъ ничего подобнаго!

Отвѣчая вообще, нельзя и думать, чтобы не потерпѣли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые частные интересы. И не при такихъ событіяхъ они терпѣть должны! Таковъ есть искони порядокъ человѣческихъ вещей. Безъ жертвъ никогда, ничего, нигдѣ, не происходитъ великаго. Но что значать эти частныя потери съ общими благими послѣдствіями для цѣлаго народа, для Европы, для человѣчества.

Позвольте мнѣ прежде всего отвѣчать на вами предлагаемый вопросъ, относительно Русскаго дворянства. Современная исторія должна занести въ свои лѣтописи его великодушіе. Образомъ своихъ дѣйствій, впродолженіи великаго переворота, своею готовностію къ принесенію значительныхъ жертвъ, своею терпѣливостію въ дѣйствительно стѣснительномъ положеніи, оно пріобрѣло новое право на благодарность отечества. Къ этому праву присоединяется новое, которое получаетъ особенно цѣну, вслѣдствіе вышечисленныхъ обстоятельствъ: дворяне наши съ безиримѣрнымъ одушевленіемъ, во главѣ прочихъ сословіи, явились на защиту цѣлости, неприкосновенности Россіи, лишь только въ прошломъ году угрозила ей опасность съ запада. Европа, къ удивленію своему, получила въ ихъ искреннихъ, горячихъ чувствахъ любви къ отечеству, торжественное доказательство Русскаго единодушія и вмѣстѣ твердости нашего государственнаго состава; благодаря этому событію, западныя непріязненныя намъ державы принуждены были отказаться отъ своихъ притязаній.

Такое прекрасное настроеніе дворянства не должно однакоже успокоивать правительство, а напротивъ возбуждать, увеличивать его усилія, о вознагражденіи какъ можно скорѣе, тѣмъ или другимъ образомъ, понесенныхъ убытковъ, о доставленіи дворянамъ средствъ поставить свои хозяйства на новую ногу, что при вольно-наемномъ трудѣ, требуетъ большихъ жертвованій. Разумѣется, какія нибудь мѣры будутъ непременно приняты вскорѣ правительствомъ, которое сознаетъ ихъ необходимость, законность и справедливость лучше всѣхъ. Въ этомъ состоятъ самыя горячія желанія всѣхъ благомыслящихъ людей въ Россіи, безъ различія сословіи. Великое дѣло наше должно совершаться къ общему всѣхъ удовольствію, и никто не долженъ оставаться недовольнымъ.

Когда остальные недоразумѣнія съ этой стороны уяснятся, и экономическія дѣла будутъ приведены въ порядокъ, какъ дворянскія, такъ и крестьянскія, тогда опредѣлятся собственно и новыя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ между собою, съ возстановленіемъ древней патріархальности, и отстраненіемъ стараго барства, тогда начнется дѣйствительно новая эра народнаго развитія, о которомъ мечталъ нѣкогда со мною одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и лучшихъ людей Россіи, нами недавно потерянный Архіепископъ Иннокентій, второй-первый ораторъ нашего времени.

Послѣ этого эпизода, за который извините, (начавъ говорить съ вами, я хотѣлъ высказать вамъ все, въ чемъ ваше славянское сердце можетъ принимать живое участіе), я продолжаю разсужденіе объ освобожденіи Польскихъ крестьянъ.

Помѣщики Польскіе не имѣютъ никакого права жаловаться на эту мѣру, когда ей подверглись въ такой же почти степени, и еще прежде, Русскіе помѣщики, не смотря на то, что Русскіе помѣщики находятся совершенно въ другихъ отношеніяхъ, и къ правительству, и къ самимъ крестьянамъ, чѣмъ Польскіе. Слѣдовательно здѣсь напрасно непріязненныя для Россіи люди, желая лишить ее чести исторической видять какое-то наказаніе, умыленное стѣсненіе, ослабленіе или разореніе сословія. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ наказанія, а

распространеніе мѣры, принятой совершенно одинаково для всей Россіи: 2 милліона Поляковъ освобождаются точно также, какъ уже освобождены 25 милліоновъ Русскихъ!

А наказаніе, замѣчу мимоходомъ, отнюдь не было бы незаконнымъ, или даже излишнимъ. Дворянство Польское не только не оказало правительству никакого пособія при уничтоженіи мятежа, а напротивъ, ставило ему всевозможныя препятствія, питая мятежъ деньгами и людьми: оно заслужило по вѣсьмъ гражданскимъ законамъ соотвѣтственное наказаніе, и если покоряемые города, занимаемая непріателемъ область, платятъ контрибуціи, подвергаются различнымъ экзекуціямъ и конфискаціямъ, то я не понимаю, кто рѣшился бы въ этомъ случаѣ обвинить Русское правительство, еслибъ оно отдало земли крестьянамъ безъ вознагражденія помѣщиковъ. Взять ихъ себѣ въ казну и то было бы даже не несправедливо.

Съ другой стороны—какъ судили о правахъ дворянства герои французской революціи, люди 1789 года, которыхъ принимаютъ въ образецъ молодые прогресисты!

Русское правительство поступаетъ иначе, оно опредѣляетъ вознагражденія Польскимъ, виноватымъ противъ него, даже уличеннымъ помѣщикамъ, на основаніяхъ весьма снисходительныхъ. Если Польскіе крестьяне получаютъ болѣе льготы, чѣмъ Русскіе, то оставаясь столько времени, въ продолженіи всей исторіи, на положеніи илотовъ, по свидѣтельству историковъ, и вмѣстѣ сохранивъ вѣрность при началѣ мятежа, они заслужили это облегченіе относительно своихъ помѣщиковъ.

Народовый жондъ видѣлъ необходимость этой мѣры, по своимъ особымъ соображеніямъ, равно какъ и земледѣльческое общество Графа Замойскаго, но они не хотѣли ни какъ отказаться отъ юрисдикціи, отъ исключительнаго права шляхты занимать мѣста войтовъ гминъ, а съ этимъ правомъ рабство крестьянское измѣнило бы только свой видъ. Русское правительство пошло гораздо дальше, и поступило гораздо либеральнѣе: оно устанавливаетъ сельское самоуправленіе.

Съ какой точки ни посмотрѣть на это освобожденіе, оно выдержитъ, какую угодно строгую критику. И самые ярые прогресисты Луи Бланы, Ледрю Роллены, Прудоны, всѣ соціальные радикалы, должны сознаться, что сѣверному деспо-

тизму посчастливилось однимъ почеркомъ пера совершить такое дѣло, о которомъ они безъ страха и думать не смѣли, даже среди своихъ демократическихъ *ria desideria*: крайности сошлись! А отдають ли они справедливость, перевозносятъ ли они заслуженными похвалами это великое дѣло? Нѣтъ, они молчатъ, или произносятъ сквозь зубы неопредѣленные двусмысленные звуки! Такова сила предубѣжденій, таково вліяніе пристрастія! Неотвратительно ли становитея читать, послѣ такой вопиющей несправедливости, въ газетахъ и журналахъ, общія мѣста и риторическія возгласы объ общей пользѣ, о любви къ человѣчеству, о содѣйствіи благостоянію массъ! Слова, слова и слова! Мѣдь звѣнящая, и кимвалъ бряцающій!

Какъ примется, какъ удастся сельское самоуправленіе въ Польшѣ, теперь вводимое, это неизвѣстно. Народъ загнанный, забитый, скоро ли сознаетъ свое человѣческое и гражданское достоинство, это вопросъ, который рѣшитъ время!

Дѣло сопряжено съ величайшими затрудненіями, кромѣ действительныхъ, такъ сказать, матеріальныхъ, связанныхъ съ его сущностью, есть много нравственныхъ и случайныхъ.

Препоручить исполненіе Польскимъ чиновникамъ не было никакой возможности, какъ лицамъ, враждебно заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, какъ связаннымъ историческими узами съ тѣмъ сословіемъ, котораго мнимыя права и выгоды тутъ нарушаются.

Царь поручилъ исполненіе тѣмъ же лицамъ, которыя работали по устройству крестьянскаго дѣла въ самой Россіи: никакого выбора нельзя было сдѣлать лучше, безпристрастіе, благонамѣреніе. Здѣсь Поляки совершенно уравниваются съ Русскими. Много нужно было нашимъ дѣятелямъ имѣть мужества и ревности къ общему благу, чтобы принять это мудреное, и вмѣстѣ опасное порученіе. Честь имъ и слава за ихъ готовность на всякія раны.

Незнакомство съ Польскимъ языкомъ затруднить сначала много нашихъ чиновниковъ; говорю сначала, потому что они скоро выучатся. Не могу здѣсь не упрекнуть кстати нашихъ професоровъ Славянскихъ нарѣчій, которые,

виродженіи 25 слишкомъ лѣтъ, не издали ни одной Славянской грамматики, ни одной христоматіи, ни одного словаря, и не учили порядочно молодыхъ людей нарѣчіямъ, а занимались археологическими изслѣдованіями, очень полезными и похвальными, но только по удовлетвореніи воюющихъ нуждъ.

Всѣ благомыслящіе Поляки, искренно любящіе отечество, должны привѣтствовать возрожденіе Польскаго народа и настоящее призваніе его къ новой политической жизни, изъ подъ гнета аристократіи, изъ подъ гнета какихъ вѣдучь 200,000 человекъ, со включеніемъ даже и мелкой шляхты. Всѣ благомыслящіе Поляки должны стараться, чтобъ это освобожденіе было приведено въ исполненіе наилучшимъ образомъ.

Священная обязанность лежитъ преимущественно на людяхъ средняго сословія, чиновникахъ, духовенствѣ.

Они должны, образумившись, возвысившись надъ частными личными соображеніями, пренебечь угрозою подземнаго жонда съ его кинжалщиками и вѣшателями, подать руку помощи настоящему Русскому правительству и его достойнымъ представителямъ, и содѣйствовать учрежденію новаго порядка, равно какъ и водворенію вообще спокойствія. Къ нимъ должна бы присоединиться и лучшая часть мелкой шляхты, освободясь изъ подъ страха Іудейскаго.

Грустно, что два главныхъ представителя Польскаго народа, Лелевель и Мицкевичъ, съ которыми я часто имѣлъ случай бесѣдовать о судьбахъ его, не существуютъ болѣе. Хотя они, какъ истые Поляки, были несогласны между собою, одинъ держась партіи аристократовъ, другой партіи демократовъ, но въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и о надѣлѣ ихъ землею, они вѣрно сошлись бы, и вмѣстѣ возблагодарили Русское правительство. Ихъ мощный голосъ вѣрно возымѣлъ бы благодѣтельное дѣйствіе на ихъ соотечественниковъ, по крайней мѣрѣ, многихъ!

Обращусь и здѣсь къ самой партіи радикаловъ. Опомнитесь, образумьтесь! Вы причинили много зла своему отечеству, хотя и желали ему искренно, положимъ, добра, вы приняли

много грѣховъ на свою душу, искупите часть ихъ, явитесь съ повинною головою къ Русскому благодушному Царю. Такъ велитъ исторія. Поймите, наученные новымъ опытомъ, что только въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ возродиться.

Противъ рожна прати не возможно.

Прочіе Славяне, находящіеся внѣ круга дѣйствія, но принимающіе къ сердцу судьбу Славянскаго племени, прочіе славяне, которые могутъ вѣрнѣе и безпристрастнѣе судить о настоящемъ моментѣ въ Славянской, Польской и Русской исторіи, обязаны всѣми силами содѣйствовать ихъ убѣжденію, ихъ перевоспитанію. Славяне должны только судить не по газетамъ, подкупленнымъ польской аристократіей, а по натурѣ. Пусть пріѣдутъ они къ намъ посмотрѣть, послушаютъ народъ, и скажутъ свое мнѣніе во всеуслышаніе. Прибавлю, что они должны поступить такъ не только для поляковъ, для Русскихъ, но для себя.

Россія, съ помощію, а не помѣхою Польши, можетъ принести болѣе пользы для Славянъ, чѣмъ теперь. Вотъ чего боятся западныя государства, природные враги Россіи и Славянъ, вотъ почему мы особенно обрадовались, мы Русскіе, вашему благородному голосу и голосу вашего воспитанника и родственника г. Ригера, увѣренные, что Чешская молодежь, увлекшаяся благовидными признаками, задумается надъ вашими убѣжденіями, и измѣнитъ свое настроеніе.

На высшее дворянство, на эмигрантовъ Польскихъ, нельзя возлагать никакой надежды. Напротивъ, оно заклятый врагъ освобожденія крестьянъ на такомъ либеральномъ основаніи, какое положено Русскимъ правительствомъ, вслѣдствіе своего историческаго преданія, и вслѣдствіе своего природнаго эгоизма, соединеннаго искони съ презрѣніемъ крестьянъ, вслѣдствіе ревности къ Русской иниціативѣ. Польская заграничная аристократія возбудила самое возстаніе, рѣшилась соединиться даже съ отчаянными радикалами, почуявъ въ освобожденіи Русскихъ крестьянъ приближающуюся къ себѣ грозу. Задѣтая за живое, получа себѣ ударъ прямо въ сердце, она употребитъ, разумѣется, всѣ оставшіяся у нее

средства, помѣшать исполненію великой мѣры, но Богъ милостивъ! Удовольствіе, восторгъ трехъ милліоновъ, авось заглушаютъ шипѣніе пяти тысячъ, даже съ дополненіемъ двухъ сотъ тысячъ подчиненной имъ шляхты.

Ненависть къ настоящей свободѣ породила самое Польское возстаніе. Вотъ какъ Поляки понимаютъ свободу, вотъ какъ они желаютъ свободы своему собственному народу, не только Русскому въ западныхъ губерніяхъ! А Европейскіе публицисты, даже либеральные, искренніе и честные, закричали въ одинъ голосъ за Польское возстаніе, противъ мнимыхъ притязаній Русскаго деспотизма, противъ угнетенія Польской народности; каково ослѣпленіе!

На аристократовъ, повторяю, надѣяться нечего. Имъ не судилъ видно Богъ, какъ древле Израильтянамъ увидѣть землю обѣтованную, и они должны перемереть въ пустынь, на чужбинѣ, въ безысходномъ странствіи.

Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ брошюру Прудона, который, надо отдать ему честь, изобразилъ пагубное вліяніе дворянства на развитіе Польской Исторіи, ясно и разительнo. Не могу удержаться отъ выписки его словъ: «Национальность Польская состоитъ исключительно въ дворянствѣ: чтоже имѣетъ общаго эта дворянская каста съ Европою демократическою, равенственной и конституціонною. Эти дворяне, обезсиливъ своихъ королей, вирожденіи 400 лѣтъ, призывали къ себѣ на престолъ князей Венгерскихъ, Литовскихъ, Французскихъ, Трансильванскихъ, Шведскихъ, Саксонскихъ. Съ какимъ же лбомъ жалуются они теперь на подданство государямъ Прусскимъ, Австрійскимъ и Русскимъ. Вы никогда не умѣли быть Поляками, и вы говорите о народности» (с. 84).

И знаете ли вы, что я думаю, скажу здѣсь кстати, объ аристократіи шляхты Польской? Мнѣ кажется, что она имѣетъ въ себѣ значительную примѣсь крови западной, не Славянской, а Кельтической. Я сообщалъ эту мысль Шафарику, при первомъ ея появленіи въ моемъ сознаниі.

Завоеватели, пришлое племя, которое основало государство въ Польшѣ въ предѣ историческое время, было вѣрно

гораздо многочисленнѣе, плотнѣе, гуще, чѣмъ напримѣръ пришедшее племя къ намъ, т. е. Норманны, которые впродолженіи 200 лѣтъ совершенно ославянились, и потеряли свои отличія. Мальт-Брюнъ еще, не помню на какомъ основаніи, предполагалъ въ Польшѣ существованіе двухъ племенъ, покорившаго и покореннаго. Пришлецы Польскіе сохранили болѣе своей стихіи. Такъ объясняю я тѣ черты въ характерѣ Польскомъ, коими Поляки отдѣляются отъ прочихъ Славянъ. Между этими чертами я укажу теперь на двѣ: первая—совершенное отчужденіе отъ прочихъ Славянскихъ племенъ, которыхъ Польша никогда знать не хотѣла, хоть и жила рядомъ съ ними, точно какъ не хотятъ знать и теперь. Вторая черта—презрѣніе къ собственному племени, т. е. къ крестьянамъ, что свидѣлствуется всеми мѣстными наблюдателями, и происходящая отсюда ненависть между сословіями. Вотъ почему Польскіе крестьяне отнеслись такъ непріязненно къ мятежу! Въ этомъ отношеніи Польское дворянство совершенно отличается отъ Русскаго, которое даже при крѣпостномъ правѣ сохраняло болѣе или менѣе патріархальныя отношенія. Въ подтвержденіе моей догадки я слышалъ недавно отъ одного путешественника, что въ фізіогноміяхъ шляхты и крестьянъ, примѣчается явственное различіе. *

Я надѣюсь, что Польскіе молодые патріоты не посѣтуютъ на меня за это породненіе Поляковъ съ западными народами, и согласятся, что я плачу имъ слишкомъ великодушно за ихъ утвержденіе о Татаро-Финскомъ происхожденіи Москалей. Говорю такъ, соображаясь съ ихъ образомъ мыслей: что касается до меня—я не промѣняю своей Славянской крови ни на родство съ Нерсидскими Пасаргадами.

Какъ вы думаете о моемъ гадательномъ предположеніи? Нѣтъ ли въ Чешской исторіи какихъ нибудь признаковъ соотвѣтственныхъ?

Сколько мнѣ случилось замѣтить, Польской ненависти и гордости у вашихъ дворянъ нѣтъ. Но нѣкоторая отдѣльность

* Князь Одоевскій находитъ въ музыкѣ древніе слѣды чуждаго вліянія. Смот его статью въ газетѣ „Русскій“.

существуетъ. Хотѣлось бы мнѣ побывать еще разъ въ Богеміи, но опасаясь неприятностей отъ Австрійской полиціи за мои старья, впрочемъ, открытыя заявленія. Могу увѣрить ее, что, ревностный панславистъ, съ лѣтами и опытами, я успокоился, остылъ, и желаю теперь Славянамъ только равноправности, подъ какимъ бы они правленіемъ ни находились, — равноправности, довлѣющей Европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія.

Толкуя о ходѣ Европейскихъ дѣлъ, въ лекціяхъ о политической Исторіи въ Московскомъ Университетѣ, я говорилъ, когда-то, что непременно устроится въ Европѣ судъ Амфиктіоновъ для мирнаго рѣшенія между народныхъ распрей вмѣсто кровопролитныхъ войнъ. Покойный Священный союзъ, нынѣшнее предложеніе Наполеона, какую бы подкладку ни имѣли, — это корректуры будущаго суда Амфиктіоновъ. Почему бы en attendant, историкамъ и ученымъ, безъ всякаго сношенія съ политикою, дипломатіею и бюрократіею, не дѣлать опытовъ рѣшенія на своихъ сѣздахъ нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ наукою. Что скажете вы объ этой мысли? Но письмо мое слишкомъ длинно. Мнѣ хотѣлось съ одной стороны содѣйствовать вразумленію вашей молодежи, и указанію ей пути, по коему она можетъ принести пользу Полякамъ, а съ другой извѣстить васъ объ успѣхѣ великаго преобразования, которое оказывается въ Россіи, и ожидается въ Польшѣ. Прибавлю, что намъ недостаетъ теперь болѣе свободной печати, т. е. возможности выражать искренно и свободно мнѣніе о Государственныхъ вопросахъ, и представлять правительству свѣдѣнія, которыхъ оно не можетъ получить отъ своихъ чиновниковъ, имѣющихъ личные при нихъ виды. Правительство занимается теперь вопросомъ о печати, и мы твердо надѣемся, что свободно безъ необузданности, впрочемъ, печатью * увѣнчаются преобразования нашего любезнаго Государя Александра Николаевича, который вписываетъ свое имя неизгладимыми чертами въ летописи Россіи, Польши, Славянства и Европы.

Апрѣля 28, 1864 г.

* Мы пишемъ ее теперь.

О КНИГЪ Г-НА ШЕДО-ФЕРРОТИ.

Считаю долгомъ подать свой голосъ о книгѣ г. Шедо-Ферроти, тѣмъ болѣе, что она до меня и лично коснулася.

Фридрихъ Великій осматривалъ какую-то крѣпость. Комендантъ, не встрѣтивъ его пушечными выстрѣлами, извинялся предъ нимъ такъ: сто причинъ есть тому, что я не могъ салютовать ваше величество. Во-первыхъ—у меня нѣтъ пороха...—Довольно, довольно, перервалъ король, другихъ причинъ знать мнѣ не нужно.

Г. Шедо-Ферроти говоритъ (с. 180, 182, 184), что образъ управленія въ Польшѣ, отъ іюня 1862, до октября 1863 года, опредѣленъ былъ отношеніями къ намъ Европейскихъ государствъ, въ коихъ общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Россіи, и имѣло вліяніе на самыя правительства. Всякая крутая мѣра съ нашей стороны, и въ особенности отозваніе Великаго Князя, которое показало бы перемѣну его системы, могло подать поводъ къ объявленію намъ войны, а къ войнѣ были мы не готовы. Слѣдовательно, мы должны были больше всего стараться выиграть время для своихъ приготовленій, и потому смотрѣть сквозь пальцы на пожаръ, охватывавшій царство, то-есть изъ двухъ угрожавшихъ золъ, мы должны были избрать меньшее: обезпечить оборону своей страны, хотя бы мятежъ чрезъ то безъ энергическихъ мѣръ и продлился долѣе.

Если это такъ, если, по высшимъ государственнымъ соображеніямъ, дѣйствовало Варшавское правительство, то и толковать объ этихъ дѣйствіяхъ нечего, по примѣру

Фридриха Великаго. Такъ должно было! Никто не осмѣлится, никто не сочтетъ себя въ правѣ сказать слово противъ такихъ соображеній. Скажу болѣе—онѣ кажутся правдоподобными, благовидными, и, можетъ-быть, заключали въ себѣ на ту пору долю справедливости.

Но вѣдь онѣ вынуждались крайностію, говорите вы сами, но вѣдь образъ дѣйствій, опредѣленный ими, вы сами называете зломъ, такъ зачѣмъ же на ста страницахъ слишкомъ вы силитесь доказать, что онѣ былъ добромъ. Вотъ что прежде всего и приводитъ вашихъ читателей въ негодованіе. *Qui prouve trop, ne prouve rien.*

На всякій предметъ можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ, особенно въ разные времена. Систему графа Велепольскаго всѣ мы, Русскіе, (и самъ г. Шедо-Ферроти), должны назвать зломъ, въ отношеніи ко времени ея приложенія, отъ іюня 1862, до октября 1863, но она была бы, можетъ быть, добромъ, еслибъ была употреблена княземъ Паскевичемъ или княземъ Горчаковымъ. Все хорошо въ свое время!

(Въ 1839, 1843, и наконецъ, наисильнѣйшимъ образомъ, въ 1856 году, я самъ имѣлъ случай писать о пользѣ и необходимости подобной системы для того времени.) *

Теперь я пойду далѣе г-на Шедо-Ферроти, и скажу, что система графа Велепольскаго, которую Великій Князь Намѣстникъ, впродолженіи 16 мѣсяцевъ, поддерживалъ съ непоколебимою твердostí, достойною лучшаго предмета, принесла, и приноситъ намъ великую пользу, отнимая послѣдній предлогъ у противныхъ партій. Такъ строить Русскій Богъ, извлекая для насъ добро изъ самаго зла. Мы имѣемъ теперь полное право сказать, что готовы были дѣлать для Поляковъ все возможное и сверхъ возможнаго, представляли тому осязательныя доказательства, испытывали всѣ примирительныя средства, въ самый разгаръ мятежа, въ эпоху убійствъ, грабежей, пожаровъ и всякихъ оскорбленій,—но Поляки ничѣмъ

* См. выше с. 49.

не были довольны, продолжали неистовствовать, призывать чуждую помощь, и даже требовать Русскихъ земель опять подъ свое иго, ну такъ мы и нашлись принужденными, по закону самосохраненія, для собственной защиты, и дѣйствовать иначе: кто можетъ сказать что-либо противъ этого!

Но вѣрно ли, что система графа Велепольскаго, съ соизволеніемъ Великаго Князя, удерживала Европейскія державы отъ объявленія войны Россіи, и давала ей средства приготовиться къ оборонѣ. Едва ли! Если бы западныя державы рѣшались на войну, такъ онѣ зазнамо не далибъ намъ времени къ ней приготовляться себѣ на голову. Онѣ поспѣшили бы воспользоваться нашею безпомощностію, чтобъ напасть врасплохъ, какъ во время Крымской войны. Не посмотрѣлибъ онѣ на то, что Великій Князь слѣдуетъ въ Варшавѣ системѣ самой милосердой и примирительной. Они увѣрены вѣдь были, что Русское правительство исполнено самыхъ лучшихъ намѣреній въ отношеніи къ Польшѣ, и, слѣдовательно, хотѣли войны или грозили, медлили войною, совѣтъ по другимъ причинамъ, независимымъ отъ образа дѣйствій нашихъ въ Польшѣ. Что же касается до предлоговъ, то имъ не мудрено было найдти ихъ и кромѣ отозванія Великаго Князя, напри- мѣръ въ отношеніяхъ къ католической церкви, въ Прусской конвенціи, въ отвѣтныхъ депешахъ князя Горчакова, и т. п. Нѣтъ, Европейскія державы или не хотѣли войны, или, подобно намъ, не были къ ней готовы. Точно такъ и сами Поляки возмущались не изъ-за системы, совершенно измѣнившейся въ лучшую для нихъ сторону, не изъ-за образа дѣйствій, принявшаго благопріятный для нихъ оборотъ, но по особымъ видамъ своимъ, и для особыхъ цѣлей, что представляетъ очень ясно самъ г. Шедо-Ферроти. Онъ говоритъ, что двѣ главныя партіи Польскія, не смотря на свое несогласіе, рѣшились вмѣстѣ возстать, въ надеждѣ на иностранную помощь: бѣлые за то, что Русское правительство готовилось освободить ихъ крестьянъ съ поземельнымъ надѣломъ, а красные, ища полной независимости, съ границами 1772 года.

Слѣдовательно, Европейская война, Польскій мятежъ и система Русскаго управленія въ царствѣ на ту пору, не имѣли, кажется, никакого отношенія между собою. Это были явленія отдѣльныя, безъ всякаго взаимнаго вліянія, и смѣшивать ихъ ни коимъ образомъ не должно.

Теперь мы видимъ это ясно, но тогда, повторяю, можетъ быть, дѣла представлялись иначе: у страха глаза велики!

Здѣсь я могъ бы кончить мои замѣчанія на книгу г-на Шедо-Ферроти заключеніемъ, что для государственныхъ людей вообще часто бываетъ гораздо выгоднѣе, полезнѣе, приносить болѣе чести и славы въ общественномъ мнѣніи, сознаться въ ошибкѣ, чѣмъ въ другой разъ доказать даже свою справедливость самымъ осязательнымъ образомъ. Ошибка графа Велепольскаго могла произойти изъ прекраснаго источника, (пусть однакожъ онъ изложитъ намъ ея исторію). А что касается до Великаго Князя, то, оставаясь 16 мѣсяцевъ съ перваго дня по прибытіи подъ выстрѣлами предателей, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, и ни на минуту не измѣнивъ первоначальному характеру своей задачи образумить Поляковъ великодушіемъ и милосердіемъ, — если она была такъ опредѣлена свыше, — онъ не нуждается ни въ какой защитѣ. Здѣсь, говорю, я могъ бы кончить, свои замѣчанія, но рѣшаюсь еще потолковать о системѣ графа Велепольскаго заднимъ числомъ, не въ судъ ему и не въ осужденіе, а только для очищенія нашихъ понятій, въ историческомъ смыслѣ.

Г. Шедо-Ферроти говоритъ, с. 147, что «Великій Князь не могъ осуждать одинаково виноватыхъ съ невиноватыми, преступниковъ и мятежниковъ смѣшивать съ Польскимъ народомъ; онъ не могъ и не долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ стѣснительнымъ для цѣлой націи, къ дѣйствіямъ стремительно-жестокимъ (*violents*), которыя хороши для покоренія страны, но оставляютъ всегда въ сердцахъ сѣмена ненависти,» и пр.

Смѣемъ увѣрить г-на Шедо-Ферроти, что никто въ Россіи подобныхъ мѣръ и дѣйствій не желалъ и не требовалъ,

никто не говорил ни слова въ осужденіе вообще системы великодушія, милосердія, законности, — но развѣ предупредительныя мѣры противъ ночнаго убійства Русскихъ солдатъ на 11 января, или противъ ограбленія банка, для охраненія дорогъ, нарушали бь такую систему? Что есть общаго между ними? Въ управленіе графа Велепольскаго уголовныя слѣдствія оканчивались всегда почти ничѣмъ, виноватые и подозрѣваемые оправдывались, все намѣренія правительства узнавались заранѣе мятежниками, даже военные планы передавались бандамъ, плѣнные повстанцы по нѣскольку разъ выпускались изъ крѣпости, и опять туда попадали; почты перехватывались, желѣзныя дороги и телеграфы повреждались, убійства умножались. Внутри Варшавы образовалось сильнѣйшее правительство, которое дѣлало, что ему угодно: собирало подати, печатало указы, выдавало паспорта. Безъ Русскихъ чиновниковъ нельзя было обойтись, а они все до одного были удалены, и мятежь, благодаря такому образу дѣйствія съ нашей стороны, усиливался и распространялся не день ото дня, а часъ отъ часу. Чѣмъ мягче дѣйствовало правительство, тѣмъ яростнѣе принимались мятежники, приписывая робости, слабости, требованія Европыскихъ державъ, все получаемаыя льготы. Употребляемыя ими во зло, онѣ приносили пользу имъ, а не намъ. О какой же системѣ законности говорить Г. Шедо-Ферроти, среди всехъ этихъ очевидныхъ беззаконій?

Система графа Велепольскаго дѣлалась системою не законности, а безнаказанности, потворства, которая и приводила въ негодованіе всехъ Русскихъ людей, безпрестанно удостоившихся, что огонь хотятъ въ Варшавѣ погасить масломъ.

Нѣтъ, сильно ошибается г. Шедо-Ферроти, повторяя въ разныхъ оборотахъ, что для мятежниковъ всего опаснѣе было возвращеніе къ законности, исполненіе данныхъ обѣщаній, прекращеніе произвольныхъ арестовъ, соблюденіе обыкновеннаго порядка дѣлъ, не смотря на волненіе страны — и что только такія мѣры могли уничтожить планы заговорщиковъ.

Нѣтъ, такія мѣры не могли уничтожить планы заговорщико-въ, а могли содѣйствовать всего лучше ихъ исполненію, что дѣйствительно и не замедлило. Когда безпримѣрное снисхожденіе Великаго Князя послѣ покушенія на жизнь его, когда самая амнистія не подѣйствовали нисколько, тогда ясно стало для всѣхъ, какъ день, кромѣ маркиза Велепольскаго, что время его системы прошло, и что никакія доказательства искренности не поведутъ ни къ чему, кромѣ пропасти. *

Московскія Вѣдомости отнюдь не производили движенія, а служили только вѣрнымъ отголоскомъ, и въ этомъ отношеніи принесли значительную услугу общему дѣлу. Скажу болѣе — до печати не доходило еще многое, что обращалось въ рукописяхъ и устныхъ сообщеніяхъ. Я укажу, напримѣръ, на одно письмо, подписанное современникомъ 1812 года, и принадлежащее С. А. Маслову, котораго нельзя заподозрить ни въ пристрастіи, ни въ предубѣжденіи...

Система графа Велепольскаго продолжалась 16 мѣсяцевъ, и ни одного признака не показывалось къ лучшему, опасность возрасла до высочайшей степени, и не видать было конца мятежу, а графъ Велепольскій стоялъ все-таки на своемъ!

Еслибъ приложить ту же систему къ западному краю, тогда, хоть и не прощай Россія, то, по крайней мѣрѣ, Польскій вопросъ рѣшился бы навѣрное не въ ея пользу.

Къ счастью, ген. Муравьевъ поступалъ иначе, и мѣры его оказали спасительное дѣйствіе въ западномъ краю, мятежь тамъ былъ тотчасъ укрощенъ, и точно также былъ бы онъ укрощенъ, заключаемъ мы, и въ Царствѣ Польскомъ, еслибъ тамъ образъ дѣйствій былъ тверже и строже, при соблюденіи всѣхъ требованій справедливости, безъ раздраженія

* Въ этомъ же смыслѣ г. Шедо-Ферроти, говоря, что мятежники не участвовали въ покушеніи на жизнь ген. Лидерса, сказалъ, что они отнюдь не желали отъ него избавиться, ибо строгій образъ его дѣйствій содѣйствовалъ ихъ намѣреніямъ, и мужень былъ для ихъ успѣха.

Вслѣдствіе этихъ словъ вы ожидаете, что образъ дѣйствій противоположный, принятый послѣ ген. Лидерса, повредитъ мятежникамъ и утишитъ мятежь? Совсѣмъ нѣтъ: мятежь усилился. Такъ кто же дѣйствовалъ вѣрнѣе?

западныхъ державъ. А былъ бы укрощенъ мятежь, то вмѣстѣ съ нимъ отнять былъ бы послѣдній предлогъ у западныхъ державъ вмѣшиваться въ наше дѣло, были бы прекращены всѣ ихъ несправедливыя и оскорбительныя притязанія, и лучше всего уничтожены опасенія войны. Карбункула никакими нѣжными средствами вылѣчить нельзя. Нельзя и оставлять его на тѣлѣ, которое съ нимъ подвергается смертельной опасности. Хирургическая операція необходима.

Обвиненія г-на Шедо-Ферроти противъ ген. Муравьева въ высшей степени несправедливы. Нѣтъ, ген. Муравьевъ наказывалъ только виновныхъ, но умѣлъ поселить мысль во всемъ Польскомъ населеніи, что никакая вина отъ него не укроется, и не останется безъ строгаго наказанія, — вотъ чѣмъ мятежь и былъ тотчасъ укрощенъ. Можетъ-быть, случились нѣкоторыя несправедливости, даже въ отношеніи Русскихъ помѣщиковъ, но какъ же можно ихъ избѣгнуть въ такое смутное время?

Г. Шедо-Ферроти соглашается, хоть и глухо, съ запиской моею, напечатанной въ *Presse*, въ необходимости лишить Поляковъ надежды владѣнія западнымъ краемъ, безъ чего волненія въ Польшѣ не будетъ конца.

Русскіе начинаютъ роптать теперь, видя до сихъ поръ Польскій элементъ въ западномъ краю еще преобладающимъ. Во что бы ни стало, но необходимо, чтобъ Польскихъ помѣщиковъ-католиковъ не оставалось въ тѣхъ губерніяхъ. Они не должны, повторяю, потерпѣть никакихъ убытковъ, а получить сполна всю слѣдующую имъ сумму за уступаемыя земли.

Въ этой мѣрѣ, которую, впрочемъ, г. Шедо-Ферроти называетъ иронически *expropriation pour cause d'utilité publique*, нѣтъ, впрочемъ, ничего для Поляковъ новаго. Они сами постановляли, въ случаѣ успѣха, удалить всѣхъ Русскихъ помѣщиковъ изъ Царства Польскаго! Но мы исполнимъ требованія справедливости до послѣдней іоты; защитивъ и охра-

нивъ, въ продолженіи всѣхъ волненій, жизнь Польскихъ помѣщиковъ, среди ненавидящаго ихъ Русскаго населенія, мы отпустимъ ихъ съ полнымъ вознагражденіемъ.

Въ облегченіе этой мѣры для правительства лучшебъ всего перевести хотя часть Польскихъ помѣщиковъ на казенныя, такъ называемыя, земли въ Царствѣ Польскомъ, устроить мѣну маіоратовъ, и для остальныхъ земель искать покупателей не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ.

А если они хотятъ тамъ остаться, то оставайся Русскими, то-есть возвратись въ первобытное состояніе.

Вотъ по моему мнѣнію, очень старому, первое условіе замиренія Польши, успокоенія Европы и Россіи, вотъ рѣшеніе Польскаго вопроса: безъ надежды на западныя Русскія губерніи, не имѣя тамъ себѣ союзниковъ естественныхъ, Поляки въ Царствѣ Польскомъ притихнуть сами собою, а касательно ихъ правъ, преимуществъ и всякихъ льготъ, мы, Русскіе, безъ всякой ревности и зависти, желаемъ имъ всякаго благополучія. Живите и благоденствуйте, мы позволимъ: вы себѣ, а мы себѣ.

Теперь о національности. Никогда ни у кого въ Россіи, ни у правительства, ни у народа, не было въ мысли злаго намѣренія противъ національности Польской, не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ западныхъ губерніяхъ. Доказательство ясное и неопровержимое: сравните положеніе Познани, Силезіи, Галиціи съ частями Польши, находящимися въ Русскихъ владѣніяхъ: гдѣ сохранилась національность Польская чище и крѣпче? Гимназій, чисто Польскихъ, было въ западныхъ губерніяхъ гораздо больше, чѣмъ Русскихъ въ Велико-россіи. Русскіе университеты были открыты для Польскихъ студентовъ на однихъ правахъ съ Русскими. Въ управленіи оставалось, правда, желать многого, но какъ имъ, такъ и намъ; —многое по времени было неудовлетворительно, —но все въѣдъ начало измѣняться къ лучшему. (А это-то лучшее и возбудило Польскій мятежъ!)

Было время, что я желалъ Полякамъ отдѣльности, независимости, автономіи, но теперь это сдѣлалось, по крайней мѣрѣ на долго, невозможнымъ. Поляки должны винить только себя. Они недовольны были системою гр. Велепольскаго, освященною именемъ императорскаго брата, и вызвали настоящія обстоятельства, совершенно особья, ни думанныя, ни гаданныя! Удивителенъ ходъ исторіи! Безъ мятежа, безъ неистовствъ Польскихъ, безъ заявленій, безъ посторонняго участія, никогда въ голову правительству не пришло бы произвести освобожденія Польскихъ крестьянъ такимъ образомъ, какъ оно теперь происходитъ, посредствомъ Русскихъ людей, а теперь иначе не возможно, нельзя предоставить освобожденіе Польскихъ крестьянъ Полякамъ, то-есть чиновникамъ, связаннымъ неразрывными узами съ шляхтою, составляющимъ почти одно: нельзя, ибо они испортилибъ все дѣло, повергнувъ на свой ладъ. И, что еще удивительнѣе, по какому-то стеченію самыхъ мудреныхъ обстоятельствъ, тѣ же самыя Русскіе люди призваны порѣшить крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, которые работали для него и въ Россіи!

Точно такъ нельзя отдать теперь ученіе безусловно въ руки Поляковъ, ибо они явно обращали его въ свою пользу, противъ правительства, на зло истинѣ. Нельзя оставить монастыри гнѣздами мятежа и разврата. А что если крестьяне Польскіе познакомятся съ языкомъ св. Кирилла и Меѳодія, который покажется имъ вразумительнѣе варварской латини, а что если ксендзы возвратятся къ древней брачной жизни! Нельзя не удивляться, смотря съ исторической точки зрѣнія, куда влекутъ обстоятельства. Противъ рожна видно прати невозможно.

Теперь мнѣ надо разсѣяться съ г. Шедо-Ферроти о трехъ его выходкахъ, относящихся уже къ самой Россіи. Онъ говорить, что читатели Московскихъ Ведомостей пошли дальше чѣмъ онѣ предполагали, и что я возсталъ даже противъ религіозной терпимости, которую принималъ ихъ редакторъ. Могу увѣрить его, что мое мнѣніе объ этомъ предметѣ принадлежитъ ко времени давно прошедшему, безъ отношенія къ Московскимъ

Вѣдомостямъ. Встрѣча моя на Piazza di Spagna съ Русскими католичками описана и напечатана въ дневникъ 1839 года. А я вотъ что еще скажу г-ну Шедо-Ферроти: теперь, послѣ того какъ минуло 25 лѣтъ этой встрѣчи, я немогу вспомнить о ней равнодушно. Винюсъ въ неисправимомъ варварствѣ, а объяснять его теперь нѣтъ ни времени, ни мѣста.

Г. Шедо-Ферроти сравниваетъ Русскій народъ и Польскій народъ въ отношеніи къ зрѣлости для конституціи, и говоря о Русскомъ народѣ, не обращаетъ никакого вниманія на высшія сословія, а говоря о Польскомъ народѣ, разумѣетъ только ихъ. Какія же заключенія можно вывести изъ такъ поставленныхъ посылокъ? Разумѣется, противоположныя, и въ равной степени невѣрныя.

Говоря о Русскомъ народѣ, онъ допускаетъ уразумѣніе и одобреніе имъ разныхъ конституціонныхъ мѣръ и образовъ дѣйствія, и только отвергаетъ его согласіе на сообщеніе имъ обязательной силы. Прекрасно! Но знаетъ ли г. Шедо-Ферроти, что большая часть политическихъ людей или мыслителей нашихъ именно желаютъ только совѣщательнаго голоса для народа, для высшихъ его сословій, и отнюдь не простираютъ далѣе своихъ желаній. Эта мысль даже и печатно была заявлена часто.

Наконецъ вотъ еще положеніе г-на Шедо-Ферроти, которое преимущественно поднимаетъ всю нашу желчь (sic). Онъ дѣлаетъ изъ Россіи *gesammtes Vaterland!* Онъ приравниваетъ Россію къ Австріи, и выражаетъ желаніе, чтобъ Государь Русскій не былъ Русскимъ по преимуществу, а былъ бы одинаково Финскимъ, Нѣмецкимъ, Татарскимъ, Грузинскимъ и проч. и проч. мысль, которую, къ стыду нашему, раздѣляютъ, слышно, нѣкоторые наши официальные публицисты. Нѣтъ, милостивые государи, скажемъ мы имъ торжественно. Россія есть Россія, а не Лифляндія, не Мингрелія, не Даурія. Русскій Государь силенъ тѣмъ, что онъ есть Государь Русскій, Государь народа шестидесяти милліоннаго едино-

племеннаго, единовѣрнаго, единопзычнаго, составляющаго съ нимъ одно неразрывное цѣлое. Корень его могущества, его силы, на святой Руси. Честь, слава его связана съ Русскимъ именемъ, съ Русскою исторіею, а не съ какою другою. Онъ не упалъ съ облаковъ, и не получилъ вдругъ во владѣніе эти земли все вмѣстѣ! Нѣтъ, Русскій Государь родился, выросъ изъ Русской земли, онъ приобрѣлъ все области съ Русскими людьми, Русскимъ трудомъ и Русской кровью! Курляндія, Имеретія, Алеутія и Курилія, суть воскрилія его ризы, полы его одежды, а его душегрѣйка есть святая Русь. Иноплеменникамъ, собраннымъ подъ державою Русскою, естественно, позволительно желать безразличія съ Русскими, и мы, по доброду и легкому своему сердцу, охотно уступаемъ имъ все политическія, гражданскія и экономическія преимущества, но ступешаться, изгладиться предъ Русскимъ Государемъ безразлично съ ними, и видѣть въ Государѣ не Русскаго, а сборнаго человѣка изъ всехъ живущихъ въ Россіи національностей, это есть такая нелѣпость, которой ни одинъ настоящій Русскій человѣкъ слышать не можетъ безъ негодованія. Хочу думать, что это есть только авторская обмолвка, и что самъ г. Шедо-Ферроти отъ нея откажется. Будь она проклята!

22 октября.

1864.

ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО.

(писано въ 1865 году).

Много я писалъ, читалъ, думалъ, говорилъ о Польскомъ вопросѣ, — въ продолженіи сорока почти лѣтъ, — съ Поляками и Русскими, разныхъ оттѣнковъ и возрастовъ; вопросъ былъ переворочень, кажется, на все стороны; — но вотъ въ нынѣшнемъ году случилось мнѣ побывать въ Варшавѣ и Вильнѣ, подышать тамошнимъ воздухомъ, послушать тамошняго говора, посмотреть на Польскія фізіономіи: — я шатался по улицамъ, гулялъ въ саду Саксонскомъ и Красинскомъ, заглядывалъ въ костелы, въ бібліотеки, портретныя галереи, посѣщалъ театры; обошелъ мѣста главныхъ происшествій послѣдняго времени, познакомился съ дѣйствующими лицами, узналъ отъ нихъ много живыхъ, характеристическихъ подробностей, имѣлъ случай бросить взглядъ на общество, — и вопросъ освѣтился передо мною новымъ свѣтомъ. Основные мои убѣжденія не измѣнились, но приняли другой видъ, расположились иначе въ моемъ сознаніи, подтвердились новыми свѣдѣніями, сдѣлались, кажется, яснѣе, убѣдительнѣе для посторонняго безпристрастнаго судіи, — я рѣшился пропѣть старую пѣснь на новый ладъ, и пропѣть ее Польскимъ эмигрантамъ, такъ называемымъ завязатымъ Полякамъ, радикаламъ, которые управляли возстаніемъ, хранятъ въ своей душѣ его идею, вели противъ насъ войну открытую, ведутъ теперь войну подземную, и составляютъ планы для будущихъ дѣйствій.

Я предполагаю въ нихъ чистѣйшую, благороднѣйшую любовь къ своему отечеству, Польшѣ, и надѣюсь, что они позволятъ мнѣ любить свое — Россію.

Пусть прислушаются къ моимъ словамъ и друзья ихъ, тѣ Русскіе, которые держатъ, такъ или иначе, ихъ сторону.

Забудемъ на время настоящія наши отношенія и всѣ соединенныя съ ними взаимныя обвиненія, перенесемъ изъ міра дѣйствительнаго въ міръ возможный, въ область чистой науки, исторіи, географіи, политики, руководствуясь только общими положеніями разума; выразимъ событія, такъ сказать, цифрами, и станемъ разсуждать о нихъ математически.

Мы раздѣлимъ вопросъ на его составныя части и обудимъ ихъ, одну за другою, спокойно, безпристрастно, ставя себя на мѣсто другъ друга. Собственное мое мнѣніе, мою точку зрѣнія на событія, мои надежды и средства, мои соображенія о томъ, какимъ образомъ Польша можетъ быть возстановлена и препрославлена, я представлю въ заключеніи.

Избираю газету, кототорой нельзя заподозрить въ пристрастїи къ Россіи, газету, приверженную къ Польшѣ. Пусть дѣлаютъ мнѣ въ ней возраженія, кто хочетъ и какъ хочетъ, я готовъ отвѣчать, готовъ и сознаться въ своихъ ошибкахъ, или невѣрностяхъ, если какія встрѣтятся. *

Мои соотечественники должны впередъ согласиться, что говорить съ поселенцами Цюриха, или Лондона, я долженъ другимъ языкомъ, нежели какимъ говорится у насъ, напирмѣръ, въ цитадели, или военно-судныхъ комиссіяхъ.

Хорошо было бы, скажу здѣсь кстати, еслибъ, хоть не для рѣшенія, то, покрайней мѣрѣ, для уясненія подобныхъ вопросовъ, гдѣ политика соприкасается исторіи, учредились когда нибудь въ Европѣ ученые съезды и публичныя пренія, съ третейскимъ судомъ. Пока, служители науки и истины будемъ дѣлать, что можно.

Смотря на послѣднія несчастныя событія съ лучшей, пожалуй, пѣтической, отвлеченной стороны, — *всѣ дурныя стороны мы пока оставляемъ*, — допустимъ, что были Поляки, которые показали себя истинными подвигоположниками и совершили примѣчательные подвиги мужества, храбрости, терпѣнія, самоотверженія. Повѣримъ, что они шли на смерть въ сраженіи или на виселицу, какъ на пиршество, доказывая

* Статья предназначалась первоначально для печати за границею. Пр. Соч.

силу и твердость своихъ убѣжденій, они проливали свою кровь безъ всякой жалости, не думая о послѣдствіяхъ, переносили всякую нужду, подвергались все́мъ возможнымъ лишениямъ безъ малѣйшаго ропота, трудились до упаду, до истощенія силъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ представили разительныя доказательства необыкновенныхъ способностей. Какихъ усилій, какой изворотливости, догадки, смѣлости нужно было, чтобы не потерять духа, чтобы найтися въ разныхъ тяжелыхъ; неожиданныхъ, мудреныхъ, сложныхъ обстоятельствахъ предъ штыками, подъ пулями, при ясныхъ уликахъ.— Женщины — матери, жены, сестры, — показали, говорятъ, спартанское великодушіе во многихъ случаяхъ. Что можетъ сравниться съ горячностію ихъ чувствъ и готовностію на всякія жертвы? Сколько поэзіи въ нѣкоторыхъ общихъ явленіяхъ!

Я говорю здѣсь, принимая на вѣру показанія одной стороны, о нѣкоторыхъ избранныхъ личностяхъ, не о толпѣ, которая всегда готова слѣдовать за первымъ фантазеромъ, или краснобаемъ, не о наемникахъ, которые, за ничтожную плату, бываютъ способны ко всякимъ злодѣйствамъ, не о негодяяхъ, которые рады всякому случаю буйствовать и неистовствовать. Я говорю, судя по слухамъ о нѣкоторыхъ избранныхъ личностяхъ, съ лучшей ихъ стороны, оставляя безъ вниманія недостатки, пороки и проступки. Память такихъ идеальныхъ личностей, если онѣ дѣйствительно существовали, имѣетъ право какая бы судьба ихъ ни постигла, не только на горячее состраданіе, но и совершенное уваженіе.

Удивляясь имъ, все-таки должно сказать съ глубокимъ вздохомъ: чесо ради гибель сія бысть? О если бы все эти трудные подвиги, жертвы, имѣли достойную себя цѣль, были обращены на добро!

Но какая же цѣль, кажется, можетъ быть лучше, выше, благороднѣе, чѣмъ освобожденіе отечества отъ чуждаго ига, возстановленіе самобытности, возвращеніе мѣста въ системѣ государствъ Европейскихъ, которое оно занимало нѣкогда? Вотъ вѣдь цѣль Поляковъ, которой сочувствуютъ лучшіе умы, лучшія сердца въ Европѣ!

Такъ точно! я совершенно согласенъ съ этими положеніями, *отвлеченно взятыми*, и вѣрно ни одинъ порядочный человѣкъ не осмѣлится сказать что либо противъ: нельзя не отдавать полной справедливости такой цѣли, нельзя не сочувствовать ей отъ души.

Такъ объ чемъ же вопросъ?

Первый вопросъ о физической *возможности*, — и вотъ отъ поэзии мы перейдемъ теперь къ прозѣ. При всякомъ желаніи, худомъ и хорошемъ, есть необходимыя условія исполненія. Здравый смыслъ ихъ указываетъ, опытъ подтверждаетъ, исторія провѣряетъ своими свидѣтельствами. Ни солнца, ни луны, нельзя достать рукою, какъ бы сильно кто ни желалъ, какъ бы кто ни рвался къ верху, какъ бы ни былъ готовъ посвятить на это стремленіе всю жизнь свою.

Вы желаете возстановить Польшу! Прекрасно! — Но есть ли возможность физическая, нравственная, возстановить ее? Вотъ первый существенный вопросъ, который намъ слѣдуетъ теперь разобрать.

Польшею овладѣли, мы не станемъ теперь толковать — справедливо или нѣтъ, естественно или насильственно, — положимъ даже вовсе безъ всякаго права, по одному произволу, совершая уголовное политическое преступленіе, — Польшу раздѣлили между собою, лѣтъ сто тому назадъ, три сосѣднія государства: Пруссія, Австрія, Россія, и владѣютъ теперь каждая своею частію.

Есть ли возможность Польскимъ изгнанникамъ, въ соединеніи съ нѣсколькими соотечественниками, по разнымъ странамъ разсѣянными, отнять у враговъ захваченныя части, и составить изъ нихъ новое, или возстановить старое цѣлое?

Я говорю объ изгнанникахъ и ихъ единомышленникахъ, но соберемъ въ воображеніи весь Польскій народъ, и отпустимъ его на войну противъ Австріи, Пруссіи и Россіи: Поляковъ, чистыхъ Поляковъ, меньше 10 милліоновъ, а Россія заключаетъ въ себѣ 70 милліоновъ жителей, Австрія 35, Пруссія 20. Какъ же 10 милліоновъ могутъ сладить съ 125, или болѣе милліоновъ?

Мы допустили 10 миллионъ Поляковъ, желающихъ возстановить древнюю Польшу, и заключили о невозможности для борьбы ихъ съ 70, 35, 20 миллионами. Но мы должны исключить изъ допущеннаго количества простой народъ, который вездѣ идетъ не съ панами, а противъ пановъ, ненавидя ихъ отъ души, и считая злѣйшими врагами. Остается одному миллиону, или менѣе, помѣщиковъ, шляхты, чиновниковъ и мѣщанъ, бороться съ 70 миллионами Русскихъ, 35 Австрійцевъ и 20 Пруссаконъ. Какъ ни отважны Поляки, но одному на сто слишкомъ идти не приходится!

А если, къ этимъ численнымъ соображеніямъ, мы прибавимъ, что сто миллиононъ имѣютъ въ рукахъ своихъ все средства: обученное войско, оружіе, крѣпости, все нужные запасы, свободу дѣйствовать, какъ угодно, съ развязанными руками; одинъ же миллионъ, даже безъ вычетовъ, которые довели бы его, можетъ быть, только до нѣсколькихъ тысячъ, если не сотенъ, разсыянный Богъ знаетъ по какому пространству, долженъ дѣйствовать въ тайнѣ, копать подъ землю, двигаться въ потемкахъ, на всякомъ шагу подвергаться опасностямъ, не имѣть ни точки опоры, ни мѣста для соединенія, ни убѣжища на случай опасности, — не правда ли, что предполагая борьбу такихъ несоразмѣримыхъ величинъ, мы приближаемся къ расчетамъ монomanіи или сумасшествія.

И такъ вотъ мой первый тезисъ: *собственною вооруженною силою*, въ данныхъ обстоятельствахъ, приниматься за дѣло возстановленія Польши Полякамъ не возможно.

Обратимся къ *иностранной помощи*.

Иностранная помощь даромъ никому не подается. Только тогда можно надѣяться на нее, когда ей случится приносить пользы больше помогающему государству, чѣмъ вспоможенному. На самый раздѣлъ Польши Европа смотрѣла хладнокровно, да и послѣ раздѣла, въ продолженіи почти ста уже лѣтъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не сдѣлала шагу для дѣйствительнаго вспомошествованія Польшѣ.

На кого собственно изъ Европейскихъ государствъ Польша можетъ надѣяться?

Объ Австріи и Пруссіи говорить нечего—это не помощники, а враги, которые, пожалуй, смолчатъ, пока пожаръ будетъ угрожать Россіи, пока Россія будетъ терпѣть отъ возстанія, и тратитъ свои силы для его усмиренія, но чуть пожаръ приблизится къ ихъ границамъ, какъ они явятся съ огнегасительными снарядами.

Германія—Поляки слышали на Франкфуртскомъ сеймѣ отъ всѣхъ партій, самыхъ крайнихъ, и слышатъ въ Прусскихъ палатахъ ежедневно, приговоръ своимъ стремленіямъ.

Изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ остается только Англія, и, преимущественно, Франція, кого Поляки могли бы въ случаѣ нужды, хотя съ большими условіями, имѣть въ виду.

Франція — позвольте спросить васъ, что сдѣлала Франція для Польши во время первой республики, первой имперіи, при Бурбонахъ, при Орлеанахъ, при второй республикѣ, при Наполеонѣ Ш, т. е. при двадцати своихъ противоположныхъ правленіяхъ, въ обстоятельствахъ самыхъ разнообразныхъ. Одни слова, возгласы, ничтожныя денежныя вспомошествованія, обѣщанія, но какъ же имъ можно вѣрить болѣе?

И въ какихъ обстоятельствахъ находятся нынѣ Европейскія государства? Наполеону нужно укрѣпленіе своей династіи. Дѣла въ Мексикѣ, Италіи, Римѣ, въ Алжирѣ, положеніе финансовъ, развлекаютъ его силы *

Англія опасается Америки, и должна быть безпрестанно на готовѣ, по отношеніямъ Сѣверныхъ штатовъ въ Канадѣ. Дѣла въ Азіи и другихъ колоніяхъ держатъ ее за руки. **

Италіи много еще времени и трудовъ нужно, чтобы составиться и порѣшить свои распри съ Папой и Австріей.

А тамъ еще восточный вопросъ для всѣхъ въ перспективѣ. Кому дѣло до Польши? Кто пожертвуетъ для нея людьми и деньгами. На иностранную помощь надежда плохая.

Но можетъ возникнуть *Европейская война*, можетъ образоваться коалиція западныхъ государствъ противъ Россіи, которую всѣ онѣ тайно ненавидятъ.

* Теперь новая отношенія къ Пруссіи.

** Теперь Ирландія представляетъ Англіи новые работы, и Лига реформы парламентской.

Совершенно согласенъ. Вспомните Наполеона I, величайшаго полководца всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, собравшаго силы со всей Европы противъ Россіи. Такихъ обстоятельствъ, въ какихъ Наполеонъ былъ въ Дрезденѣ предъ походомъ въ Россію, въ другой разъ дожждаться мудрено. Полякамъ обязанъ онъ былъ многими самыми ревностными услугами. Восемьдесятъ тысячъ храбрыхъ бойцовъ представили они ему для авангарда. Что же сказалъ онъ ихъ депутатамъ въ Вильнѣ? Подождите. А чѣмъ кончился знаменитый походъ? Куда дѣвалась великая армія и Польскій 80-ти тысячный авангардъ? И куда упалъ Наполеонъ съ высоты своего могущества? Самая ужасная Европейская война противъ Россіи не принесла Польшѣ никакой пользы.

Вспомнимъ наконецъ и вторую Европейскую войну въ Крыму. Опять Европа пошла противъ Россіи: Франція и Англія напрягли свои силы, вооружась всѣми адскими изобрѣтеніями новой науки. Італія прислала вспомогательное войско. Турція отдавала союзникамъ все, что могла. Австрія содержала такой нейтралитетъ, который былъ тяжелѣе войны для Россіи. Одна Пруссія, если не помогала намъ, то по крайней мѣрѣ, мѣшала меньше. Польскій легіонъ развернулъ свое знамя. Самъ Мицкевичъ явился агентомъ въ Константинополь. Черторижскій послалъ туда сына. Многіе польскіе генералы отrekliсь Христа, надѣли чалму, лишь бы чѣмъ нибудь повредить Россіи. Годъ почти стояли соединенныя войска, стоившія миллиардовъ Европѣ, подъ Севастополемъ, и по Парижскому миру что же было выговорено для Польши?

Предоставляю воображенію, самому пылкому, придумать, сочинить Европейскія обстоятельства, которыя могли бы вѣроятнымъ образомъ содѣйствовать возстановленію Польши!

Послушайте, что говоритъ Times, газета не слишкомъ благопріятная Россіи, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ номеровъ. Я исключу только слишкомъ оскорбительныя для Поляковъ мѣста, и черезъчуръ строгіе приговоры.

«Если бы Европа и вздумала теперь поднять оружіе для возстановленія Польскаго королевства, то едва ли она нашла бы въ немъ, что возстановить. Но при настоящемъ положеніи

дѣль, нѣтъ и малѣйшихъ указаній на то, чтобы Европа отвѣтила на такое предпріятіе. Европа въ этомъ отношеніи значить, впрочемъ, собственно Франція, но и Франція, хотя и хранитъ еще свои традиціонныя Польскія симпатіи, однако видитъ, что время уже миновало для ихъ практическаго примѣненія. Крестовый походъ на освобожденіе Польши могъ бы притомъ быть предпринятъ только при содѣйствіи Пруссіи или Австріи, но онѣ едва ли возмущаются разрушать дѣло минувшаго столѣтія. Что до Англіи, то она стоитъ совершенно внѣ вопроса. Никогда впредь Англійскій народъ не согласится принять участіе въ какой-либо континентальной войнѣ, и менѣе всего для возстановленія разныхъ національностей, или для проведенія новыхъ границъ въ самомъ сердцѣ Европы. Очень можетъ быть, по этому, что Поляки ничего не потеряютъ, если окончательно покорятся своей участи». Вотъ что говоритъ Times.

И такъ собственныхъ силъ не достаточно, иностранная помощь не мыслима, Европейская война противъ Россіи и далека и сомнительна. Какія же дѣйствія можно пустить въ ходъ противъ нея?

Убийства, поджоги, грабежи. Мы оставимъ пока нравственную сторону дѣйствій этого рода безъ вниманія, и будемъ смотрѣть на нихъ вашими глазами, будемъ говорить о нихъ только въ отношеніи къ пользѣ, какую онѣ принесли Польскому дѣлу. Повстанцы прибѣгли къ этимъ мѣрамъ въ страшныхъ размѣрахъ. Они навели ужасъ на цѣлый край, на весь народъ, они поразили множество лицъ, сожгли множество городовъ, мѣстечекъ и селъ, захватили огромныя суммы. Скажите же теперь по совѣсти, на сколько вы подвинулись къ достиженію вашей цѣли этими оргіями зла?

Начнемъ съ покушеній на жизнь намѣстниковъ. Убиваемъ былъ одинъ, присылался на его мѣсто другой, перемѣнялись лица—и только. Вы положили во гробъ добраго, честнаго, благороднаго старика князя Горчакова. Присланъ былъ Ламбертъ съ Герштенцвейгомъ. Оба подверглись той же участи. Мѣсто ихъ заступилъ Лидерсъ, и, получивъ тяжелую рану, долженъ былъ удалиться. Пріѣхалъ братъ Государевъ,

Великій князь Константинъ, съ природнымъ Полякомъ Маркизомъ Велепольскимъ. Надъ головами обоихъ раздались выстрѣлы. Они, однако, остались, хотѣли испытать систему милосердія, снисходительности, формальной законности и — безъ успѣха. Ну вотъ явился графъ Бергъ, получилъ свой выстрѣлъ, но принялъ другія, дѣятельныя мѣры, по высочайшему повелѣнію, и возстаніе въ царствѣ подавлено! Какая же польза, повторяю, получена отъ всѣхъ этихъ выстрѣловъ?

Отъ начальниковъ перейдемъ къ офицерамъ, солдатамъ, полицейскимъ служителямъ, которые сдѣлались жертвами жондовъ: эта убыль не примѣтная въ Русскомъ войскѣ, и для возстановленія Польши опять не дѣйствительная.

А пожары! на сколько вы принимали участіе въ пожарахъ, это вы знаете лучше насъ, это лежитъ на вашей народной совѣсти. Мы, или не умѣли, или не могли, или не хотѣли, раскрыть ихъ организациі, хотя гласъ народа, гласъ Божій, обвиняетъ Поляковъ, въ большей части пожаровъ, какъ Русскихъ, такъ и Польскихъ, напр. Костромскаго, Петербургскаго прежде, Симбирскаго нынѣ. Въ западныхъ губерніяхъ это оказалось по многимъ слѣдствіямъ.

Пожары производятъ частное разореніе, причиняютъ убытки, а существеннаго вреда такому обширному государству, какъ Россія, они нанести не могутъ. Города сожигаются и выстраиваются. Русскіе говорятъ даже, что съ пожара люди разживаются. Опять мѣры совершенно безполезныя собственно для Польскаго дѣла.

И такъ вы можете совершать убійства: наемныхъ убійцъ всегда найдется во всякомъ народѣ множество; вы можете пережечь еще городовъ, сколько угодно, вы можете произвести замѣшательство, смущеніе въ то или другое время, вы можете доставить много заботъ и хлопотъ правительству, и только! Сами же вы отъ того не выиграете ничего, да и выиграть ничего нельзя. Для чего же употреблять эти страшныя средства, возбуждающія только ненависть?

Что сказать о клеветѣ, джи, — Богъ знаетъ сколько выдуманныхъ извѣстій распущено было по Европѣ! Они имѣли временной успѣхъ въ глазахъ необразованной толпы, или

той среды, которая рада сама сочинять, не только что вѣрить. Разсудительные люди увидѣли вскорѣ, что извѣстія о польскихъ побѣдахъ не заслуживаютъ никакого вѣроятія, а прочіе разказы опровергались тогда же по большой части событіями.

Захваченныя вами деньги разошлись по рукамъ, не всегда чистымъ, и употреблялись не всегда по назначенію.

Фальшивыя Русскія ассигнаціи, для которыхъ учреждены фабрики... грустно исчислять всѣ эти постыдныя, противонравственныя дѣянія... я хотѣлъ только доказать, что онѣ были бесполезны для Польскаго дѣла, говоря вообще, но я не могу здѣсь не прибавить, что нельзя же однако оставить нравственную сторону со всѣмъ безъ вниманія, даже въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ свое вліянія на успѣхъ всякаго дѣла, слѣдовательно, и вашего. Европейское общественное мнѣніе измѣнилось вѣдь въ отношеніи къ Польскому дѣлу, большею частию вслѣдствіе такого образа дѣйствій!

Обозрите послѣднее возстаніе: оно состоитъ преимущественно изъ дѣйствій этого рода. Какъ ни объяснять, какъ ни оправдывать, въ концѣ концовъ, на дѣлѣ, итогъ оказывается все одинъ и тотъ же. Развѣ прибавить только разныя театральныя демонстраціи, манифестаціи, процессіи, плакаты, трауръ и т. п., которые способны одушевлять толпу на минуту, производить пожалуй энтузіазмъ, разсѣвающийся въ воздухѣ.

Взглянемъ же теперь на событія съ этой стороны. Убіиствъ совершено, сколько до сихъ поръ извѣстно, 2000. Половина жертвъ — Русскіе, другая Поляки. Волосы становятся дыбомъ, кровью обливается сердце, когда читаешь о томъ остервененіи, съ которымъ совершены иныя убійства, о тѣхъ мученіяхъ, въ которыхъ погибали несчастныя, обрѣченныя жертвы. Положимъ круглымъ числомъ по пяти человекъ участниковъ на каждое убійство, и вотъ въ народѣ 10,000 убійць. Какой страшный ингредиентъ!

Если іезуитское правило о позволительности средствъ для благихъ цѣлей подверглось справедливому проклятію всѣхъ религій, всѣхъ системъ и всѣхъ народовъ, замѣйте, что

самые іезуиты позволяли себѣ все для религиозныхъ цѣлей, для спасенія душъ, то скажите на милость, на какомъ основаніи надѣетесь вы облѣить предъ судомъ потомства, предъ судомъ современниковъ безпристрастныхъ, послѣднія употребленныя вами черныя средства. Они бросаютъ очень темную тѣнь, даже на самыхъ чистыхъ, благородныхъ, идеальныхъ допущенныхъ нами участниковъ возстанія, которые всѣ, такъ или иначе, посредственно или не посредственно, принимали въ нихъ участіе, и должны подвергнуться осужденію.

Все это дѣлалось ими, говорятъ, съ прекрасной, святой цѣлью. Нѣтъ, не можетъ быть прекрасною, святою, та цѣль, будь она разполитическая, для которой нужны такія адскія средства! Вотъ этой простой истины не понимали лучше ваши люди! Непостижимое ослѣпленіе! Какъ будто злой духъ помрачалъ ихъ глаза, и они не видали той бездны, куда падали сами, и увлекали за собой народъ, добрый, любезный, веселый, талантливый, образованный. Удивляешься, какъ могъ онъ допустить, вытерпѣть всѣ эти ужасы!

Убийствами, грабежами, поджогами, ложью, клеветою, изменою, нельзя возстановить государства, нельзя сослужить службу свободѣ.

А что касается до *вреда* Россіи, о которомъ вы думаете теперь даже больше, чѣмъ о пользѣ для своего отечества, то объ немъ надо отложить всякое попеченіе. Сами себѣ часто мы, Русскіе, дѣлаемъ вреда столько, сколько никакіе враги на свѣтѣ намъ сдѣлать не въ состояніи, а посмотрите— эта масса, эта туча, эта махина, что называется Россіей, плетъ себѣ впередъ, и горя ей мало! Все съ нея, какъ съ гуся вода. Такъ видно уже сотворилъ ее Всемогущій Господь Богъ! Куда же подниматься вамъ на это чудище съ какими то щепочками, лучинками и зажигательными спичками! Что ей сдѣлается?

Оставимъ всякія разсужденія, до которыхъ Полякине охотники, когда рѣчь дойдетъ до предмета ихъ благородной мономаніи, поговоримъ теперь о *примѣрахъ*, на которые они могутъ ссылаться: не освободилась ли передъ нашими глазами Италія, не тожели счастье имѣла на памяти отцевъ нашихъ Греція, Бельгія?

Нѣтъ, обстоятельства, въ которыхъ находились поименованные государства, далеко не тѣ, въ какихъ находится Польша. Италія считаетъ около 25 милліоновъ жителей, единовѣрныхъ, единойзычныхъ, живущихъ одною мыслию, питающихъ одно желаніе, а въ Польшѣ до какого числа мы досчитались? Италія имѣла одного врага, Австрійцевъ, а Польша трехъ. Австрійцы господствовали въ одной ея части, а враги Польскіе разсыяны по всему ея пространству, и сверхъ того, во владѣніяхъ Италіанскихъ правительство было Италіанское, а въ Польскихъ иноплеменное! кромѣ Россіи, съ которой, впрочемъ, родства вы не признаете. Наконецъ силы Италіи относительно гражданственности, науки, искусства, литературы, развѣ можно сравнивать съ Польскими? Италія отдѣлена отъ Европы Альпами, и открыта съ прочихъ сторонъ, по морскому пути, а Польша заперта, окруженная сильными врагами. И все таки Италія, не смотря на долготѣнія усилія и попытки, не могла сдѣлать для себя ничего, пока съѣдомъ не случился быть полу-Италіанецъ, располагающій огромными силами, и увидѣвшій свои выгоды въ оказанной помощи. Но дѣло еще не кончено. Государство, совершенно образовавшееся, имѣя въ рукахъ всѣ средства, затрудняется возвратить остальные части, Венецію, Римъ, и на юбилей въ честь Данта, мечтавшаго за 500 лѣтъ объ единствѣ Италіи, могли все еще выражаться только *ria desideria*, а Мадзини все еще долженъ оставаться въ ссылкѣ.

Точно какъ Италіи помогла Франція, такъ Бельгіи помогла больше всѣхъ Англія, по своимъ расчетамъ, вмѣстѣ съ Франціей, у которой также были свои. И могла ли Голландія спорить съ такою коалиціей?

Грецію возстановили всѣ Европейскія государства, по старой памяти, согласясь между собою, въ особенныхъ видахъ; и Турція должна была уступить.

Всѣ эти примѣры должны бы, кажется, на оборотъ доказывать Польшѣ, какъ трудно народамъ, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, измѣнять свою судьбу, возвращать однажды потерянное, исправлять поврежденное.

И сколько есть еще въ Европѣ желаній, стараній, усилій, болѣе законныхъ, естественныхъ, справедливыхъ, съ благопріятными залогоми и даже задатками, не только съ наличными средствами, а между тѣмъ никакъ не могутъ они увѣнчаться успѣхомъ. Изъ 37-ми частей состоитъ Германія, и не имѣетъ почти никакого политическаго значенія. Она занимаетъ средину Европы. Большая часть Европейскихъ государствъ Нѣмецкаго происхожденія. Народъ исторически древній, многочисленный, осторожный, настойчивый, ученый, пылаетъ желаніемъ соединиться и составить одно политическое цѣлое; лучшіе люди въ томъ согласны, стихотворцы поютъ; ученые профессора доказываютъ. Чтобы, кажется, могло мѣшать, въ чемъ бы быть затрудненію, — нѣтъ, не могутъ Нѣмцы соединиться, не могутъ, такъ сказать, сойтись и подать другъ другу руку, хотя нѣтъ никакихъ промежутковъ съ противниками, никакихъ постороннихъ помѣхъ, и поле вездѣ открытое. * При всякой попыткѣ, напротивъ они еще раздѣляются, и тѣмъ доказываютъ мыслящимъ людямъ, что дѣло не въ одной политической самостоятельности и значительности. Сойтись трудно, или невозможно, а у Поляковъ и сойтись негдѣ, да еще надо отбиться съ трехъ сторонъ, отъ въ сото ро сильнѣйшихъ враговъ, которые ни за что на свѣтѣ не пустятъ васъ на волю, и свяжутъ руки, лишь замѣтять малѣйшее движеніе!

Разсмотримъ другія явленія. Многочисленны и сильны Нѣмцы, а никакъ не могутъ возвратить себѣ ни Альзаса, ни Лотарингіи, и давно отложили о томъ всякое попеченіе, такъ что эти страны совершенно офранцузились предъ ихъ глазами. Точно такъ и Французы, сколько ни желаютъ, при всемъ своемъ могуществѣ, приобрести Рейнскій берегъ, и получить естественную границу, должны ждать и ждать.

Германія послѣ многолѣтнихъ толковъ и споровъ отняла у Даніи Шлезвигъ и Голштинію, въ войнѣ 30 милліоновъ противъ трехъ, да и не знаетъ, что дѣлать съ ними; это прио-

* Въ нынѣшнемъ году Пруссія сдѣлала блистательный опытъ, но съ какими усиліями, (250 тѣс. войскъ и 1000 орудій), и сколько еще предстоитъ ей дѣловъ, впередъ, если и не война тридцатилѣтняя!

брѣтеніе могло и можетъ навлечь сграшную войну, такъ что игра не стоила свѣчь, и Богъ знаетъ еще чѣмъ все это кончится. *

Взгляните на Венгрію, вспомните ея исторію, вообразите ея мѣстность, свойства народныя, и на чемъ она остановилась въ борьбѣ своей съ Австріей? Идти законнымъ путемъ, по суду, на словахъ, а вооруженной рукой идти не нашла никакой возможности.

Богемія, какъ особое сплошное цѣлое, имѣетъ гораздо выгоднѣйшее положеніе, въ отношеніи къ Австріи, чѣмъ Польша въ отношеніи къ Россіи, и между тѣмъ заботится только о равноправности.

Всѣ племена, населяющіе Австрію, алчутъ своей независимости, и желаютъ составить по прежнему особыя независимыя государства: чего бы казалось, стоило имъ соединиться и привести въ трепѣтъ Вѣну? Нѣтъ, Австрія держится вопреки всѣмъ противникамъ.

Какъ бы легко, казалось, Молдавіи и Валахіи соединиться съ Трансильваніей?

Шотландія перестала и заботиться объ особой жизни, хоть родство ея племенное гораздо дальше съ Англіею, чѣмъ Русское съ Польшею.

Укажу вамъ еще на Славянъ, стонущихъ вѣка подъ игомъ Турецкаго, Мусульманскаго владычества. Ихъ девять почти милліоновъ, а Турокъ одинъ милліонъ. Турокъ ненавидитъ все христіанское населеніе Европы; Турки ослабили совершенно, они невѣжды, безъ наукъ, безъ искусствъ, безъ законовъ. У Славянъ есть точки опоры: Черногорія и Сербія, получившая достаточную самостоятельность, благодаря Россіи. Есть мѣсто, гдѣ можно собираться съ силами, приготовляться къ борьбѣ. Подъ бокомъ у Славянъ Россія съ 70-ю милліонами жителей, (какъ подъ бокомъ Итали былъ Наполеонъ), и ничего не могутъ сдѣлать несчастные для своего спасенія! Обстоятельства до сихъ поръ такъ складываются въ Европѣ, что Славяне могутъ только стнать и терпѣть, молиться и надѣяться.

* Кончилось (если незачалось,) неожиданно, но такой конецъ есть, можетъ быть, только начало новыхъ загрузненій.

Сравните же всѣ эти отношенія Франціи, Германіи, Италиі, Сербіи, Венгрии, Молдавіи, сравните ихъ съ вашими, и скажите, могутъ ли онѣ по аналогіи внушать вамъ, хотя малую надежду. Для васъ не существуетъ тѣхъ условій, которыя, казалось бы, благоприятствуютъ исчисленнымъ народамъ, и однакожь не приносятъ имъ пользы; вы окружены, напротивъ, препятствіями, особенными опасностями, которыхъ у нихъ нѣтъ, и вы все еще не хотите отказаться отъ борьбы? Какой же приговоръ долженъ произнести всякой благоразумный человѣкъ вашимъ отчаяннымъ усиліямъ? Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Это невозможно, это невозможно! Нѣкоторыя части древней Польши потеряли даже свою національность и совершенно онѣмечились. Померанія, Силезія, восточная Пруссія—какъ, неговоря о прочемъ, сдѣлать ихъ Польскими?

Спросите у рѣкъ, упавшихъ въ Вислу, могутъ ли онѣ вынуть свои струи изъ нея, и принять особое теченіе до Балтійскаго моря, положимъ, очень для нихъ желанное. Нѣтъ, случились на дорогѣ этимъ рѣкамъ удоля, ложбины и прочія низменности, и онѣ хотя не хотя должны были своротить съ своей широкой дороги и склониться къ Вислѣ, принявшей ихъ въ свое русло. Такъ было и съ Польшей. Припомнимъ мимоходомъ Исторію.

На высокой степени могущества и славы стояла она, но историческія судьбы того хотѣли,—свыше было такъ написано, не могла она удержаться на высотѣ своей, и раздѣлилась между сосѣдями, Австріей, Пруссіей и Россіей.

И до этихъ знаменитыхъ раздѣловъ, о которыхъ твердите вы, и за вами Европа,—за долго прежде,—начали отдѣляться отъ нея страны, одна за другою, по естественному ходу вещей, такъ что раздѣлы собственно составляютъ какъ бы необходимое продолженіе прежнихъ событій, начавшихся слишкомъ за 250 лѣтъ. Не только завоеванія, пріобрѣтенія Польши, постепенно отпадали отъ нея, но и собственныя коренныя владѣнія: Лифляндія, восточная и западная Пруссія, Померанія, Силезія,—кромѣ Малороссіи и Сѣверской стороны съ Смоленскомъ и Кіевомъ.

Шведскій посланникъ, Графъ Шлиппенбахъ, въ продолженіи Шведской съ Польшею войны, предлагалъ раздѣлить Польшу, между Швеціей, Пруссіей и Австріей около 1660 года.

И Польскій король Іоаннъ Казимиръ предвидѣлъ уже это раздѣленіе, начавъ свою знаменитую рѣчь на сеймѣ 1661 года: *Utinam falsus vates sim*, и пр.

Въ избѣжаніе всякихъ споровъ, не станемъ входить въ разсужденіе о *внутреннихъ причинахъ* такого ослабленія. Ваши собственные историки, съ Лелевелемъ во главѣ, ихъ указали. Изъ иностранныхъ вспомнимъ мимоходомъ писателя, совершенно посторонняго, друга свободы, Прудона который не имѣлъ никакихъ побужденій смотрѣть на это дѣло съ Русской точки зрѣнія. Какой же судъ онъ далъ древней Польской Исторіи!

Смятенія между тѣмъ продолжались въ несчастной странѣ. Многочисленныя партіи, съ оружіемъ въ рукахъ, губили ее окончательно. Избирательное право подавало поводъ къ нескончаемымъ распрямъ. Кознямъ не было конца, и вотъ начинаются такъ называемые раздѣлы 1772 года.

Фридрихъ Великій отнялъ у Австрійцевъ Польскую провинцію Силезію, (воръ у вора дубинку укралъ), и видя безпомощное положеніе Польши, раздираемой междоусобіями, предложилъ планъ ея раздѣленія между сосѣдями: Пруссіей, Австріей и Россіей.

Могла ли Россія смотрѣть спокойно на Польскія дѣла? Все ли равно было для нея, кто бы не сидѣлъ на Польскомъ престолѣ? Западныя государства начали давно употреблять Польшу орудіемъ противъ Россіи. Предѣлы Польши простирались до Пскова, Смоленска и Кіева, которые бывали уже подъ ея властію.

Кто обвинить Екатерину за то, что она приняла предложеніе Фридриха Великаго и согласной съ нимъ Австріи, и воспользовалась случаемъ возвратить Россіи губерніи, населенныя Русскимъ племенемъ, Могилевскую, Витебскую, Минскую (Бѣлоруссію), а потомъ Волынь и Подолію, которыя издавна простирали къ ней руки, умоляя о помощи противъ угнетавшихъ жидовъ и католиковъ. Какъ бы всякой другой,

не исключая васъ, поступилъ на ея мѣсть? Скажете ли вы, что И. Екатерина должна была предоставить дѣло однимъ Австрійцамъ и Пруссакамъ, и не принимать въ немъ никакого участія?

Вотъ происхожденіе такъ называемыхъ раздѣловъ Польши, вслѣдствіе которыхъ Россія получила свои древнія области. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Такъ сложились обстоятельства. За Русскими собственными губерніями послѣдовали Виленская и Гродненская, въ которыхъ, кромѣ Русскихъ, живетъ еще собственно, такъ называемая, Литва. Часть ея съ незапамятныхъ временъ обрусѣла, а другая сохраняетъ до сихъ поръ древніе нравы, не имѣя однакожъ ничего общаго съ Польшею, кромѣ католической вѣры.

Мы изложили событія не прибавляя, не измѣняя ни юты. Отдавая совершенную справедливость благороднымъ чувствамъ, благоговѣя предъ любовью къ отечеству, предъ готовностію приносить ему всякія жертвы, не щадя ни крови, ни трудовъ, ни достояній, ни жизни, мы видѣли совершенную, всестороннюю невозможность, которую и старались представить безъ преувеличеній, безъ натяжекъ, безъ заднихъ мыслей.

Finis Polonia! воскликнулъ одинъ изъ лучшихъ сыновъ ея, Косцюшко, обливаясь кровію на полѣ послѣдняго сраженія. Поляки хотятъ воскресить мертвую Польшу, почти сто лѣтъ уже погребенную, и не только воскресить, но, не имѣя угла, гдѣ приклонить свою голову, хотятъ еще возвратить себѣ тѣ чужія страны, которыми они когда то владѣли; они хотятъ отнять у Россіи *зпаднѣя губерніи*.

По какому же праву?

По праву стараго завоеванія.

Если говорить о правѣ завоеванія, то вѣдь мы отвоевали у васъ эти губерніи; намъ принадлежать онѣ, слѣдовательно, по праву новаго, и наконецъ новѣйшаго завоеванія.

Станете ли доказывать правомъ давности, правомъ древняго владѣнія, такъ мы владѣли ими прежде и дольше вашего.

Сами же вы провозглашали въ началѣ возстанія 1831 года, что права народовъ не отчуждаемы. Если Польскія новыя не отчуждаемы, то Русскія древнія кольми паче!

Но кромѣ этихъ правъ мы имѣемъ еще большія, еще важнѣйшія права: единоплеменность, единовѣріе и единойзычіе.

Всѣ эти губерніи заселены Русскимъ народомъ, исповѣдуютъ одну съ нами вѣру, говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ одинъ и тотъ же образъ жизни, и составляютъ одно съ нами исконное цѣлое, одно живое тѣло. Поляки тамъ пришлые господа. Мы не войдемъ здѣсь даже въ изслѣдованіе, какъ они сюда попали, и какими средствами удержались. Довольно сказать, что съ самаго начала они сдѣлались ненавистными краю, и въ такомъ отношеніи остаются до сихъ поръ. Одного мановенія всегда достаточно было, со стороны Русскаго правительства, чтобъ ихъ духу не осталось на Русской землѣ. Такъ и теперь: они живутъ только по милости правительства, которое ихъ защищаетъ. Галиція не давно представила тому разительное доказательство. Причины очень естественныя. Паны поступали безчеловѣчно съ собственными своими крестьянами въ Польшѣ, и возбуждали къ себѣ ихъ ненависть: можно себѣ представить, какъ они поступали съ чужими крестьянами, которые говорили другимъ языкомъ, исповѣдывали другую вѣру и принадлежали къ ненавистному, враждебному племени. Это были илоты, осужденные на работу. Поляки отдавали ихъ въ аренду преимущественно жидамъ, и всѣ вмѣстѣ, жидаы, іезуиты и паны, угнетали несчастный народъ, приведенный ими почти въ скотское состояніе. Приглашаемъ Европейскихъ путешественниковъ его освидѣтельствовать.

Какъ же хотятъ Поляки получить себѣ такія земли? Сами жители того не допустятъ, и скорѣе всѣ погибнуть, чѣмъ отдадутся Полякамъ. Что касается до насъ Русскихъ, мы не можемъ уступить ни одной пяди, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Это значило бы наложить руку на себя, разрубить свое тѣло, предать родныхъ братьевъ на жертву исконнымъ ихъ врагамъ, усилить непріятеля на свой счетъ, непріятеля, съ которымъ новая война была бы неизбежна. Вся Россія завопила въ одинъ голосъ, при одномъ слухѣ о возникавшихъ притязаніяхъ. *Вопросъ о западныхъ губерніяхъ можно считать для насъ вопросомъ рѣшеннымъ.*

Но это рѣшеніе, не во гнѣвъ будъ сказано, ожидаетъ еще себѣ дополненіе: восточная часть Люблинской и южная часть Августовской губерніи, населенныя чистымъ Русскимъ, а не Польскимъ племенемъ, должны быть отдѣлены отъ Царства Польскаго, и присоединены къ составу Русской Имперіи. Уніатамъ должно быть предложено возвращеніе къ Православію, чему они будутъ, вѣроятно, рады, если только отстранится вліяніе ксензовъ. Въ этомъ отношеніи Русскіе должны быть благодарны послѣднему мятежу, который указалъ намъ на несчастныхъ, покинутыхъ братьевъ. Нѣтъ худа безъ добра.

Предъявивъ столь смѣло свои притязанія на западныя губерніи, замѣтимъ мимоходомъ, заговоривъ о границахъ 1772 года, Поляки повредили себѣ много, возбудивъ вдругъ всю Россію, какъ одного человѣка, и поставивъ противъ себя Австрію и Пруссію, которыя увидѣли опасность лично для себя, — да и остальная Европа не могла не испугаться такого заявленія, грозившаго общею войною. Въмѣсто чужаго достоинства, почему, спросимъ здѣсь ктати, не начали они искать своего, Познани и Силезіи у Пруссіи, западной Галиціи у Австріи? Они не надѣялись отнять эти провинціи такъ легко у Нѣмцевъ, и мы виноваты, слѣдовательно, своею снисходительностію. Такъ для насъ выгоднѣе, говорили Поляки! Почему же вы негодуете на насъ, когда мы вздумаемъ избирать образъ дѣйствія для насъ выгодный, чего, впрочемъ, исполнѣ, систематически, еще не случалось.

Мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о *возстаніяхъ Польскихъ* въ 1831 и 1861 годахъ, какъ опытахъ, которымъ малаго, говорятъ Поляки, не достало до полной удачи?

Нѣтъ, не малаго, а многого. Я буду говорить о нихъ послѣ подробнѣе, а теперь скажу только, что въ 1830 году Поляки имѣли войско, обученное нами себѣ на голову, имѣли опытныхъ офицеровъ, генераловъ, владѣли крѣпостями, были снабжены запасами, стояли твердою ногою на землѣ, ждали помощниковъ изъ западныхъ губерніи, которые готовы были соединиться съ вами, могли надѣяться на иностранную помощь, — и чѣмъ же кончилась удачная сначала, вслѣдствіе не

рѣшительности Великаго Князя Константина Павловича и медленности Дибича, попытка? Черезъ мѣсяць послѣ прибытія Паскевича все было кончено.

Временной успѣхъ, если только можно назвать успѣхомъ, тревожное состояніе Варшавы въ 1861, 1862 и 1863 годахъ, условливался единственно снисходительностію и человеколюбіемъ Императора Александра II, который не хотѣлъ сначала принимать строгихъ мѣръ. Всѣ ватаги или отряды повстанцевъ не могли встрѣчаться съ войсками въ полѣ, кромѣ немногихъ случаевъ, когда численность подавала надежду на успѣхъ. Мятежъ былъ бы прекращенъ съ самаго начала двумя, тремя порядочными залпами по Краковскому предмѣстію, князя Горчакова, и рѣшительнымъ объявленіемъ въ западныхъ губерніяхъ, что Польскіе помѣщики лишаются покровительства законовъ, и при первомъ поползновеніи къ участию въ мятежѣ.

Когда принялись за дѣло, не шутя, оно и было тотчасъ кончено.

Что же дѣлать Полякамъ? Неужели сидѣть склавши руки, терпѣть, страдать?

Мой отвѣтъ все еще впереди, а оставаясь на вашемъ настоящемъ мѣстѣ, продолжая смотреть вашими глазами, или въ ваши очки, разсуждать по вашему, я, признающій по всѣмъ опытамъ, совершенную невозможность достигнуть цѣли, вами предположенной, думаю, что все-таки лучше сидѣть, склавши руки, и ждать погоды, чѣмъ лѣзть на ножъ безъ всякой пользы.

Повторяю, что это говорю я въ вашихъ видахъ, и отнюдь не въ своихъ!

Какой же погоды можно вамъ дожидаться? Тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ теперь нѣтъ, которыхъ ни мы, ни вы, никто теперь вообразить не можетъ, которыхъ всегда бывають въ запасъ у исторіи. Въ дѣлахъ человѣческихъ, всегда надо предоставлять многое случаю, какъ мы его слѣные теперь называемъ, нечаянности, обращающей часто въ прахъ самые вѣрные расчеты и самыя умныя соображенія. Потершите, что выработаетъ исторія. Время умнѣе всѣхъ.

Это такой революціонеръ, съ которымъ никто сравняться не можетъ. Въ ожиданіи такихъ неизвѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, должно, по необходимости, покориться судьбѣ. Призывайте ихъ всею душою своею, питайте, пожалуй, ненависть свою къ намъ въ сердцѣ своемъ, если никакъ не можете освободиться отъ этого пагубнаго свойства, — и прекратите ваши собственные, личные, нравственно преступныя посылки, перестаньте стрѣлять по пусту холостыми зарядами.

Такъ говоритъ здравый смыслъ, того требуетъ ваша собственная польза, даже если вашей, невѣрной, по нашему, точки зрѣнія.

Сдѣлаемъ опытъ еще другаго разсужденія. Уничтожимъ въ воображеніи всѣ настоящіе препятствія, отбросимъ всѣ невозможности, предположимъ, что какія нибудь нечаянныя благопріятныя обстоятельства уже наступили, представимъ себѣ, что Польша приобрѣла себѣ независимость отъ Россіи, и составила *особое государство* въ предѣлахъ нынѣшняго Царства Польскаго. Больше вѣдь сначала вы искать не можете, и съ этого сами начинаете.

Поговоримъ теперь о такомъ вашемъ будущемъ положеніи. Вы очутитесь опять среди вашихъ непримиримыхъ враговъ, Австрійцевъ, Пруссаковъ, Русскихъ. Еслибъ вы даже рѣшились остаться въ покоѣ, они вамъ не повѣрятъ, да и повѣрить не могутъ. Пруссія и Австрія испугались бы за Познань, за Вислу, за Силезію, за Галицію, и совершенно основательно. Вы ни какъ не могли бы вѣдь оставить за ними чисто Польскія органы. Вы стали бы вооружаться на нихъ, а они на васъ, и опять 5 милліоновъ не моглибъ сладить съ 50. Но положимъ, чтобъ вы на первыхъ порахъ и сладили съ ними, овладѣлибъ Познанью, Польскою Галиціею, — но въ такомъ случаѣ вы сталибъ лицомъ къ лицу сорока милліоновъ Нѣмцевъ, — возникла бъ война, которой конецъ очевиденъ: новое раздѣленіе Польши! Пруссія возьметъ Краковъ и Варшавское герцогство, Австрія возвратитъ себѣ Силезію. Россія опять не можетъ оставить это дѣленіе безъ участія, и возьметъ себѣ Русскую Галицію (что можетъ даже сдѣлать и теперь если слишкомъ разсердите въ нее, предложивъ промѣнъ

на царство съ Пруссіей и Австріей). Другаго исхода ожидать нельзя. Что же вы выиграли à la fin des fins?

Ясно, что приобрета́я независимость, — мы возвращаемся къ первому нашему предположенію, — вамъ окажется необходимымъ, цѣлесообразнымъ, *соединиться* съ кѣмъ нибудь изъ вашихъ враговъ или сосѣдей. Польша, одна, на своей равнинѣ, между Австріей, Пруссіей и Россіей, существовать не можетъ.

Станемъ же добровольно выбирать, пока враги не захватили въ расплохъ, и опять не раздѣлили.

Съ Саксоніей? Опытъ былъ и очень неудачный. Курфирсты никакъ не могли удержать васъ и предохранить отъ гибели. *

Съ Пруссіей? Опытъ есть, также незавидный. Если бъ Варшавское герцогство осталось за Пруссіей, то есть къ нашему времени, по крайней мѣрѣ, въ половину было бъ отзмечено.

Съ Австріей? Австрія сама для себя есть неблагонадежное цѣлое, которое всякую минуту должно трепетать за свое существованіе. Притомъ примѣръ Галицкихъ помѣщиковъ, которыхъ въ одну ночь погибло значительное количество, въ 1848 году, не можетъ, кажется, ободрять много къ такому соединенію.

Остается одна Россія, съ которой всѣхъ естественнѣе, удобнѣе, выгоднѣе, легче, ближе, будетъ вамъ соединиться, съ которой можно еще жить вамъ сносно и своеобразно. И многіе ваши сеймы, короли, государственные люди, писатели, считали и считаютъ, это соединеніе естественнымъ и для обѣихъ сторонъ полезнымъ. Нѣсколько разъ въ древности начинались переговоры.

Но вы уже соединены съ Россіей! Судьба заранѣе, своими путями, устроила это соединеніе. За чѣмъ же труды, жертвы, муки, кровопролитіе, если, рано или поздно, опять тоже окончаніе неизбежно, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ. Подумайте!

Императоръ Всероссійскій и Царь Польскій! Не ужели это звучитъ хуже, чѣмъ король Пруссійскій и Польскій, чѣмъ

* Теперь Пруссія этого не допустить.

ператоръ Австрійскій и король Польскій? Императоръ Австрійскій и король Венгерскій—въ этомъ титулѣ ничего не было противнаго и оскорбительнаго для Венгерцевъ: почему же такъ противно вамъ подобное?

Раздвѣлять судьбу Россійской имперіи неужели не предпочтительнѣе той кровавой перспективы, на которой мы остановились въ предыдущемъ параграфѣ?

Послушайте, что въ ней происходитъ: 50 милліоновъ крестьянъ землевладѣльцевъ. Двери въ суды растворены. Цензура предварительная уничтожена. Земскія собранія въ полномъ ходу, такіа какихъ не бывало почти нигдѣ, зародышь великаго будущаго. Городовыя управленія открыты. Народному образованію дается движеніе. Прочее впереди!

Вопросъ предложить только собственно о *формѣ соединенія*, о жизни подъ этимъ титуломъ.

Настоящая жизнь, жалуетесь вы, тяжела для васъ, не выноσιма. Поговоримъ же теперь, стараясь быть какъ можно спокойнѣе и хладнокровнѣе, о причинахъ, приведшихъ васъ въ такое тяжелое положеніе, а послѣ о средствахъ выйти изъ него.

Надо опять возвратиться нѣсколько назадъ.

Finis Poloniae, воскликнулъ Костюшко. Польское сердце не хотѣло вѣрить этому вѣщему воплю, вырвавшемуся изъ души одного изъ лучшихъ сыновъ отечества. Множество Поляковъ переселились тогда во Францію, приняло участіе во всѣхъ войнахъ революціи, чтобы пріобрѣсти себѣ помощь. Они проливали свою кровь на всѣхъ сраженіяхъ, служили вѣрой и правдой Франціи. Подъ чуждымъ игомъ не переставали они питать своей надежды, и хватались съ жаромъ за всякій случай, обѣщавшій имъ ожидаемое спасеніе.

Разнесся слухъ о расирѣ между Россіей и Франціей. Вся Польша всколыхалась: о годъ двѣнадцатый, поетъ Мицкевичъ въ своемъ Папѣ Тадеушѣ,

На родинѣ моей тебя воображаю
доселѣ чтить тебя народъ,
И пѣсни про тебя слагаетъ и поетъ.

Забытый гдѣ нибудь, доселѣ старый воинъ,

Услышавъ про тебя, не можетъ быть покоенъ,

Невольно тесака хватаетъ рукоять —

И кровь его кипитъ, и молодъ онъ опять.

Благословенный годъ самими небесами

И сердцемъ мы тебя прочувствовали всѣ,

И что то дивное съ Литвинами творилось,

Какъ будто небо имъ въ то время растворилось.

Ура! война! война!

Наполеонъ пошелъ на Россію. Восемьдесятъ тысячъ выставилъ ему Поляки отборнаго войска, которое служило ему авангардомъ. Всѣ были увѣрены въ побѣдѣ его, и самъ Черторижскій, другъ Александровъ, потому только держалъ себя въ сторонѣ, что считалъ свое участіе даже ненужнымъ.

Отцы наши рассказывали намъ, съ какимъ остервененіемъ Поляки жгли, грабили, разоряли Русскіе города, села, деревни.

Извѣстно, какъ кончилась война. Поляки возтрепетали о своей участи. Александръ не попомнилъ зла. Этого мало: онъ хотѣлъ возстановить Польшу. Союзники воспротивились, и готовы были начать войну съ нами изъ за Польши. Представитель Франціи воспретяствовалъ первый. Было предложено вновь раздѣлить Польшу. Александръ долженъ былъ сдѣлать уступки, и принять титулъ Царя Польскаго. Онъ выразилъ желаніе дать Царству конституюцію. Черторижскій предложилъ ему совершенно аристократическую. — Александръ разорвалъ ее, и далъ другую, которую ревностный республиканецъ Карно считалъ слишкомъ либеральною, даже въ сравненіи съ Французскою. Учреждено было особое Польское войско, предоставлена почти полная автономія — вопреки мнѣнію первыхъ государственныхъ людей того времени, нашихъ и чужихъ, Графа Поццо ди Борга, Лорда Кастлерига и проч. И что же — Поляки выразили свое неудовольствіе, даже при первомъ чтеніи всемилостивѣйшаго манифеста, какъ тогда же засвидѣтельствовали Государю очевидные свидѣтели. Они хотѣли, чтобъ присоединены были къ нимъ наши Русскія губерніи, бывшія у нихъ нѣсколько

времени въ подданствѣ. Удивительная черта въ характерѣ, который никогда ни чѣмъ не можетъ быть доволенъ! Поляки получили то, о чемъ и помышлять не смѣли, при несчастномъ исходѣ войны, веденной ими съ такимъ ожесточеніемъ противъ Русскихъ, и тотчасъ позабылись, захотѣли еще большаго! И наступила минута роковая, до сихъ поръ не объясненная, вполне неизвѣстная, когда Александръ, можетъ быть, въ своихъ особыхъ видахъ, готовъ былъ исполнить даже и это ихъ, по нашимъ убѣжденіямъ, ни съ чѣмъ несообразное желаніе. * Какъ будто Россія всячески старалась удовлетворить Польшу, дѣлать для нея все возможное и невозможное. Политическія обстоятельства ** помѣшали Александру исполнить это намѣреніе, какъ говорили они послѣ Карамзину, горячо возставшему противъ такой мысли. Князю Черторижскому ввѣренъ былъ тогда Виленскій Учебный Округъ, гдѣ онъ на свободѣ распространялъ Польское ученіе, и поддерживалъ связь съ Польшею, ослабленную мѣрами Екатерины.

Какъ бы то ни было, Поляки продолжали питать свое неудовольствіе: на всѣхъ сеймахъ возникали споры съ правительствомъ, начались заговоры еще при жизни Александра, такъ что самъ онъ, другъ и благодѣтель Польши, принужденъ былъ измѣнить свой образъ дѣйствій, хоть очень милостиво. Открываемые заговоры отдавались на судъ, большею частью, самихъ Поляковъ, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ. Наказанія опредѣлялись самыя легкія, или никакихъ. Сенатъ объявлялъ, что по несовершенству законовъ не могъ произнести другаго приговора!

Александръ скончался. Не стану вспоминать о происшествіяхъ, слѣдовавшихъ за его кончиною. Строгія мѣры какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ, должны были быть умножены, вслѣдствіе случившихся событій, которыя въ Польшѣ были безпрестанно подновляемы. Императоръ

* Недумалъ ли Александръ такую уступкою съ своей стороны вызвать уступку со стороны Австріи и Пруссіи? Оставаясь Царемъ Польскимъ, онъ, можетъ быть, не придавалъ большаго значенія номинальному или географическому измѣненію границъ.

** Какія? Невозраженія ли Государствъ Европейскихъ?!

Николай прїѣхалъ въ Варшаву для коронаціи. Рѣшено было убить его, братьевъ и наслѣдника во время парада на Саксонской площади. Могло ли управление сдѣлаться снисходительнѣе?

Впрочемъ революція возгорѣлась отнюдь не вслѣдствіе принятыхъ мѣръ правительства, какъ объясняетъ одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, того времени, Мохнацкой; — «если бы даже Русскіе святѣйшимъ образомъ соблюдали конституціонное учрежденіе въ царствѣ Польскомъ, то полное его развитіе не привело ли бы еще скорѣе къ возстанію, чѣмъ его ограниченіе? Революція лежала въ основаніи самаго учрежденія Царства, и Русскіе Государи не могли предотвратить ее ни пунктуальнымъ исполненіемъ конституціи, ни совершеннымъ ея уничтоженіемъ; по этой же самой причинѣ я не вывожу революцію изъ недостатковъ правительства, такъ какъ оно могло быть въ тысячу разъ хуже, если бы мы были независимы.» — А въ другомъ мѣстѣ (1,220) тотъ же писатель говоритъ: «по моему убѣжденію, ни свобода, ни учрежденія, каково бы ни было ихъ достоинство, не въ силахъ усладить судьбу націи, которая нѣкогда была велика и могущественна, впоследствии пришла въ упадокъ, и за тѣмъ желаетъ вновь возвыситься. Такая страна находится въ состояніи постоянныхъ инсurreкцій, такой народъ живетъ только возстаніемъ, и въ немъ одномъ видитъ свое назначеніе. Царство Польское, основанное конгрессомъ, было только частицею общаго, національнаго бытія. Дарованныя ему права и привилегіи по столыку лишь имѣли значеніе, по скольку они доставляли возможность, законнымъ путемъ выказывать оппозицію главнѣйшимъ врагамъ Польскаго имени.»

Поляки подняли знамя бунта. Годъ продолжалась отчаянная борьба. Варшава была опять взята приступомъ, войско захвачено въ плѣнъ, и Польша, присужденная Европою Россіи за освобожденіе отъ Наполеона, *завоевана вновь*. Всѣ прежнія отношенія войною уничтожены, конституція отнята, войско разкассировано. Множество Поляковъ опять выселилось за границу. Пвѣтъ поколѣнія погибъ, тысяча семействъ осиротѣло, истрачены силы. Остановлено развитіе. Положеніе

края, послѣ такой несчастной попытки, и такихъ жертвъ, какія вынуждена была для усмиренія перенести Россія, сдѣлалось, разумѣется, тяжелѣе и непріятнѣе. Довѣріе къ Полякамъ уменьшилось, и могло бытъ иначе? Паскевичъ былъ строгъ, впрочемъ только на первыхъ порахъ. Языкъ, судопроизводство, мѣстное управленіе, оставалось Польское. До религіи не было и прикосновенія.

Прошло еще тридцать лѣтъ. Матеріальное благосостояніе, достигшее при Александрѣ значительной степени, поднялось опять, старыя раны начали заживать. Скопчался Императоръ Николай. Александръ II-й, находясь при вступленіи своемъ на престолъ, въ совершенно другихъ обстоятельствахъ, заявилъ тотчасъ свои намѣренія. Жить стало легче, какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ. Польша получила многія права, которымъ общано дальнѣйшее развитіе. Множество изгнанниковъ возвращено въ отечество. Въ каждомъ году обнародовалось, постановленіе, то или другое, но въ одномъ и томъ же духѣ искреннемъ и свободномъ. Поляки, должны были ожидать расширенія своихъ правъ, и что же? Въ это самое время, когда обстоятельства измѣнялись въ ихъ пользу, когда все управленіе принимало характеръ либеральный, Поляки (въ подтвержденіе словъ Мохнацкаго), начинаютъ новое возмущеніе. Государь приписалъ первыя вспышки увлеченію, и продолжалъ расширять ихъ права, мѣстныя начальства получили приказаніе дѣйствовать какъ можно снисходительнѣе, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ. Это снисхожденіе имѣло дѣйствіе обратное, оно было сочтено слабостью, безсиліемъ, не возможностью поступать иначе. Солдаты, офицеры и генералы наши до сихъ поръ не могутъ равнодушно разсказывать о тѣхъ поруганіяхъ, коимъ они подвергались на улицахъ, въ обществахъ, въ собраніяхъ. Должно было удивляться терпѣнію Русскаго народа, но нельзя не сказать теперь, основываясь на вѣрныхъ свидѣтельствахъ, что Варшава подвергалась нѣсколько разъ опасности облиться кровію, взлетѣть на воздухъ, и испытать бомбардированіе. Убіиства слѣдовали за убійствами, терроръ господствовалъ. Никто не считалъ себя въ безопасности, ни Полякъ, ни Русскій! И въ этомъ то разгарѣ страстей,

среди смертоубійственныхъ покушеній, подъ заревоиъ пожара, является братъ Государевъ съ природнымъ Полякомъ а la tête. Впродолженіи дѣла о года они соблюдаютъ стражайшую законность, отдаляютъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ поголовно, замѣщаютъ ихъ вездѣ Поляками, покровительствуютъ Университету, возводятъ Польскій языкъ на степень государственнаго языка, чтутъ Католическую церковь, во всѣхъ случаяхъ употребляютъ систему не только снисходительности, но даже потворства. Вся Россія въ страшномъ негодованіи, видя мятежъ не уменьшающимся, а ежеминутно возрастающимъ, а Великій Князь продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Должны ли были Поляки успокоиться, образумиться, удостовѣриться, что время настало другое. Нѣтъ, ничто не помогало, съ каждымъ днемъ становилось хуже и хуже. Полиціи какъ бы не существовало, организовались шайки кинжалщиковъ, вѣшателей, поджигателей. Преступники получали свободу. Пѣнные повстанцы по нѣскольку разъ попадали въ крѣпости, и находили случаи убѣгать изъ нея. Тысячи фальшивыхъ паспортовъ ходили по рукамъ. Похищались огромныя, общественныя суммы. Тогда Государь увидѣлъ, что милосердіе неумѣстно и несвоевременно. Мѣра долготерпѣнія исполнилась. Великій Князь оставилъ Варшаву. Графъ Бергъ получилъ Высочайшее повелѣніе кончить комедію, которая дѣлалась трагедіею, со всѣми ея ужасами—и въ короткое время мятежъ былъ укращенъ, банды разогнаны, убійцы переловлены, убѣжища открыты, оружіе собрано—остальные преступники скрылись, и всѣ дѣла приведены въ прежній порядокъ.

Но еще поколѣніе пропало. Еще тысячи семействъ осиротѣли. Еще Польша отодвинулась назадъ въ своемъ развитіи.

Неужели это не послѣдняя попытка? Неужели еще надо проливаться крови? Гибнуть людямъ? Неужели чрезъ тридцать лѣтъ опять возобновятся эти несчастныя явленія? Сохрани Богъ! Когда же это кончится? Что за перспектива!

На будущій разъ, обогатившись опытами, говорятъ нѣкоторые Поляки, твердо стоя на своемъ, мы будемъ умнѣе, мы придумаемъ новыя средства, и никому не можетъ придти въ голову, какую форму приметъ Польская революція.

Нѣтъ, не обольщайтесь ложными надеждами, не обманывайте себя, вы все тѣже, и ваши споры и внутренніе раздоры, которые продолжаются въ одинаковой степени вездѣ, дома и на чужбинѣ, во внутреннемъ управленіи и въ изгнаніи, доказываютъ убѣдительно, что вы, дѣти своихъ отцевъ, ничему не научились и ничего не забыли. Вы повторяете однѣ и тѣже явленія, которыми преисполнена Польская исторія.

Положимъ, однако, что вы ухитритесь придумать что нибудь новое, но вѣдь и мы также, обогатившись опытами, сдѣлаемся поумнѣе: если Варшавская желѣзная дорога помогла намъ справиться легче съ возстаніемъ 1862 года, чѣмъ это было въ 1830 году, то къ 1890 году откроются безъ сомнѣнія новые источники силъ, да одно уже обрусѣніе западныхъ губерній окажетъ намъ новую помощь, чтобы преодолѣть эту неизвѣстную, новую форму будущей революціи.

Нѣкоторые изъ васъ надѣются, что мы, по обыкновенію, скорѣе задремлемъ. Можетъ быть: не ручаюсь за бдительность, но Нѣмцы не задремлютъ, и на нихъ вы не нападете въ расплохъ, а когда они ударятъ тревогу, тогда и мы проснемся.

Русскіе могутъ дѣлать ошибки, промахи, могутъ потерять много нынѣ и завтра по своей оплошности, лѣности, добросердечію, легковѣрію, но въ концѣ концовъ то же сдѣдствие не минуемо, т. е. напраснымъ пролітіемъ крови.

Нѣтъ, въ перспективѣ у васъ, въ эту сторону, только безцѣльное человеческое жертвоприношеніе? Но о далекомъ будущемъ толковать нечего. Оно въ рукахъ у судьбы. Возвратимся къ прерванному разсужденію о настоящемъ или ближайшемъ будущемъ.

Положеніе послѣ попытки 1861 года стало хуже, чѣмъ въ 1831 году, тяжеле вообще для народонаселенія, и по причинамъ очень естественнымъ. Кинжалщиковъ, вѣшателей, поджигателей, нельзя было оставить на волѣ въ народѣ. Начались розыски по доносамъ пойманныхъ виновниковъ. Открывались такія преступленія, о которыхъ никто ничего не зналъ, указывались лица, на которыхъ не падало никакого

подозрѣнія. Довѣріе, поколебленное въ 1831 году, теперь почти совсѣмъ изчезло, и можно ли требовать его, если ужасный Польскій катехизисъ выходитъ, такъ сказать, безпрестанно новыми изданіями, пересмотрѣнными, умноженными и исправленными, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Военное положеніе остается на неопредѣленное время. Совершенно нѣсколько казней по приговору военныхъ судовъ, то есть, изъ десяти тысячъ убійць выбраны самые виновные. Полиція умножена, преимущественно изъ Русскихъ солдатъ и офицеровъ. Наѣхало еще множество Русскихъ чиновниковъ для приведенія въ исполненіе крестьянской реформы. Польскимъ чиновникамъ поручить ее не было возможности, потому что они, связанные старыми узами съ помѣщиками, взяли бы ихъ сторону, и оставили бы крестьянъ въ прежней отъ нихъ зависимости. Съ Русскими чиновниками не обходимо должно было распространиться и употребленіе Русскаго языка, безъ котораго тѣ не могли вдругъ дѣйствовать. Наконецъ, участіе ксензовъ въ дѣлѣ возстанія, благословеніе ими убійць, открытіе складовъ оружія въ монастыряхъ, узбнанныя собранія и совѣщанія повстанцевъ въ костелахъ, повлекли за собою рядъ мѣръ, по видимому, стѣсняющихъ права католической религіи, но въ сущности направленныхъ только къ лишенію средствъ дѣйствовать на умы въ политическомъ смыслѣ. Развѣ Италія поступаетъ иначе съ своими аббатами и монахами, а Италіанскіе аббаты и монахи въ отношеніи къ Италіи, не то, что Польскіе ксензы, въ отношеніи къ Русскому правительству. Правительству нужно быть каждую минуту на сторожѣ, въ опасеніи, что бы взрывъ гдѣ нибудь не послѣдовалъ, и потому должно принимать для предупрежденія разныя стѣснительныя мѣры. Одинъ мой старый воспитанникъ и сказалъ мнѣ не давно въ Варшавѣ: «ну что мнѣ дѣлать съ моимъ сыномъ? куда я дѣну него?» Въ томъ же положеніи находятся, разумѣется, многіе и премногіе отцы. Шляхты въ Польшѣ количество не соразмѣрное съ народонаселеніемъ. Кто же виноватъ, что Поляки сами запираютъ себѣ двери для службы вездѣ, съ своимъ катехизисомъ.

Изъ за виноватыхъ терпятъ невинные. Это правда, хотя во все невинныхъ очень мало, если и есть ктонибудь. Не все участвовали лично въ возстаніи, но все помогали, сколько могли, посредственно и непосредственно. (Я говорю ошляхтъ). Не есть ли это все таки вина, которая теперь необходимо и наказывается тягостію атмосферы для всехъ городскихъ населеній.

Говорятъ, что въ началѣ дѣйствовали только иностранцы и вновь прибывшіе, прощенные социалисты, но если бы благоразумные граждане подали тотчасъ свой голосъ, осудили бы торжественно сдѣлавшіеся извѣстными покушенія, то возстаніе съ самаго начала лишилось бы значительной силы, общественное мнѣніе въ Европѣ не было бы приведено въ заблужденіе, Русское правительство получило бы поддержку и ободреніе. Нѣтъ, этого не было даже въ періодъ управленія Маркиза Велепольскаго. Эти благоразумные люди молчали, и такимъ образомъ оставили въ неизвѣстности свой образъ мыслей. Правительство не знало на кого оно могло надѣяться, встрѣчая вездѣ одну измѣну. Они боялись, слышится теперь въ оправданіе. Положимъ такъ. Ну что же теперь мѣшаетъ имъ выразить свое мнѣніе, убѣдить своихъ соотечественниковъ въ томъ ужасномъ вредѣ, какой причиняютъ они отечеству своими отчаянными выходками, своими пагубными замыслами? Почему теперь не стараются предупредить новыя прозы, застраховать скольконибудь судьбу своихъ семействъ.

Вотъ ненормальное положеніе Польши, вызванное ея послѣднею несчастною попыткою. Пусть какое угодно правительство, Англійское, Швейцарское, Американское, скажетъ, что оно поступало бы иначе, пусть научить, что должно дѣлать, и какъ поступать Россіи. Что происходитъ предъ нашими глазами въ Америкѣ, въ Англии, въ Италиі? Продолжая дѣйствовать въ прежнемъ духѣ и питать подозрѣніе Русскаго правительства, Поляки готовятъ себѣ только худшую участь. И теперь уже образовались двѣ системы, или два направленія въ Русскомъ обществѣ: одни и самые многочисленные думаютъ, что на примиреніе, на искреннія

чувства, надѣяться никакъ нельзя, и что должно дѣйствовать въ отношеніи къ шляхтѣ, рѣшительно и грозно, не только въ западныхъ губерніяхъ, но и въ царствѣ; другіе говорятъ, что надо еще испытывать снисходительныя средства, въ надеждѣ примиренія и будущаго союза.

Безъ сильныхъ обязательныхъ доказательствъ съ Польской стороны о переѣздахъ къ лучшему, первая система имѣть за себя всѣ данныя. Безъ положительныхъ доказательствъ невозможно ослаблять военнаго положенія, расширять права законной свободы.

Намъ остается говорить о положеніи дѣлъ въ западныхъ губерніяхъ.

Тамошнее Польское дворянство имѣть еще меньше права жаловаться на стѣсненія, если онѣ и существуютъ. Эти стѣсненія естественное слѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, ихъ собственнаго образа дѣйствій.

Русское правительство, возвративъ эти губерніи, оставило Польскихъ помѣщиковъ жить тамъ и хозяйничать. Народъ Русскій продолжалъ томиться, презираемый и выжимаемый ими, подъ охраною и защитою Русскихъ законовъ. Русскіе крестьяне прикрѣплены были еще крѣпче къ помѣщикамъ, чѣмъ то было подъ Польскимъ игомъ. Мы покровительствовали католической религіи въ ущербъ нашей, заводили и содержали училища съ господствомъ Польскаго языка. Народъ выходилъ часто изъ терпѣнія, и готовъ былъ напомнить времена Коліевщины и послѣдовать примѣру Галицкихъ крестьянъ. Русскіе солдаты защищали Польскихъ помѣщиковъ своею грудью, что продолжается и теперь, и несчастные крестьяне, противъ нихъ поднимавшіеся, есылались въ Сибирь. И между тѣмъ Польскіе помѣщики тянули къ Польшѣ, а не къ Россіи, при всякомъ случаѣ обнаруживая свои враждебныя чувствованія. Мицкевичъ, видѣли мы, описалъ ихъ сердечное настроеніе въ 1812 году. Въ 1831 году повторились тѣ же явленія. Въ исторіи Шмита мы находимъ множество новыхъ доказательствъ. Передъ 1861 годомъ Подольскіе Польскіе помѣщики отнеслись прямо къ Государю.

съ просьбою о соединеніи ихъ края съ Польшею. Между Минскими выражалось то же намѣреніе. Когда началось возстаніе, они помогали всѣми средствами, собирали деньги, снаряжали банды, пересылали оружіе, давали убѣжище, начинали открытое возмущеніе. Въ западныхъ губерніяхъ былъ главный Польскій арсеналь. На западныя губерніи Поляки возлагали твердѣйшую свою надежду, и, дѣйствительно, сила ихъ съ западными губерніями увеличилась бы по крайней мѣрѣ втрое. Можемъ ли мы, въ видахъ даже самосохраненія, не обращать вниманія на эти губерніи, такъ какъ до сихъ поръ къ стыду своему дѣлали, и если Поляки хотятъ ихъ отнять, принимаютъ для того свои мѣры, то не должны ли мы, связанные съ ними узами крови, языка и вѣры, стараться о сохраненіи ихъ въ своей власти, утвержденіи на вѣки вѣковъ, и въ отнятїи у Поляковъ всякой надежды? Пусть поставятъ они себя на наше мѣсто.

Вотъ ключъ всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ нами въ западныхъ губерніяхъ, но еще слишкомъ слабо и снисходительно, вопреки желаніямъ и требованіямъ всего Русскаго народа. Вѣрные свидѣтели и очевидцы согласно утверждаютъ, что по неоспоримымъ документамъ и уликамъ, три четверти помѣщичьихъ имѣній тамъ могутъ быть конфискованы за доказанное участіе въ мятежѣ, и что главные зачинщики виновники остались въ покоѣ, выдавъ на казнь нѣсколько пролетаріевъ, сорванцовъ, служившихъ имъ слѣпымъ орудіемъ.

Правительство поступило теперь очень милосердо, точно какъ поступало слишкомъ снисходительно и при рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Русскіе крестьяне въ западныхъ губерніяхъ освобождены были на тѣхъ же условіяхъ отъ Польскихъ помѣщиковъ, какъ и во всей Россіи отъ Русскихъ. Но развѣ Польскіе помѣщики могутъ идти въ сравненіе съ Русскими, послѣ тѣхъ заявленій, послѣ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ они оказались виновными? Этого мало: приведеніе въ исполненіе закона поручено было Польскимъ чиновникамъ, которые, разумѣется, держали сторону помѣщиковъ, вели дѣло такъ, что крестьянамъ становилось не лучше, а хуже. Отводились не удобныя земли, назначались неумѣ-

ренныя цѣны, и всякая тяжба рѣшалась въ пользу помѣщиковъ противъ крестьянъ. Учреждены были въ послѣдствіи повѣрочныя комиссіи, которыя поворотили нѣсколько дѣло на законный путь. Во всякомъ случаѣ правительство сознало, наконецъ, положительно, что давно уже сознано было народомъ, что жители этихъ губерній, чистые Русскіе люди должны быть по всѣмъ законамъ, естественнымъ, политическимъ, историческимъ, защищены, охранены въ своихъ интересахъ, и что ни какого элемента не должно тамъ существовать, кромѣ Русскаго. Въ этомъ смыслѣ Польскіе помѣщики могутъ быть терпимы въ западныхъ губерніяхъ, только какъ Русскіе.

Да имъ кажется и не трудно бы сдѣлаться настоящими Русскими, еслибъ только они обдумали хорошенько свое положеніе. Въ ихъ жилахъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части, течетъ Русская кровь. Они исповѣдывали Греческую вѣру, и говорили Русскимъ языкомъ. Взгляните на надгробную плиту съ Русскою надписью одного изъ прародителей Графа Тишкевича, которая была запрятана куда то въ Виленскомъ археологическомъ музеѣ, а теперь вскрыта наружу. Загляните въ Литовскій статутъ, пересмотрите церковныя синодики, сколько ихъ доселѣ сохранилось. Переберите древніе акты въ Виленскомъ и прочихъ архивахъ, которые до позднѣйшаго времени, т. е. до 18-го столѣтія, писались по Русски. И вы убѣдитесь, что дворянство здѣшнее, большею частію по происхожденію своему, есть Русское, и только по соединеніи Литвы съ Польшею, перемѣнило свою вѣру, оставило свой языкъ, чтобъ воспользоваться правами Польской шляхты. Польскимъ помѣщикамъ въ западныхъ губерніяхъ, если они хотятъ владѣть спокойно своими землями и не имѣтъ противъ себя народъ, ни теперь, ни впредь, ничего не остается дѣлать, по моему мнѣнію, какъ переходить въ православіе, и дѣлаться Русскими. Они оставили прежде православіе, чтобъ сдѣлаться Поляками, а теперь на оборотъ, пусть оставляютъ католичество, и возвращаются къ вѣрѣ своихъ предковъ, учатъ дѣтей своихъ по Русски, и, послѣ временной разлуки, опять породнятся съ своими

братьями. Католики отнимали церкви у православных; православные имѣютъ полное право возвратить ихъ для воссоединенныхъ.

Тѣ изъ помѣщиковъ, которые живо сознаютъ свое Польское происхождение, пусть продаютъ земли, (даромъ полученные), и идутъ въ свое отечество въ Польшу. Они должны дѣлать это непременно въ видахъ собственной пользы, а то легко можетъ случиться, что какой нибудь Русской Бисмаркъ сдѣлаетъ предложеніе о конфискаціи Польскихъ имѣній, точно какъ Наполеонъ III секвестровалъ имѣнія Орлеанской фамиліи во Франціи, находя это владѣніе несомвѣстнымъ съ государственными видами Франціи.

Всѣ почти Русскіе, на всемъ пространствѣ Имперіи, призываютъ эту мѣру, и считаютъ ее, такъ или иначе, необходимою. Пусть Поляки примутъ это къ свѣденію и соображенію, и убираются по добру по здорову во свояси.

Разсужденіе о настоящемъ положеніи западныхъ губерній и ихъ отношеніи къ Россіи и Польшѣ, даетъ мнѣ поводъ объяснить еще объ одной формѣ Польскаго вопроса, въ какой ставятъ его нѣкоторые Поляки: или мы, или вы! или Польша, или Россія! быть или не быть.

Приобрѣсти независимость Царству Польскому, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, мы видѣли, не возможно.

Отнять у Австріи и Пруссіи Польскія области — еще труднѣе.

Возвратить себѣ прежнія завоеванія, т. е. отнять у Россіи западныя ея Русскія губерніи — колыми паче!

Но для Поляковъ всего этого еще мало. Они думаютъ еще покорить себѣ всю Россію и стать на ея мѣсто.

Кому быть? Они отвѣчаютъ торжественно: Полякамъ.

Что сказать объ этой постановкѣ вопроса, и объ этомъ Польскомъ рѣшеніи. Разсуждать безъ шутокъ нѣтъ возможности.

Матеріалы для отвѣта заключаются, впрочемъ, въ прежнихъ разсужденіяхъ. А здѣсь развѣ повторить вкратцѣ: безъ западныхъ губерній Польша существовать не можетъ, по соб-

— ственному признанію всѣхъ Поляковъ, а Западныхъ губерній Россія ни за что на свѣтъ не уступитъ, слѣдовательно вопросъ въ такой формѣ рѣшается самъ собою. Нѣтъ, друзья мои, ставить его такъ, ставить все на одну карту, для васъ не выгодно. Быть или не быть? Приложите теорію вѣроятностей къ такому вопросу. По всѣмъ даннымъ, по всѣмъ положеніямъ, по всѣмъ условіямъ, по всѣмъ правамъ, оказывается, что быть Россіи. Она имѣетъ сто, тысячу вѣроятностей, противъ вашей одной десятичной дроби. За чѣмъ же вы хотите не быть?

— Что вы, что вы? Дай Богъ вамъ здоровья, мы, мнимые враги, желаемъ вамъ его. За чѣмъ хотите вы стремиться къ своей гибели? За чѣмъ хотите стереть съ лица земли любезное свое отечество?

— Братя, братя! Обдумайтесь, опомнитесь, послушайтесь убѣжденій разума, исторіи, очевидности. Будемъ жить вмѣстѣ и вы и мы! Да здравствуетъ Польша, да здравствуетъ Россія, — и вотъ я приступаю теперь къ изложенію своего мнѣнія объ истинномъ, а не мнимомъ возрожденіи Польши, и о тѣхъ видахъ, которые для нея открываются въ настоящее время.

— Еще Польша незгнѣла — мы Русскіе подаемъ вамъ эту благую вѣсть, вамъ зарывающимъ свое отечество глубже и глубже въ могилу. Александръ II, Императоръ Всероссійскій и Царь Польскій, освобождаетъ три милліона крестьянъ и надбляетъ ихъ землю, намѣревается обезпечить и остальныхъ пролетаріевъ и бобылей. Польская пословица: *coelum nobilium, paradisus clericorum, infernus rusticorum* — потеряла свое значеніе. Шляхтѣ указаны границы. Аристократія, угнетавшая народъ, ослаблена. Поселянамъ возвращено человѣческое достоинство. Они сдѣлались людьми, и перестали считаться быдломъ. Монастыри съ зловреднымъ ученіемъ іезуитскимъ закрываются. Тунеядство поражено въ сердце.

— Наполеонъ сказалъ, что Французской революціей Галлы свергнули иго Франковъ. Общественной реформой Императора Александра свержено иго пришлыхъ Леховъ, прароди-

телей шляхты, неизвѣстнаго, пока, происхожденія, надъ Славянскими туземцами. Пути Провидѣнія, пути исторіи, не исповѣдимы.

Вотъ чѣмъ Польша начинаетъ новую жизнь. Вотъ гдѣ скрывается ея лучшая будущность.

Тяжело для вашего народнаго самолюбія: самымъ лучшимъ добромъ быть одолжену кровнымъ врагамъ! Что жъ дѣлать? Смиритеь сердцемъ, и помните, что Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Какую жертву въ настоящихъ обстоятельствахъ можете вы принести вашему отечеству выше этого смиренія. Можетъ быть, здѣсь есть вмѣстѣ и наказаніе за ту страшную неразборчивость въ средствахъ, которую вы позволяли себѣ для достиженія своей недостижимой цѣли. Добро, откуда бы нишло, вездѣ, всегда, хорошо. Позвольте же намъ этимъ добромъ искупить хоть часть того зла, которое и мы также, волею или не волею, вамъ причинили, впродолженіи нашей вѣковой борьбы. Но перестаньте думать о старыхъ формахъ: онѣ обветшали. Новый порядокъ вещей начинается на сѣверѣ. Помогайте развиваться Польшѣ, возрождаемой династіей Русскою, преемницею Ягеллонской, Шведской, Саксонской. Вотъ куда вамъ надо направить свои стремленія. Вотъ поприще, достойное вашихъ способностей.

Польша и Россія вмѣстѣ, въ дружескомъ братскомъ союзѣ, составляя одно цѣлое, подъ державою Александра II! Это будетъ великое явленіе, съ безконечными благими послѣдствіями для васъ, для насъ, для всего Славянскаго міра, для Европы, для человѣчества. И никто не отниметъ у васъ вашей славы. Вы приобрѣтете ее своими талантами, способностями, доблестями. Россія и Польша—вотъ чего бояться Европейскіе наши враги. Соединеніе Россіи и Польши въ братскомъ союзѣ есть не Бренновъ мечъ на вѣсахъ Римскихъ, а положительное предрѣшеніе многихъ Европейскихъ вопросовъ. Вотъ чему стараются мѣшать намъ враги, раздражая ваше самолюбіе, обманывая несбыточными надеждами.

Братья, братья! Обдумайтесь, вразумитесь. Покоритесь вашей судьбѣ, написанной свыше, а не въ дѣйствіяхъ Русскаго

правительства, и вы исполните ваше великое назначеніе, которое предчувствовали слыша звонъ, да не разобрали гдѣ.

На этомъ пути откроются для васъ, можетъ быть, средства исполнить ваши задушевныя желанія, желанія законныя, справедливыя, не въ родѣ тѣхъ, какія вы имѣете относительно Россіи, откроются или, по крайней мѣрѣ, облегчатся средства освободить прочія родствєнные Славянскія племена отъ чуждаго ига, о которыхъ вы, къ стыду вашему, и не помышляете. Великая задача, великое дѣло!

Сближайтесь съ народомъ, образуйте его, обрабатывайте вашу исторію, воздѣлывайте вашъ языкъ, занимайтесь литературою, посвящайте свои силы наукѣ, искусству. Нѣмцы въ этомъ отношеніи служатъ вамъ примѣромъ. Считаая себя въ количествѣ 30 милліоновъ, они такими занятіями снискали себѣ славу, и достигли высокой степени благосостоянія, безъ политической роли, за которую вы столько гоняетесь, и который, впрочемъ, не уйдетъ отъ васъ, если только вы оборотитесь за нею въ другую сторону. Я говорю вообще, а въ частности—какое поприще откроется вамъ на пространствѣ Русской имперіи, до Восточнаго океана и предѣловъ Индіи. Чего вы не надѣлаете для общей вашей и нашей пользы, вмѣсто того, что теперь влачите унылую жизнь среди иноплеменниковъ, которые подають вамъ милостыню, не потому, чтобы принимали живое участіе въ вашей несчастной судьбѣ, а потому, чтобы на всякій случай имѣть васъ на готовѣ для исполненія своихъ цѣлей.

Такой обширный кругъ дѣйствій для васъ уже начинался и послѣ 1812, и послѣ 1831 годовъ, по укрощеніи мятежей. Сколько было Поляковъ въ нашемъ генеральномъ штабѣ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ медицинскомъ вѣдомствѣ, на Кавказѣ, на Амурѣ, въ Новороссіи. Въ какомъ цвѣтущемъ состояніи заставили Польшу обѣ революціи?

Оно начинается и теперь. Давно ли остановленъ порядокъ, а уже на всѣхъ улицахъ въ Варшавѣ строятся огромные дома, магазины ломятся отъ всякихъ товаровъ, театры полны, въ Саксонскомъ саду никогда не продерешься, желѣзныя

дороги прокладываются во все концы. По улицам вездѣ движеніе. Жизнь кипитъ.

Нынѣшнія начала, основанныя на свободѣ народной, должны быть успѣшнѣе и долговѣчнѣе.

Поляки, вмѣстѣ съ Русскими, имѣютъ право ожидать всехъ возможныхъ средствъ, удобствъ, льготъ и правъ, отъ нынѣ царствующаго Государя. Не надо только мѣшать ему ни словомъ, ни дѣломъ и помышленіемъ, въ исполненіи благодѣтельныхъ его предначертаній, какія Богъ положилъ ему на сердце. Сердце Царево въ руцѣ Божіей.

Припомнимъ слова умнаго Поляка, князя Любецкаго, сказанныя имъ однажды въ административномъ совѣтѣ:

«Разсматривая оба государства», сказалъ онъ, «мы не найдемъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни насилій, ни перемѣнъ въ нравахъ и обычаяхъ: единственно съ чѣмъ можно сравнить ихъ отношенія между собою, это съ тѣми отношеніями, которыя существуютъ между двумя братьями, исполненными одинаковыхъ чувствъ благодарности къ ихъ отцу и повинующимися ему, не преграждая одинъ другому дороги».

Братья! Обнимемъ братски, не помня зла, и пойдемъ рука объ руку впередъ, впередъ, по пути истиннаго и вѣрнаго прогресса, восклицая вмѣстѣ: да здравствуетъ Александръ, Императоръ Всероссійскій и Царь Польскій! Да здравствуетъ освободитель! Еще Польша незгинѣла. Боже Царя храни!

А если нѣтъ, такъ нѣтъ!

1865. Ноября 26.

P. S. Я написалъ эту статью сгоряча, по возвращеніи изъ Варшавы и Вильны. Написавъ я отложилъ ее въ свой портфель. Черезъ мѣсяць прочелъ ее снова, — и признаюсь откровенно, услышалъ внутренней голосъ: нѣтъ, это фантазія, это утопія! Поляки не вразумятся. *Nabzent sua fatationes!*

Все таки я печатаю статью: пусть она останется для Поляковъ доказательствомъ Русскаго непамятозлобія, свидѣтель-

ствомъ нашего искренняго доброжелательства, въ предѣлахъ разумной возможности, — а безпристрастные читатели въ Европѣ пусть увидятъ изъ нея настоящее положеніе Польскаго вопроса и наше, Русское, къ нему отношеніе.

1865.

Декабря 21.

Черезъ годъ, Января 15, 1867.

Р. S. Событія обгоняютъ одно другое. Между Поляками обнаружилось новое. Они замышляютъ или мечтаютъ образовать что-то въ Галиціи. Извѣстіями объ ихъ дѣйствіяхъ, заявленіяхъ и предположеніяхъ, наполнены всѣ газеты.

Русскіе въ Галиціи, которые составляютъ все народонаселеніе въ восточной части, подвергаются всѣмъ возможнымъ притѣсненіямъ, лишеніямъ и ругательствамъ.

Позволяю себѣ сказать Полякамъ еще нѣсколько словъ. Милостивые государи! Вы угнетаете Русскихъ въ Галиціи. Ваша система угнетенія несчастныхъ рабовъ доходить уже до крайней степени. Стоны ихъ доносятся, наконецъ, и до всей Россіи. Какимъ же образомъ вы хотите, чтобъ мы, Русскіе, не принимали мѣръ противъ такихъ насилій въ Волыни, въ Подоли, и вообще въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ вы такіе же пришельцы, какъ и въ Галиціи? Не ясно ли, какъ день, во первыхъ, что вы своими дѣйствіями въ Галиціи даете намъ право поступать точно также съ вами, *par le droit de gergesailles*. даже въ Царствѣ Польскомъ? Какое право имѣли бы вы жаловаться. Вѣрно ли, логически и исторически, мое утвержденіе? Но нѣтъ, въ Царствѣ Польскомъ Русскіе освобождаютъ Польскихъ крестьянъ отъ крѣпостной, хоть и въ другой формѣ, зависимости, надбѣляютъ ихъ землею, освобождаютъ города отъ феодальнаго ига. Чувствуете ли вы разницу? Если вы не можете дать намъ лучшаго примѣра, то берите его хоть съ насъ.

Поговоримъ теперь съ другой стороны о вашихъ мечтаніяхъ. Вы надѣетесь, что Австрійское правительство возстановитъ для васъ Польшу, (я не понимаю, впрочемъ, какую),

но какъ же вы не подумаете, что королевство Богемія, съ вами смежное, триста лѣтъ почти находясь подъ владычествомъ Австрійскимъ, не можетъ похвалиться никакими благодѣяніями Австріи? Какимъ же образомъ Австрія, столь непріязненная для національности Чешской, впродолженіи вѣковъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, окажется такою родною благодѣятельницею для національности Польской, и, стѣсня систематически Чеховъ, будетъ дѣлать всякія любезности для Поляковъ? Я говорилъ о Чехахъ, а прочія національности Славянскія, — Кроаты, Далматы, Славонцы, Сербы, развѣ свидѣтельствуютъ вамъ не тоже?

Послушайте, что говорятъ Славянскія газеты въ послѣднихъ нумерахъ своихъ: «Австрія не только никогда не пользовалась сочувствіемъ Турецкихъ Славянъ, но постоянно возбуждала ненависть къ себѣ въ Хорватахъ, Сербсахъ и Румынахъ, населяющихъ ея южныя провинціи.»

«Пограничное населеніе Турціи ни мало не расположено въ пользу Австріи; напротивъ, оно готово пристать даже къ самой Портѣ, лишь бы не попасть подъ Австрійское владычество.» А вы, несчастные, ищете тамъ спасенія!

И когда вы соединяетесь, дружитесь, съ исконными врагами Славянъ? Когда все Славяне возстаютъ духомъ, и стремятся свергнуть съ себя ненавистное чуждое иго и устремляютъ свои взоры къ Россіи!

Но вы, въ своемъ ослѣпленіи, ничего и никого знать не хотите, страдая своею, хотя во многихъ отношеніяхъ и почтенною мономаніей?

О, друзья мои, взываю въ сотый разъ, опомнитесь, образумьтесь, и поймите, что противъ рожна прати не возможно. Подумайте, что на васъ возстаетъ новая сила, съ которою вамъ придется считаться. Это распространяющееся сознание Русскаго народа. Своими покушеніями, своими угрозами и объявленіями, вы вредите только самимъ себѣ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, вызываете соотвѣтствующія мѣры. Никакой надежды для васъ нѣтъ, если смотрѣть на Европейскія обстоятельства хладнокровно. Какая бы ни случилась война, какъ бы она ни кончилась,

пусть даже отказалась бы от васъ Россія, по Вислу ли, по Нѣманъ ли съ Бугомъ, ну васъ неминуемо поглотить тогда Нѣмецкій элементъ, представившій вамъ разительныя тому доказательства въ Помераніи, Силезіи, и даже Познани. Слѣдовательно, единственное спасеніе для Польской національности, для Польскаго имени, заключается только въ соединеніи Польши съ Россією. И если Россія убѣдится въ вашемъ перерожденіи, вашемъ совлеченіи ветхаго Польскаго челоуѣка, въ искреннемъ обращеніи вашихъ взглядовъ съ запада на востокъ, тогда весь образъ дѣйствій Русскаго правительства, и теперь все-таки больше оборонительный, чѣмъ наступательный, навѣрное измѣнится, къ общему удовольствію, — и вы, и мы, вздохнемъ спокойно.

Останетесь вы при прежнемъ, тогда въ виду для васъ ничего не можетъ быть, кромѣ худаго и худшаго, и пѣнать должны вы будете не на судьбу, а на себя. На многихъ страницахъ этого сборника вы видѣли мои чувствованія, мои правила, и вмѣстѣ все безпристрастіе, съ которымъ я смотрю на Польскій вопросъ, сколько уважалъ и любилъ всегда Поляковъ, но теперь, признаю откровенно, я прихожу уже въ отчаяніе, и говорю, кажется, въ послѣдній разъ, отказываясь отъ своихъ прежнихъ мечтаній, и восклицая: такъ видно хочетъ Исторія!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РЪЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ОБЪЕДЪ,

ВЪ ЧЕСТЬ СЛАВЯНЪ,

въ Сокольникахъ. Мая 21 1867 г.

...Братское, горячее сочувствіе, проявившееся съ такою силою во всемъ Русскомъ народѣ, должно служить, какъ для васъ, такъ и для насъ великимъ знаменіемъ во благо. Посѣщеніе ваше должно составить эпоху въ исторіи всего Славянства, и старая Москва считаетъ себя счастливою, что ей удалось оказать важную услугу отечеству, подавъ къ тому нечаянно поводъ.

Не вдаваясь въ политику, на нашемъ праздникѣ мира, согласія и любви, мы, Русскіе люди, выразимъ только, въ эту торжественную минуту, передъ лицомъ всей Европы, наше искреннее, глубокое, и вмѣстѣ, смѣемъ сказать, законное и справедливое желаніе, чтобъ Славянскія племена, — подь чьей-бы державою теперъ ни состояли, — пользовались всѣми правами, кои подобаютъ Европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія; чтобъ никто изъ нихъ болѣе не подвергался прежнимъ недостойнымъ обидамъ, оскорбленіямъ и притѣсненіямъ — Чехи и Сербы, Кроаты и Болгары, Славонцы и Штирійцы, Босняки и Черногорцы, Словаки и Моравляне, Лужичане и Далматинцы, Русскіе Галичане и Поляки.

Я произнесъ имя Поляковъ. Но гдѣ же они? Я не вижу здѣсь никого. Увы! они, одни изъ Славянъ, стоятъ далече, и бросають на насъ суровые взгляды. Нужды нѣтъ, Богъ съ ними!

Мы неисключаемъ ихъ изъ нашей семьи, и, горько плача объ роковомъ ихъ ослѣпленіи, желаемъ, чтобы они, хоть теперь увидѣли свое неестественное положеніе, находясь въ тѣсномъ союзѣ съ исконными врагами Славянства, въ родѣ Турокъ, тогда какъ всѣ Славяне между собою любезно цѣлуются и крѣпко обнимаются.

О еслибъ они, помолимся братья, забывъ прошлое, оставивъ вражду, довѣрились благодушію нашего возлюбленного, благороднаго Государя, носящаго имя ихъ перваго благодѣтеля, Александра! Тогда радость наша, Русская и Славянская, была бы полною.

Заключаю: да здравствуютъ Славяне, и да низпошлетъ имъ милосердый Богъ, послѣ всѣхъ страданій, лучшіе, счастливѣйшіе дни! Да укрѣпляется духовный, сердечный союзъ между ними, крѣпче и крѣпче! Да сдѣлается нынѣшнее свиданіе началомъ ихъ постоянныхъ сношеній, на пользу науки, промышленности, торговли, колонизаціи,—на пользу всѣхъ нарѣчій, и одного, нужного, кажется, для этой цѣли избраннаго ими языка, съ одною азбукою. Слава! Живіо! Ура!

ДВА СЛОВА О ПОЛЯКАХЪ

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ.

Поляки представляютъ удивительное явленіе психологическое, (въ духовномъ отношеніи). Дѣйствія ихъ никакъ нельзя объяснить по правиламъ обыкновеннаго здраваго смысла.

Въ Европѣ произошли важныя политическія перемѣны. Становясь на ихъ мѣсто, раземотримъ, какъ они отнеслись къ этимъ перемѣнамъ, и какую пользу, какимъ образомъ придумали они извлечь для своего дѣла изъ новыхъ Европейскихъ отношеній.

Пруссія сдѣлалась господствующею державою въ Германіи, Австрія вытѣснена изъ Германіи.

Пруссія усилилась, Австрія ослабѣла, лишаась Италіи, потерпѣвъ пораженіе, разстроивъ свои финансы. Всѣ ея владѣнія покалебались.

Вліяніе и значеніе Франціи уменьшилось.

Россія сдѣлалась особенно важною, и для Пруссіи и для Франціи, ставшія въ непріязненныя между собою отношенія. Обстоятельства обратились, по крайней мѣрѣ на время, въ ея пользу.

Славяне пришли въ движеніе въ Австрійскихъ областяхъ, и еще болѣе въ Турецкихъ.

Вотъ какъ представляется нынѣ Европа.

Что же сдѣлали Поляки? Какое приняли положеніе, въ виду этихъ отношеній?

Пусть лютейшіе враги ихъ придумаютъ для нихъ самый вредный, самый пагубный образъ дѣйствій, съ цѣлю причинить имъ какъ можно болѣе зла,—и вѣрно они не избрѣтутъ ничего хуже. Скажу болѣе: въ голову никому не можетъ придти ничего подобнаго! И это должно сказать не объ одной какой нибудь ихъ выходкѣ, не объ единичномъ дѣйствии, нѣтъ, они представляютъ цѣлый рядъ дѣйствій, одно другаго безмысленнѣе, безцѣльнѣе, несчастнѣе, пагубнѣе. (Оставляю въ сторонѣ нравственность, удерживаюсь отъ выраженій, какими можно было имъ оскорбиться, хотя эти выраженія и вѣрно означили бы ихъ дѣйствія).

Обозримъ же ихъ дѣйствія по порядку.

Лангевичъ, довѣренное лице между Поляками, бывший Диктаторъ, переселяется въ Турцію и вступаетъ въ ея службу, объявля торжественно въ особомъ манифестѣ, что судьба Польши соединена съ судьбою Турціи, и что они должны дѣйствовать общими силами противъ своихъ враговъ, особенно Россіи. *

Множество Поляковъ за нимъ слѣдуетъ, и присоединяется къ тѣмъ, которые издавна уже тамъ живутъ и служатъ.

Спрашивается: ставятъ ли себя Поляки такимъ поступкомъ и такимъ заявленіемъ въ враждебныя отношенія къ Турецкимъ Славянамъ, которые вездѣ волнуются, и стремятся свергнуть ненавистное иго?

Возбуждая противъ себя Турецкихъ Славянъ, они возбуждаютъ также и Австрійскихъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ.

Для чего же? Какую пользу они могутъ извлечь для Польскаго дѣла. Если Турція, очевидно для Европы, распадается со всякимъ днемъ, и только великими уступками можетъ отерочивать грозящую ей гибель, уступками Румыніи, Сербіи, Египту,—то что же можетъ она сдѣлать для Польши? Съ чѣмъ сообразно соединять ей свою судьбу съ судьбою Турціи? Безмыслица это или нѣтъ?

* Въ нѣкоторыхъ газетахъ пишутъ даже, что онъ надѣлъ чалму и перешелъ къ Исламу, привявъ начальство надъ полиціей въ Константинополѣ!

Австрія, въ крайности, принимаетъ систему дуализма (двойства), и предоставляетъ Венгріи одинакія права съ собою, то есть Венгрія и Австрія представляютъ теперь два государства почти отдѣльные: Цизлейтанію и Транзлейтанію, (по сю и по ту стороны Лейты), соединенныя только подъ однимъ скипетромъ. Австрійцы рѣшились такимъ образомъ отдать Славянъ на жертву Мадырамъ.

Что же дѣлаютъ Поляки? Они соединяются съ Австрійцами и Мадырами, чтобъ дѣйствовать противъ Славянъ, въ Цизлейтаніи и Транзлейтаніи, точно какъ и въ Турціи, и такимъ образомъ возстановляютъ ихъ противъ себя окончательно.

Какую же пользу думаютъ они получить отъ этого для Польскаго дѣла? Тридцать еще лѣтъ тому назадъ сказалъ я, что Австрійская имперія менѣе Турецкой имѣетъ залоговъ для своего существованія. Въ наше время чуть душа держится у нея въ тѣлѣ. Что же могутъ сдѣлать Австрійцы для Поляковъ?

Изъ какихъ видовъ можно имъ соединять свою судьбу съ судьбою Австріи?

Не говорю о томъ, что Австрійцы, угнетая Славянъ въ продолженіи вѣковъ, не подаютъ никакой надежды на симпатію къ какому ни на есть Славянскому племени; не говорю о томъ, что даже въ эту минуту, предавая на примѣръ, Кроатовъ Мадырамъ, въ знакъ благодарности за ихъ подвиги съ Елачичемъ и недавнее спасеніе Вѣны, они представляютъ разительный образчикъ своей политики, и вмѣстѣ доказательство, что Поляки, какъ Поляки, ничего отъ нихъ никогда ожидать немогутъ, развѣ Галицкой рѣзни. (Скоро они позабыли ее)!

Австрійцы теперь позволяютъ только Полякамъ угнетать Русскихъ въ Галиціи, (не на добро, впрочемъ, себѣ и имъ).

Поговоримъ же объ отношеніяхъ Поляковъ къ Русскимъ въ Галиціи.

Угнетая тамъ Русскихъ, они представляютъ всей Европѣ образчикъ своихъ прежнихъ дѣйствій въ Волини, въ Подолиі, въ Бѣлоруссіи, то есть въ девяти нашихъ западныхъ губерніяхъ. Своими систематическими преслѣдованіями они подаютъ

только намъ побѣдоносное оружіе противъ себя оправдываютъ всѣ принимаемыя нами мѣры въ западныхъ губерніяхъ: можемъ ли мы допустить, чтобъ такія Польскія дѣйствія тамъ продолжались? Можемъ ли мы отдавать Русскихъ, своихъ единоплеменниковъ, на жертву Полякамъ, какъ ихъ отдала Австрія!

Если бы кто нибудь изъ Русскихъ усомнился въ возможности оставаться тамъ Польскимъ помѣщикамъ, то настоящее положеніе Галиціи разувѣрило бы самаго отчаяннаго оптимиста.

Поляки, угнетая Русиновъ привязываютъ ихъ еще болѣе къ Россіи, съ одной стороны, а съ другой возбуждаютъ живое участіе всѣхъ Русскихъ къ судьбѣ своихъ соотечественниковъ.

Во всякомъ случаѣ, три милліона Русскихъ не могутъ оставаться подъ подобнымъ гнетомъ, и если даже Россія дипломатическимъ путемъ не приняла участія въ ихъ несчастной судьбѣ, то пробудившееся народное сознаніе, въ Галиціи и Венгріи, остановило бы угнетеніе.

Заключаю: образъ дѣйствія Поляковъ въ Галиціи служить новымъ доказательствомъ ихъ политической безтактности.

Да и сами Австріяцы, скажу мимоходомъ, не показываютъ высокой политики, раздражая безъ пользы Россію несправедливымъ покровительствомъ, хотя временнымъ, Полякамъ и угнетеніемъ Русскихъ.

Пойдемъ далѣе. Безсмыслица продолжается, какъ видятъ читатели....

Представители Славянскихъ племенъ собираются ѣхать въ Москву на этнографическую выставку. Между ними находятся многіе передовые люди, стоящіе въ главѣ своихъ племенъ: Палацкій, Ригеръ, Эрбень, Браунеръ, Вртятко, Грегръ, Субботичъ, Полить, Ливчакъ, Головацкій, Петроніевичъ, Шафарикъ, Ковачевичъ, Миленковичъ, Гай, Вукотичъ, Пламенаць и проч.

Съ нашей стороны это была простая случайность, приглашеніе въ гости, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Такъ ѣхали, можетъ быть, и нѣкоторые изъ Славянъ, а другіе, можетъ быть, имѣли цѣли познакомиться съ страной, о которой слышатся въ Европѣ показанія разнорѣчація, увидѣть людей и узнать ихъ настроеніе, расположеніе, взгляды: какъ бы то нибыло, намѣреніе было принято твердое вышенаименованными Славянами. Что дѣлають Поляки?

Они стараются всѣми силами отклонять ихъ отъ этого намѣренія, называютъ ихъ измѣнниками, осыпають Москалей ругательствами, и взводятъ на нихъ разныя напраслины, нисколько недумая, что ложь и клеветы тотчасъ должна была обнаружиться, и пасть на ихъ же головы.

Этого мало! Въ своемъ манифестѣ они заявляютъ опять-таки требованія не только на западныя наши губерніи, на границы 1772 года, но даже и на Кіевъ, соединяя гербы орла, погоню и св. Михаила. Они спрашиваютъ у насъ Кіева! Безмыслица эта или нѣтъ? Не должны ли увидѣть здѣсь безмыслицу даже друзья Поляковъ?

Императоръ Александръ объявилъ Полякамъ амністію (всепрощеніе). Указъ подписанъ въ Вержболовѣ, на границѣ, тысячи семействъ возвращались на родину и прекращались всѣ начатыя слѣдствія.

Чѣмъ же Поляки отвѣчали на это великое дѣло милосердія? Смертоноснымъ выстрѣломъ.

Что должны подумать о такой благодарности безпристрастные, спокойные, порядочные люди въ Европѣ? Какую же пользу приносятъ всякія мягкія, благодущныя мѣры, говорятъ строгіе судьи. Поляки неспособны ихъ чувствовать, и слушаться могутъ только силы. Не доказываетъ-ли этотъ выстрѣлъ, лучше всего, ослѣпленіе Поляковъ, которые ничего не разбирають, ничего знать не хотятъ, ничего не видять, кромѣ своей цѣли — на луиѣ. Опять таже безмыслица, но все не здѣсь еще ея границы:

И. Александръ пріѣхалъ въ Парижъ, изрекши слово милости къ тысячамъ Поляковъ, подавая надежду, что эта милость будетъ не послѣднею, и что для Поляковъ имѣется въ виду лучшая будущность. Но этого мало: И. Александръ

являлся въ Парижъ миротворцемъ, — и вся Европа признавала, что грозившая ей война отклонена преимущественно посредничествомъ И. Александра, — и эту-то минуту безумецъ избралъ для нанесенія ему смерти; слѣд. вооружалъ очевидно общее мнѣніе противъ Польши.

Должны ли были Поляки подумать о тѣхъ чувствахъ негодованія, которое естественно должно было возбудиться во Франціи, столь живо принимающей къ сердцу всѣ вопросы, гдѣ затрогивается ея честь.

Посѣщеніе Парижа И. Александромъ было дѣйствіемъ въ высшей степени значительнымъ и важнымъ для И. Наполеона, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ сей послѣдній находился. Чуть-ли оно не было наивеличайшимъ для него одолженіемъ! Можно, слѣдовательно, разсудить, какъ заботился И. Наполеонъ о достойномъ приѣмѣ своего царственного гостя, о выраженіи своей благодарности, о доставленіи ему всѣхъ возможныхъ удовольствій и пріятностей. Что же долженъ былъ онъ почувствовать, когда пуля пролетѣла между Государемъ и его двумя сыновьями. Въ какое положеніе поставили Поляки И. Наполеона, Поляки, имѣвшіе въ немъ главнаго своего покровителя, въ благодарность за его гостепріимство? Подвергаются ли они опасности лишиться послѣдняго своего убѣжища? Должны-ли были имѣть въ виду это убійца и его руководители?

Я сказалъ — руководители. Напрасно газеты приписываютъ покушеніе фанатизму, и считаютъ его дѣйствіемъ одинокимъ: И. Александръ только что пріѣхалъ въ Парижъ, и о пріѣздѣ его убійца узналъ не больше какъ за пять дней. Чтоже — въ эти два-три дня возникло его намѣреніе?

Если онъ намѣревался убить И. Александра, то чтоже ему было дѣлать въ Парижѣ, куда и предполагать нельзя было посѣщенія? Ему неслѣдовало бы и выѣзжать изъ Россіи, и искать тамъ случая исполнить свое намѣреніе.

Юноша, 18—20 лѣтъ, ремесломъ слесарь, какъ могъ возымѣть эту мысль? Всѣ подобные люди были въ самой Польшѣ только наемниками.

Совершить покушеніе въ Парижъ, который принималъ съ восторгомъ царственнаго своего гостя, въ глазахъ И. Наполеона, который считалъ себя одолженнымъ И. Александру, вслѣдъ за амнистіей для Поляковъ, и умиротвореніемъ Европы, есть такая уже безсмыслица, которой и прилагательнаго не прищешь.

А наконецъ—какую пользу получили бы Поляки для своего дѣла даже въ случаѣ своего, страшно выговорить... успѣха?... Тотъ или другой государь—рѣшительно для нихъ все равно. Отношенія Россіи и Польши не перемѣнились бы нисколько; а прибавилось бы только ненависти и злобы. Жизнь всѣхъ Поляковъ внутри Россіи подверглась бы опасности. Мнѣніе всей Европы возбудилось бы еще сильнѣе противъ несчастнаго народа, который долженъ терпѣть и страдать изъ-за мечтаній несбыточныхъ одной безумной шайки!

Провидѣніе отклонило выстрѣлъ отъ И. Александра, но безумецъ попалъ въ самое сердце несчастной Польши!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
1831. Историческія размышленія объ отношенія Польши къ Россіи.	1
— Рецензія Польской Исторіи Бандге.	11
1839. Отрывокъ изъ донесенія Министру народнаго про-свѣщенія.	24
1854. Письмо о Польшѣ.	36
— Посланіе къ Полягамъ	43
1856. Записка о Польшѣ.	49
1859. Польша и Россія. Отрывокъ.	61
1861. Посланіе къ Полякамъ	65
1862. Отрывокъ изъ статьи о Петербургскихъ пожарахъ, относительно Поляковъ	75
1863. Польскій вопросъ.	77
— Нѣсколько словъ о Западныхъ губерніяхъ	99
— Письмо къ Гизо	104
— По поводу новыхъ слуховъ	111
— Письмо къ редактору Московскихъ Вѣдомостей	116
— Письмо къ Гарибальди	121
— Отповѣдь Французскому журналисту	124
— По поводу депешъ князя Горчакова	145
— Замѣтки и выписки	148
— Система Велепольскаго	155
— Итого	160
— Письмо къ Палацкому	162
— О книгѣ Шедо-Ферроти	179
1865. Польское дѣло.	190
1867. Отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной на обѣдѣ въ честь Славянъ, въ Москвѣ	232
— Два слова о Полягахъ въ послѣднее время.	234

**INSTYTUT
BADAN LITERACKICH PAN**
Biblioteka
ul. Nowy Świat Nr 72
00-380 Warszawa
Tel. 26-68-63, 26-52-31 w. 42

F
2696